

После пандемии COVID-19 Перспективы восстановления экономики в Центральной Азии

После пандемии COVID-19 Перспективы восстановления экономики в Центральной Азии

Оглавление

Выражение признательности	5
Предисловие	7
Введение	9
COVID-19 в Центральной Азии: старые и новые проблемы	9
Оценка воздействия пандемии на здоровье населения	10
Укрепление основ для восстановления с опорой на частный сектор	18
Глава 1. Экономические последствия COVID-19 в Центральной Азии	21
Введение	21
Инфляция, динамика долга и управление государственными доходами создают риски для макроэкономической стабильности	26
Социально-экономическое неравенство в Центральной Азии	42
Глава 2. Преграды на пути политики в области восстановления	50
Введение	50
Управление государственными доходами	50
Устранение правовых и политических барьеров на пути восстановления и развития частного сектора	55
Цифровая трансформация	61
Экологизация	66
Глава 3. Использование услуг БПО для поддержки восстановления и развития бизнеса	73
Введение	73
Роль БПО в развитии частного сектора	74
Ключевые дальнейшие цели	83
Заключение	86
Список литературы	88

РИСУНКИ

Рисунок 1. Рост реального ВВП в Центральной Азии и ключевых регионах	10
Рисунок 2. Ключевые показатели здравоохранения, Центральная Азия и страны – члены ОЭСР	11
Рисунок 3. Жесткость мер сдерживания в Центральной Азии	12
Рисунок 4. Избыточная смертность в Центральной Азии	14
Рисунок 5. Закупка вакцин и их введение в Центральной Азии	17
Рисунок 6. Долгосрочный рост реального ВВП в Центральной Азии	21
Рисунок 7. Экономическая активность в Центральной Азии: Google Mobility	22
Рисунок 8. Динамика инфляции в Центральной Азии	26
Рисунок 9. Экономическая приемлемость долга в Центральной Азии	28
Рисунок 10. Общее сальдо бюджета сектора государственного управления в Центральной Азии (% ВВП)	30
Рисунок 11. Диверсификация экспорта в Центральной Азии	33
Рисунок 12. Показатели внешнеэкономического сектора Центральной Азии (2017–2020 гг.)	35
Рисунок 13. Концентрация торговли в Центральной Азии	36
Рисунок 14. Приток ПИИ (в миллионах долларов США) в Центральную Азию и ПИИ в процентах от ВНОК	37
Рисунок 15. ПИИ, занятость и производительность в Кыргызстане	39
Рисунок 16. Отраслевая структура ПИИ в Таджикистане (2010–2020 гг.)	40
Рисунок 17. Добавленная стоимость на одного работника (тыс. тенге) и показатели занятости в различных секторах (2019 г.)	43
Рисунок 18. Международные денежные переводы мигрантов в Центральной Азии и пандемия	45
Рисунок 19. Финансовая инклюзивность и доступность цифровых каналов связи в Центральной Азии	47
Рисунок 20. Закрытие школ в Евразии во время пандемии	48
Рисунок 21. Индекс регуляторных ограничений ПИИ ОЭСР (за 2020 год)	57
Рисунок 22. Центральная Азия и индикаторы упрощения процедур торговли ОЭСР	61
Рисунок 23. Индекс регуляторных ограничений ПИИ ОЭСР (за 2020 год): связь	65
Рисунок 24. Килограммы CO ₂ , произведенные на каждый доллар ВВП по ППС	67
Рисунок 25. Энергетические субсидии в Центральной Азии (% ВВП)	70

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1. Обзор мер фискальной политики в Центральной Азии, 2020 г. и I–II кв. 2021 г.	25
Таблица 2. Экологизация в национальных стратегиях развития Центральной Азии	68

Выражение признательности

Этот отчет является продолжением работы, проведенной в рамках Программы по повышению конкурентоспособности стран Евразии в 2020 и 2021 годах, и дополняет ее сведениями о влиянии пандемии COVID-19 на экономику стран Центральной Азии. Работа велась в рамках финансируемой ЕС программы «Центральная Азия Инвест».

Отчет был подготовлен под руководством Уильяма Томпсона, главы Евразийского отдела Секретариата ОЭСР по международным отношениям, тогда как управление работой осуществляли Грегори Леконт, старший аналитик по вопросам политики и руководитель отдела, и Арно Прете, заместитель руководителя отдела, а ее координацию – Люк Макл, аналитик по вопросам политики Евразийского отдела ОЭСР.

Основным автором отчета является Люк Макл, но значительный вклад в него внесли также Амели Шурих-Рей, аналитик по вопросам политики/экономист, Талиса цур Хаузен, аналитик по вопросам политики, и Катрина Киган, младший аналитик по вопросам политики, – сотрудники Евразийского отдела ОЭСР. Авторы благодарны за аналитическую и исследовательскую помощь, предложенную Алексисом Патеном и Сезаром Бернардом, младшими аналитиками по вопросам политики Евразийского отдела ОЭСР. Анна Чахтактински и Мариана Танова, ассистенты по программам из Евразийского отдела ОЭСР, оказывали ценную помощь на протяжении всей реализации проекта, а Элиза Ларракоэчеа, администратор проектов в Евразийском отделе ОЭСР, предложила неоценимую помощь в редакции итогового варианта отчета.

Авторы отчета также благодарны Карлосу Конде, главе отдела БВСА (Ближний Восток и Северная Африка), и Жану-Франсуа Ленгеллю, старшему аналитику Евразийского отдела, за конструктивные комментарии и обратную связь.

Авторы признательны местным экспертам за поддержку в организации серии виртуальных круглых столов, посвященных тем или иным странам, в 2020 году, результаты обсуждения на которых вошли в эту окончательную версию отчета: Мадине Нуракишевой из Казахстана, Бакыту Омурзакову из Кыргызстана, Веронике Грушевской из Таджикистана, Светлане Байрамовой из Туркменистана и Икбал Юсуповой из Узбекистана.

Глава 3 отчета была подготовлена на основании вклада многочисленных заинтересованных сторон в сообществе бизнес-посреднических организаций (БПО) Центральной Азии. Их слишком много, чтобы перечислить здесь каждого, но авторы чрезвычайно благодарны каждой БПО, которая нашла время поговорить с ними и ответить на возникшие вопросы.

Предисловие

Масштаб влияния пандемии COVID-19 на экономику стран Центральной Азии нельзя переоценить, как и ее последствия для их дальнейшего развития и диверсификации в ближайшие годы. В течение 2020 года Программа ОЭСР по повышению конкурентоспособности стран Евразии выпускала ряд региональных заметок, посвященных оценке экономического воздействия кризиса по мере его развития. Настоящий отчет основывается на этом материале и содержит детальную оценку не только краткосрочных последствий пандемии для экономики региона, но также среднесрочных и долгосрочных последствий для траектории экономического развития Центральной Азии. С этой целью в отчете используется широкий спектр работ, подготовленных ОЭСР ранее. В разделах, посвященных деловому климату и влиянию пандемии на привлечение инвестиций в период восстановления, используются материалы доклада *«Улучшение правовой среды для бизнеса и инвестиционной деятельности в Центральной Азии»*, опубликованного в апреле 2021 года. В других разделах анализ основан на отчетах ОЭСР, подготовленных во время пандемии, в частности *«Гендерные разрывы в Евразии»* и *«Теневая экономика Евразии»*, опубликованных в начале 2021 года. В отчете также используются актуальные материалы, подготовленные ОЭСР, по таким критически важным вопросам, как цифровизация, экологизация и управление государственными финансами.

Освещая ряд многолетних структурных проблем в регионе, а также некоторые явления и процессы мировой экономики, отчет содержит рекомендации относительно разработки дорожной карты для *более эффективного восстановления*. В их основе лежит необходимость обеспечения для частного сектора региона возможности вносить более весомый вклад в рост и создание рабочих мест, что в итоге должно привести к повышению устойчивости и инклюзивности его экономического роста. Этот анализ не является исчерпывающим и не должен рассматриваться как таковой. Следует отметить несколько важных упущений. Во-первых, географический охват отчета ограничен Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Во-вторых, ряд важных проблем упоминается лишь вскользь, например вопросы, касающиеся конкуренции и навыков, – двух тем, которые Программа ОЭСР по повышению конкурентоспособности стран Евразии планирует рассмотреть в ближайшие годы в отдельном отчете. В-третьих, ввиду относительно ограниченного объема отчета и последствий этого для детализации каждой области политики отчет не содержит конкретных рекомендаций в области политики для конкретных стран, а скорее предлагает рассмотреть ряд более общих приоритетных вопросов. Разработка более подробных рекомендаций начнется на экономическом форуме «Европейский союз – Центральная Азия» в Бишкеке в ноябре 2021 года.

Цель этого отчета – помочь правительствам Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана сформировать политику, которая позволит их частному сектору сыграть значительную роль в восстановлении экономики после кризиса и будет способствовать ее более инклюзивному и устойчивому росту. В главе 1 проводится анализ макроэкономического воздействия COVID-19 на экономику региона и оценка общих ответных мер правительств в области

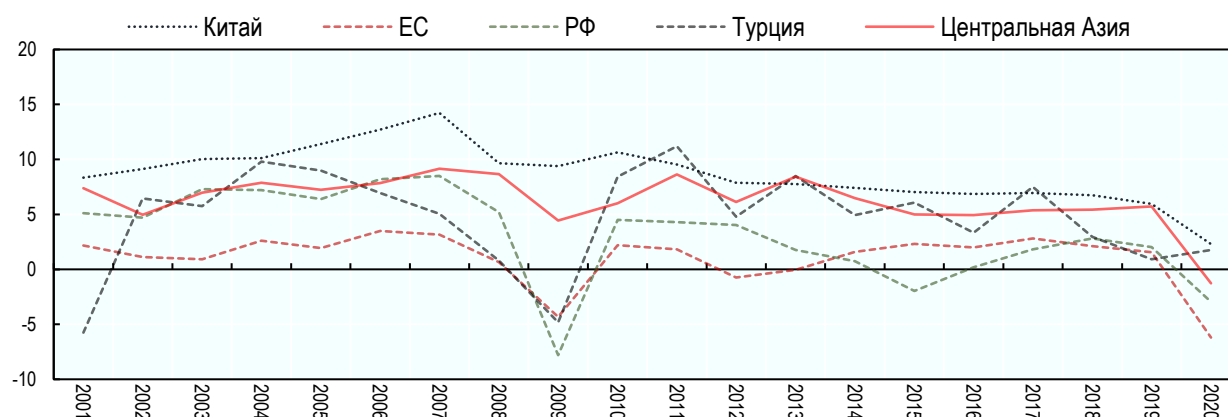
экономики, включая основные факторы, определяющие варианты политики. Глава 2 посвящена четырем областям политики, которые будут иметь решающее значение для восстановления: управление доходами, улучшение делового климата, цифровизация и экологизация. В главе 3 рассматриваются способы, с помощью которых БПО могут помочь частному сектору восстановиться посредством прямого предоставления услуг и диалога с правительствами для обеспечения того, чтобы политика отражала фактическую реальность и потребности бизнеса. Последний раздел завершают некоторые соображения относительно дальнейших действий.

Введение

COVID-19 в Центральной Азии: старые и новые проблемы

Разворачивание пандемии COVID-19 в Центральной Азии в начале 2020 года вызвало огромные социальные и экономические потрясения в регионе, который на тот момент еще не оправился от последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 годов и ценового шока на сырьевых рынках 2014–2015 годов. Экономические показатели после этих потрясений свидетельствовали о том, что траектории экономического и циклического роста, характерные для большинства стран региона, начали спадать еще до пандемии: темп трендового роста ВВП замедлился, рост производительности сбавил обороты, неравенство обострилось, а сближение со странами ОЭСР и ЕС затянулось (OECD, 2020^[1]). Сокращение потенциала роста, обусловленного добычей полезных ископаемых, в частности углеводородов, затронуло даже страны, не относившиеся к ведущим экспортерам топлива и металлов, такие как Кыргызстан и Таджикистан. Они много лет экспортировали излишки рабочей силы и получали взамен крупные денежные переводы. В новых условиях их экономическое благосостояние и стабильность во многом зависели от условий на рынках труда более богатых соседей, особенно России и в некоторой степени Казахстана. Таким образом, страны Центральной Азии и без того испытывали трудности с восстановлением динамики и формированием фундамента для новых моделей роста, когда пандемия COVID-19 поразила регион – сначала через торговые каналы, а затем с появлением самого вируса.

Так, фундаментальные структурные недостатки обусловили особую уязвимость стран Центральной Азии к пандемии и вызванным ею потрясениям. Ее воздействие на местную экономическую активность было катастрофическим: предприятия закрылись, поскольку в большинстве стран были введены меры сдерживания, мобильность была ограничена, а границы – временно закрыты. Тем не менее влияние кризиса на экономику региона было особенно серьезным из-за перебоев в торговле, низкого глобального спроса на энергоносители и сырьевые товары и ограничений на передвижение, игравших роль основных факторов роста в регионе. Ситуацию осложняет тот факт, что их восстановление во многом зависит от факторов, находящихся вне сферы контроля правительств региона. Центральная Азия может занимать географически удаленное положение, однако ее экономический рост тесно связан со спросом со стороны ряда внешних центров глобального спроса (Рисунок 1).

Рисунок 1. Рост реального ВВП в Центральной Азии и ключевых регионах

Источник: (World Bank, 2021^[2]).

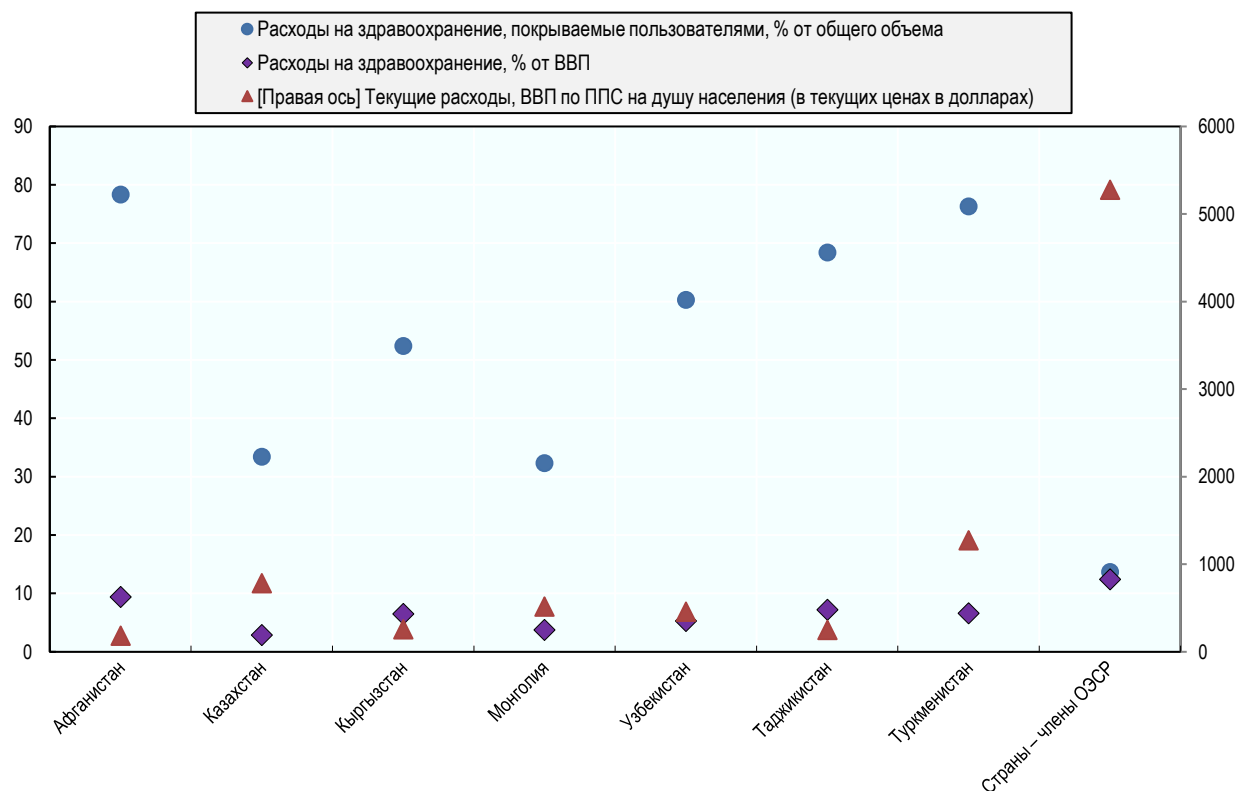
По официальным данным, совокупный ВВП Центральной Азии в 2020 году сократился на 1,7 % (Рисунок 1), что нивелировало рост доходов на душу населения по крайней мере за четыре предыдущих года для некоторых стран региона и свело на нет весь прогресс, достигнутый в снижении уровня бедности (World Bank, 2021^[3]). Во всей Центральной Азии около 1,4 миллиона человек оказались за чертой бедности – 58 % от общего прироста бедности во всем регионе Европы и Центральной Азии, по оценкам Всемирного банка (там же). Воздействие на страны, в которых ключевую роль играют добывающий и туристический секторы, такие как Казахстан и Кыргызстан, было особенно значительным: их экономика сократилась на 2,5 и 8 % соответственно. Данные Google Mobility показывают, что экономическая активность в первом квартале 2021 года остается значительно ниже базового уровня, несмотря на отмену мер сдерживания (глава 1). В каждой стране региона наблюдаются признаки того, что восстановление может занять больше времени, чем ожидалось изначально. Затяжные последствия пандемии и медленное развертывание вакцинации могут сдерживать рост в среднесрочной перспективе, а в долгосрочной – привести к более медленному сближению с развитыми странами ОЭСР.

Оценка воздействия пандемии на здоровье населения

Когда весной 2020 года пандемия обрушилась на Центральную Азию, большинство правительств поспешили принять меры по ее сдерживанию. Они помогли ограничить распространение вируса и снизить нагрузку на слабые системы здравоохранения, получающие недостаточное финансирование. Системы здравоохранения в Центральной Азии долгое время страдали от недофинансирования, коррупции и ограниченных резервных мощностей, а также из-за значительных региональных различий в качестве медицинской помощи и доступе к ней. Расходы на здравоохранение в регионе значительно ниже, чем в странах ОЭСР, как в процентах от ВВП, так и в пересчете на душу населения (Рисунок 2).

Рисунок 2. Ключевые показатели здравоохранения, Центральная Азия и страны – члены ОЭСР

Государственные расходы на здравоохранение значительно ниже, чем в странах – членах ОЭСР, как в расчете на душу населения (по ППС), так и в процентах от ВВП, тогда как доля расходов на здравоохранение, которые несут домохозяйства, намного выше уже в Центральной Азии.

Примечание: последние доступные данные относятся к 2018 году.
Источник: (World Bank, 2020^[4]).

В таких условиях любая значительная вспышка вируса грозит быстро подорвать социальную инфраструктуру региона и его систему здравоохранения. В Центральной Азии одни из самых высоких в мире показателей расходов на здравоохранение, оплачиваемых самими пользователями, и поэтому любое ухудшение ситуации в области общественного здравоохранения создаст значительное дополнительное давление на финансовое благополучие домохозяйств и государственное управление, а заметное повышение уровня бедности в регионе усугубит эту динамику.

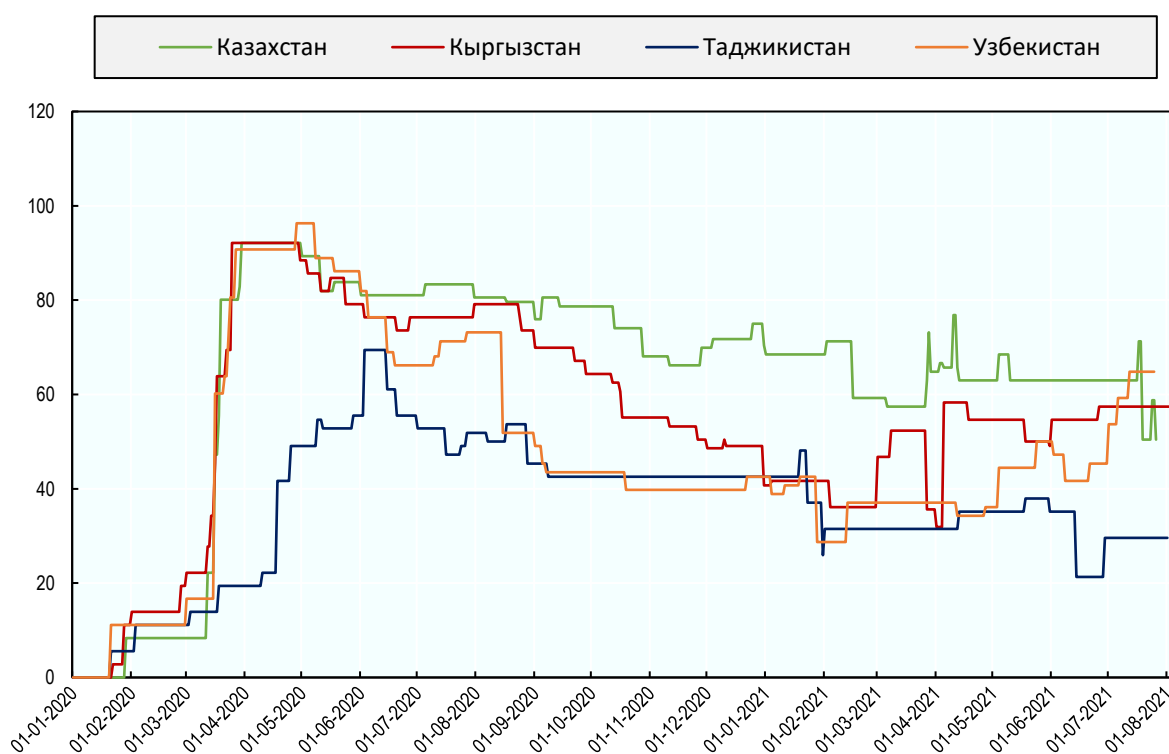
Воздействие пандемии на общественное здравоохранение нельзя назвать незначительным

В ответ на чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения правительства стран Центральной Азии приняли меры, в целом повторяющие меры, принятые в других регионах мира. Когда началась пандемия, границы были закрыты, чтобы предотвратить рост количества

завозных случаев. Затем лица, ответственные за разработку политики, сформулировали и внедрили национальные и локальные локдауны, ввели ограничения на внутренние передвижения и нахождение в общественных местах, а также закрыли школы и предприятия в дополнение к введению различных обязательных санитарных мер. Международные поездки оказались практически полностью под запретом, а перемещение граждан внутри страны, между городами и регионами резко сократилось (OECD, 2020^[11]). Некоторые аспекты географии и местоположения региона, возможно, облегчили внедрение тех или иных мер, но закрытие границ и ограничения мобильности также подчеркивают важность межрегиональной связи для экономики и обществ Центральной Азии.

Жесткость мер, принимаемых правительствами, в целом соответствовала той, что наблюдалась в странах – членах ОЭСР. Данные индекса жесткости Оксфордского университета указывают на оперативное введение мер сдерживания весной 2020 года. В 3-м и 4-м кварталах 2020 года многие из этих мер начали сворачиваться, хотя ряд ограничений, особенно в отношении международной мобильности, оставался в силе до 1-го и 2-го квартала 2021 года (Рисунок 3).

Рисунок 3. Жесткость мер сдерживания в Центральной Азии

Примечание: «жесткость» мер установлена исследователями из Школы управления им. Блаватника в составе Оксфордского университета. Индекс рассчитывается по шкале от 0 до 100, где 0 означает отсутствие ограничений, а 100 – высокий уровень ограничений. Оценка проводится в девятнадцати областях политики, связанных с реакцией правительств на пандемию, включая локдауны и меры поддержки, причем окончательная оценка складывается из индивидуальных оценок. Индекс не характеризует эффективности мер. Данные по Афганистану и Монголии недоступны.

Источник: (University of Oxford, 2021^[5]).

Официальные данные показывают, что эти меры оказались эффективными в сдерживании распространения вируса в Центральной Азии и позволили избежать показателей заболеваемости и смертности, характерных для многих стран – членов ОЭСР. По состоянию на июнь 2021 года в Казахстане было официально зарегистрировано 7589 случаев инфицирования, в Кыргызстане – 1916, Таджикистане – 91, а в Узбекистане – 713. Туркменистан на тот момент не зарегистрировал ни одного случая заражения на своей территории.

Тем не менее показатели смертности дают все основания предполагать, что воздействие пандемии на общественное здоровье было значительным. Приблизительные уровни избыточной смертности указывают на серьезный кризис здравоохранения в Центральной Азии. На Рисунок 4 показано ежемесячное количество смертей в 2020–2021 годах в процентах от среднего значения за соответствующие месяцы 2015–2019 годов; такой подход широко используется статистическими агентствами стран – членов ОЭСР для оценки более широкого воздействия кризиса на общественное здравоохранение¹. Представленные оценки являются довольно приблизительными, поскольку не учитывают демографические и иные факторы, которые могли бы повлиять на реальные показатели, однако они дают довольно полное представление о масштабах воздействия пандемии на систему здравоохранения. И действительно, в целом они, скорее всего, являются очень консервативными, поскольку не принимают во внимание временами значительное сокращение смертности по другим причинам, обусловленное введением масочного режима, изоляции и других мер сдерживания.

¹ Данные об избыточной смертности взяты из базы данных человеческой смертности «Наш мир в данных», доступной [здесь](#). Официальные данные о заболеваемости и смертности относятся к данным, собранным Европейским центром профилактики и контроля заболеваний, которые обновляются ежедневно и доступны [здесь](#).

Рисунок 4. Избыточная смертность в Центральной Азии

Рисунок 4.1 Расчетная избыточная смертность в 2020 г. и официальная смертность от COVID-19 на миллион населения

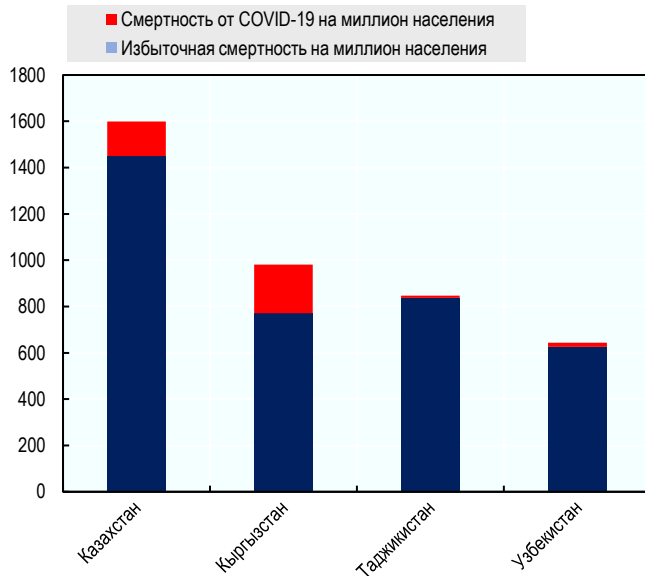
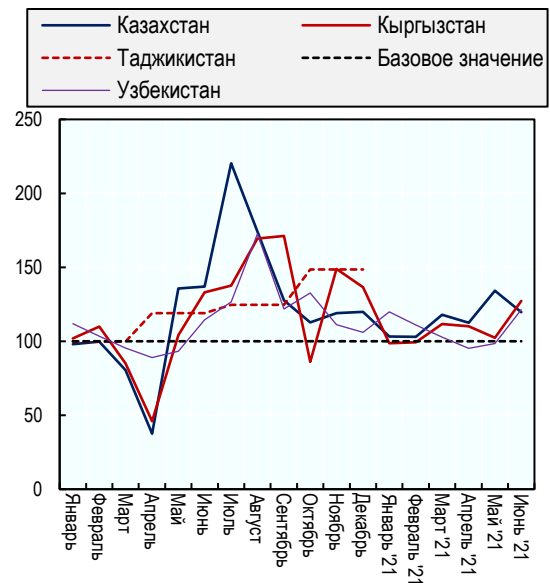

Рисунок 4.2 Смертность по месяцам 2020 г. В процентах от среднего показателя за 2015–2019 гг.

Примечания к рисунку 4.2: (1) показатели рассчитаны относительно годовой и ежемесячной смертности в 2020 году как процент от среднего показателя за 2015–2019 гг.;

(2) по Таджикистану представлены поквартальные данные за тот же период в связи со сложившейся практикой ведения отчетности;

(3) данные по Туркменистану отсутствуют.

Источник: расчеты ОЭСР на 2020 год; статистические агентства Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана; данные за 2021 год взяты из (Karlinsky and Kobak, 2021^[6]).

Данные по избыточной смертности дают основания предполагать, что вирус широко распространился по Центральной Азии, причем значительный всплеск инфицирования произошел летом 2020 года, что резко контрастирует с официальными данными (рисунок 4.2). Не все случаи избыточной смертности напрямую связаны с COVID-19, однако приведенные цифры дают приблизительное представление о влиянии пандемии на общественное здравоохранение и отражают сложность представления точной отчетности о случаях COVID-19 и смертности в большей части региона. В Казахстане и Кыргызстане в середине 2021 года избыточная смертность не только оставалась выше уровня 2015–2019 гг., но и показывала тенденцию к росту (рисунок 4.2).

Тот факт, что столь малое количество случаев избыточной смертности было официально связано с COVID-19 в 2020 году, свидетельствует о том, что либо причины смерти были некорректно зарегистрированы, либо не было достаточных возможностей для тестирования, особенно в регионах, где возможности системы здравоохранения, как правило, более ограничены. В Центральной Азии, как и повсюду, сообщение о причине смерти неизменно носит в некоторой степени субъективный характер, поскольку большинство смертей от болезней обусловлены несколькими факторами. Многие случаи смерти, связанные с COVID, в той или иной степени имеют отношение и к другим заболеваниям, которые COVID спровоцировал или усугубил.

Правительства по всему миру на протяжении пандемии сталкиваются с проблемой корректного определения причины смерти. Даже те методы, которые используются для выявления случаев смерти, непосредственно вызванных COVID-19 (в отличие от косвенной атрибуции, обусловленной тем фактом, что вирус провоцирует развитие других заболеваний, или случаев смерти из-за неявки на прием и неразвитой инфраструктуры здравоохранения), дают очень разные результаты. Недавнее обновление методологии, используемой Институтом измерения показателей и оценки состояния здоровья при Вашингтонском университете, свидетельствует о проблемах, с которыми приходится сталкиваться при корректном отнесении процента избыточной смертности к COVID-19: обновленные данные учреждения показывают, что, например, в Казахстане от COVID-19 умерло более восьмидесяти четырех тысяч человек, что значительно превышает официально зарегистрированные 5810 смертей (IHME, 2021^[7]). Согласованного подхода к правильному учету воздействия COVID-19 на национальные показатели смертности не существует, и статистические агентства и органы общественного здравоохранения в странах – членах ОЭСР продолжают обсуждать проблемы, возникающие при разработке и применении точных методологий (OECD, 2020^[8]).

Однако величина разрыва между официально зарегистрированными случаями смерти от COVID-19 и показателями избыточной смертности, приведенными на рисунке 4.1, представляет собой политическую проблему. Во времена, когда общественное доверие имеет решающее значение для успеха кампаний по вакцинации, правительства должны быть максимально открытыми в отношении затрат и рисков, связанных с вирусом. В Казахстане и Кыргызстане в этом отношении наметились некоторые улучшения. Предварительные данные по этим странам за январь – апрель 2021 года показывают, что почти все случаи смертности, превышающей средний исходный уровень 2015–2019 гг., соотносятся с официальными данными об умерших от COVID-19, что свидетельствует о существенном улучшении отчетности (WHO, 2021^[9]; National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, 2021^[10]; Bureau of National Statistics, 2021^[11]).

Эффективные кампании по вакцинации будут иметь определяющее значение для социально-экономического восстановления

Краткосрочные и среднесрочные перспективы восстановления экономики Центральной Азии, как и других регионов, во многом зависят от эффективности программ вакцинации. Медленная вакцинация – особенно в купе с появлением новых штаммов ввиду неэффективного соблюдения мер сдерживания – приведет к более высокой смертности и более серьезным последствиям для общественного здравоохранения, более медленному восстановлению, большим потерям рабочих мест и большему количеству разорившихся компаний (OECD, 2021^[12]). Экономические риски, связанные с неэффективным развертыванием вакцинации, также усиливаются из-за угрозы отклонения от экономики развитых стран, которые, располагая большими ресурсами, лучше подготовлены к быстрой вакцинации населения. В результате большинство развитых стран не только добьются более уверенного восстановления, чем Центральная Азия, но и будут с неохотой возобновлять поездки, торговлю и инвестиции в регионах, где риски для здоровья населения считаются более высокими ввиду недостаточно масштабной вакцинации. Это может свести на нет достижения Центральной Азии в области сближения экономических показателей за последние годы.

По состоянию на начало августа 2021 года кампании по вакцинации в Центральной Азии продолжали отставать от кампаний во многих странах – членах ОЭСР и ЕС (рисунок 5.2). Когда все страны Центральной Азии только начали кампании по вакцинации, Казахстан, который производит российскую вакцину «Спутник V» и собственную вакцину QazVac, добился заметного прогресса: почти 30 % населения получили как минимум одну дозу (Auyezov and Mikheyev, 2021^[13]). Это достаточно близко к среднемировому показателю (24 %), но значительно отстает от среднего показателя по ЕС (60 %) и таких лидеров, как Великобритания (67 %) (Our World in Data, 2021^[14]). После Казахстана лучше всех показал себя Узбекистан, который ввел по крайней мере одну дозу вакцины против COVID-19 примерно 15 % населения. В остальных странах Центральной Азии была вакцинирована лишь незначительная часть населения.

Эффективные кампании по вакцинации в регионе встречают множество преград. Первая и, возможно, самая большая из них – проблемы с поставками. В Центральной Азии подтвержденных доступных доз в расчете на человека значительно меньше, чем в других регионах. К концу августа 2021 года Казахстан достиг показателя в 0,4 дозы на человека – самого высокого в Центральной Азии – отчасти благодаря отечественному производству российского «Спутника V». Казахстан также разработал собственную вакцину QazCovid-in, более известную как QazVac, и летом начал наращивать ее производство (Astana Times, 2021^[15]) (Astana Times, 2021^[16]). Однако по сравнению с 6,5 дозами на человека в ЕС охват остается низким. Такое расхождение усугубляет риск восстановления экономики региона и экономик развитых стран с разной скоростью и свидетельствует о глобальной проблеме обеспечения справедливого доступа к вакцинам. Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан получили партии вакцины Oxford/AstraZeneca в рамках COVAX², а Казахстан передал Кыргызстану дозы QazVac в конце июля, но подушевой охват остается очень низким (рисунок 5.2). Казахстан и Узбекистан также недавно закупили вакцины, разработанные в Китае (GAVI, 2021^[17]; Statista, 2021^[18]; Duke Global Health Innovation Center, 2021^[19]).

² COVAX – это глобальная инициатива, направленная на обеспечение справедливого доступа к вакцинам против COVID-19, которой руководят GAVI, Альянс по вакцинам (ранее Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации, или GAVI), Коалиция по инновациям в области обеспечения готовности к эпидемиям (CEPI) и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). COVAX координирует распределение международных ресурсов, стремясь предоставить странам с низким и средним уровнем дохода равный доступ к тестам, медикаментам и вакцинам против COVID-19. Дополнительная информация доступна по ссылке <https://www.who.int/fr/initiatives/act-accelerator/covax>.

Рисунок 5. Закупка вакцин и их введение в Центральной Азии

Рисунок 5.1. Закупка вакцин и охват населения вакцинацией в 2021 г.

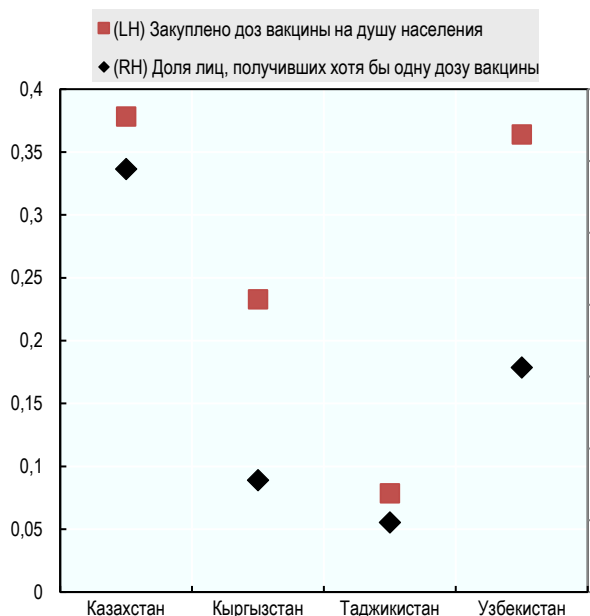
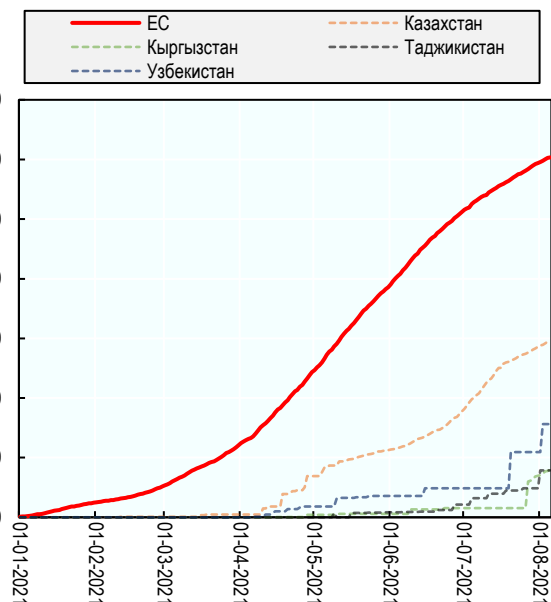

Рисунок 5.2. Процент населения, получившего хотя бы одну дозу вакцины против COVID-19

Источник: (GAVI, 2021^[20]; Duke Global Health Innovation Center, 2021^[19]; Statista, 2021^[18]; Our World in Data, 2021^[14]).

Существует ряд других препятствий на пути к успеху кампаний по вакцинации в регионе, включая многолетние проблемы недостаточного финансирования и низкого административного потенциала (Рисунок 2), которые влекут неспособность правительств эффективно управлять кампаниями по вакцинации. Многие кандидатные вакцины требуют условий хранения, выходящих за рамки логистических возможностей региона (AKI Press, 2021^[21]). Закупки и введение вакцины сопряжены с определенными препятствиями для кампаний по вакцинации на стороне предложения; кроме того, во всем регионе наблюдается серьезное сопротивление вакцинации со стороны населения. В ответ на низкий уровень использования доступных доз правительства начали вводить обязательную вакцинацию для некоторых групп населения, хотя вопрос выполнения этих требований на практике остается открытым. 3 июля правительство Таджикистана на законодательном уровне ввело обязательную вакцинацию всех взрослых старше 18 лет. 7 июля такую же меру ввел Туркменистан, несмотря на многократные заявления правительства об отсутствии случаев COVID-19 в стране (Neutral Turkmenistan, 2021^[22]; ASIA-Plus, 2021^[23]). Однако вопрос о том, как именно будет обеспечено исполнение этих требований, остается открытым.

Укрепление основ для восстановления с опорой на частный сектор

Давняя проблема Центральной Азии заключается в том, что, несмотря на свое расположение вдали от основных центров глобального спроса, она сильно зависит от внешнего спроса, особенно на товары и рабочую силу. Если правительства стран Центральной Азии хотят действительно «стать еще лучше, чем были» и снизить свою уязвимость перед будущими потрясениями (о чем не раз заявляли многие лица, ответственные за разработку политики), то они должны устранить одно из основных препятствий на пути к более устойчивому и инклюзивному росту, а именно недостаточный уровень развития частного сектора.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе перед лицами, ответственными за разработку политики, стоит двойственная задача. С одной стороны, как и везде, правительства должны найти способ поддержать хрупкий частный сектор во время продолжающегося кризиса, помочь компаниям выжить, пройти процесс модернизации (посредством цифровизации и экологизации) и оправиться от последствий пандемии. Они должны найти способ избежать закрытия жизнеспособных фирм, сведя к минимуму потерю производственных активов и сохранив рабочие места. С другой стороны, правительства могут многое сделать для исправления недостатков, присущих деловой среде, чтобы фирмы и предприниматели могли процветать, создавать рабочие места, интегрироваться в глобальные цепочки поставок и повышать внутреннюю конкуренцию и производительность. Выполнение обеих этих задач будет иметь решающее значение для экономического будущего региона.

Сложность регулирования и значительные пробелы в его реализации, ограниченный доступ к финансовым и человеческим ресурсам, отсутствие равных условий игры, особенно с государственными предприятиями (ГП), и структурные проблемы, такие как плохая связь между регионами и недостаточное содействие торговле, – все это осложняет восстановление частного сектора в Средней Азии в сравнении с другими регионами мира. Показательна проблема финансовой поддержки частного сектора: в Центральной Азии кредиты частному сектору по всему региону составляют в среднем 24 % ВВП по сравнению со 134 % в странах – членах ОЭСР (World Bank, 2020^[41]). В то же время правительства региона работают над решением таких проблем, как чрезвычайно высокий уровень неформальности экономики, коренные изменения шаблонов трудовой миграции и региональные диспропорции, которые затрудняют разработку и проведение политики.

Кризисы часто принимают форму внезапных, а иногда и болезненных изменений и чаще усиливают долгосрочные тенденции, нежели обращают их вспять. Кроме того, большинство кризисов высвечивают давние проблемы на фоне ускоряющихся тенденций. COVID-19 не стал исключением. Он резко выявил структурные слабости Центральной Азии – как в сфере экономики, так и в инфраструктуре здравоохранения и социального обеспечения – и привел к сворачиванию экономической деятельности, сокращению торговли, росту бедности и, по всей видимости, обострению социально-экономического, гендерного и регионального неравенства.

В то же время 2020 год стал годом, когда правительства стран региона неоднократно на деле доказали свою способность гибко и эффективно реагировать на потребности граждан и бизнеса. Они продолжают продвигать свои программы в области цифровизации, находя новые возможности для решения многих проблем, с которыми сталкивается частный сектор. Удалось развить внутрирегиональное сотрудничество, которое укреплялось еще до пандемии и которое будет иметь решающее значение для экономического развития региона в долгосрочной перспективе. Среди всех органов, участвующих в поддержке бизнеса и диалога между государственным и частным секторами, именно БПО сыграли наиболее важную роль в оценке воздействия кризиса на

коммерческие предприятия и вынесли на рассмотрение наиболее жизнеспособные решения; ценность их дальнейшего участия в разработке политики для инклюзивного восстановления экономики нельзя переоценить. Если эта тенденция, характеризующаяся пристальным вниманием к нуждам частного сектора и нахождением новых возможностей для его поддержки, продолжится, кризис, вызванный COVID-19, и период восстановления могут стать моментом, когда правительства Центральной Азии совместно с БПО и партнерами активизируют усилия для решения многих проблем, которые в первую очередь сделали регион настолько уязвимым к социально-экономическим последствиям пандемии.

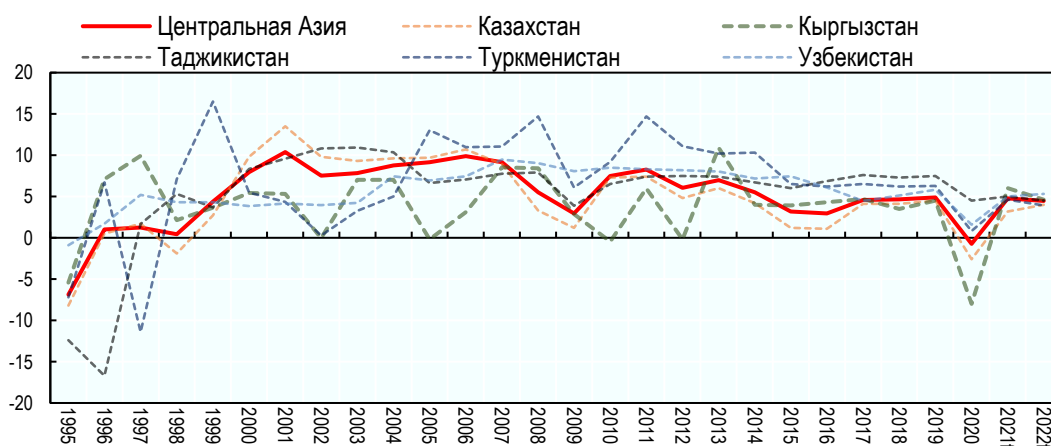
Глава 1. Экономические последствия COVID-19 в Центральной Азии

Введение

Пандемия COVID-19, возможно, стала самым большим экономическим потрясением в Центральной Азии со времен бурного первого десятилетия после обретения независимости (рисунок 6). Ожидается, что экономический рост возобновится в 2021 году, однако в отношении скорости восстановления сохраняется значительная неопределенность ввиду серьезного давления в финансово-бюджетной сфере, зависимости от восстановления основных рынков экспорта товаров и излишка рабочей силы, а также неравномерной и медленной вакцинации населения (IMF, 2020^[24]). Прогнозы говорят о том, что в ближайшие годы рост экономики каждой из стран региона, хотя и останется положительным, будет более медленным, чем в период, предшествовавший пандемии. Восстановление после мирового финансового кризиса 2008 года и краха сырьевых рынков 2014–2015 годов шло медленнее ожидаемого, и экономика так и не достигла докризисных показателей. Если эта модель повторится и в этот раз, в ближайшие годы регион будет отставать, и конвергенция доходов фактически остановится. Это подчеркивает необходимость выработки политики, которая способствовала бы изменению моделей роста и помогла бы региону восстановить импульс, утерянный в результате потрясений, поразивших его с 2008 года.

Рисунок 6. Долгосрочный рост реального ВВП в Центральной Азии

2020 год стал годом первого экономического спада в Центральной Азии за более чем два десятилетия, когда за долгосрочным замедлением роста реального ВВП последовала рецессия.

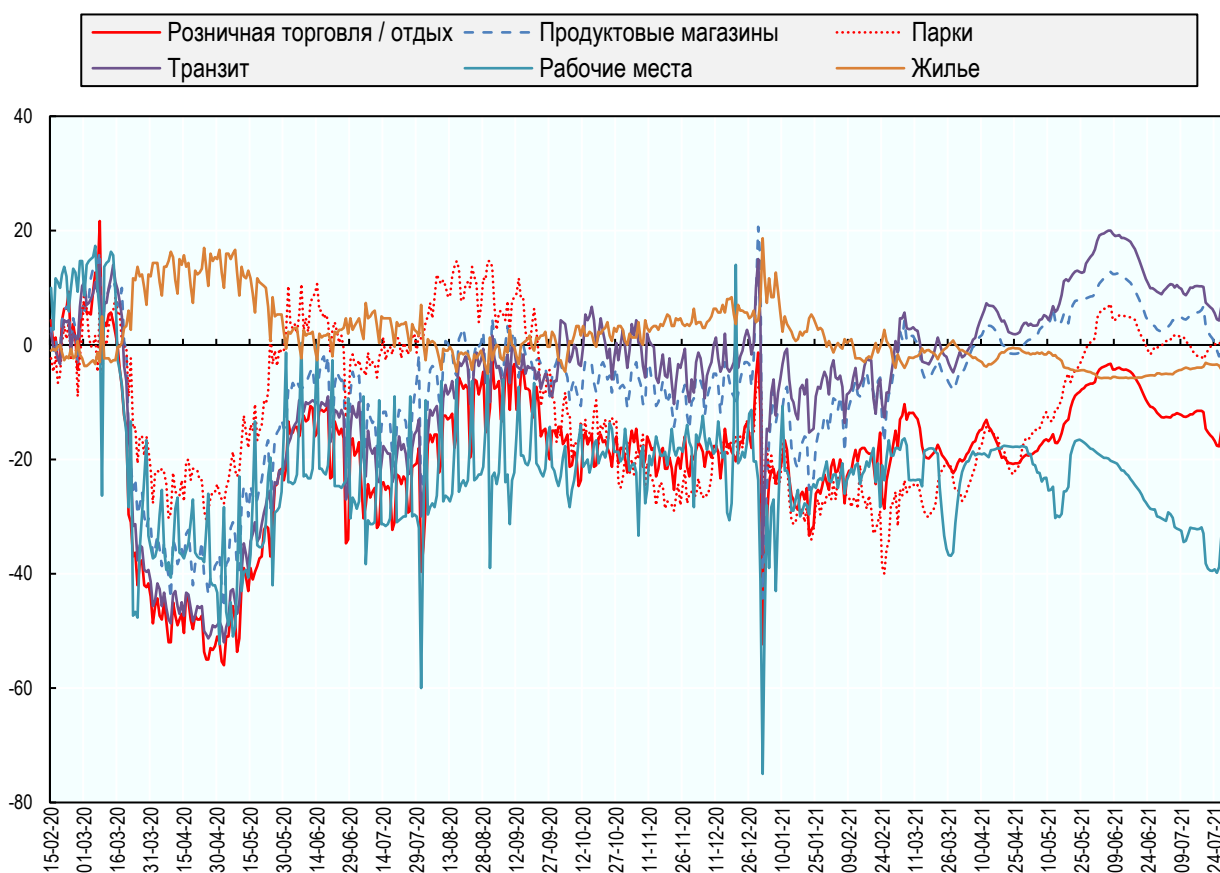

Примечание: данные за 2021 и 2022 годы представляют собой прогнозные показатели МВФ.
Источник: (IMF, 2020^[24]; World Bank, 2021^[21]).

В первом квартале 2021 года экономическая активность в Центральной Азии оставалась низкой, однако стали намечаться некоторые признаки восстановления. Данные сервиса Google Mobility, который отслеживает динамику ряда показателей экономической активности, включая количество транзитных пассажиров, посещаемость объектов розничной торговли и активность на рабочем месте, показывают, что базовый уровень, установленный в начале 2020 года, еще до начала пандемии, превысил только общественный транспорт (рисунок 7). Другие показатели активности, такие как количество людей, посещающих магазины и рабочие места, оставались значительно ниже базового уровня до пандемии.

Рисунок 7. Экономическая активность в Центральной Азии: Google Mobility

Во многих сферах экономики региона активность остается ниже уровня, существовавшего до начала пандемии.

Примечание: среднее количество записей в отчете Google Mobility по Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану. Процентное изменение рассчитывается относительно 5-недельного среднего значения, зарегистрированного с 03.01.20 по 06.02.20.

Источник: Расчеты ОЭСР, основанные на данных [отчетов Google Mobility](#).

Аналогичная картина нерешительного возобновления деятельности многих предприятий формируется на основании предварительных данных национальных статистических агентств и результатов обследований предприятий. Составной индекс деловой активности Казахстана от компании IHS Markit³, который в апреле 2020 года упал до рекордно низких 15 баллов, год спустя

³ Индекс деловой активности (PMI) – это ежемесячный показатель, рассчитываемый IHS Markit – американской компанией, занимающейся исследованием рыночной конъюнктуры. Этот индекс дает общее представление об уровне оптимизма менеджеров по закупкам на предприятиях частного сектора в отношении перспектив экономического развития. Значение PMI выше 50 указывает на улучшение ситуации.

все еще не превышал 50 баллов (оценка выше 50 указывает на ежемесячный рост производства и заказов). Руководители предприятий отмечали наличие проблем, связанных с цепочками поставок, отрицательный уровень запасов, рост затрат на сырье и невыгодные обменные курсы, способствовавшие инфляции цен на сырье (Tengri Partners & IHS Markit, 2021^[25]). Ранние данные по Кыргызстану свидетельствуют о неоднозначном начале второго года пандемии. Сокращение добычи полезных ископаемых на 20 % на фоне продолжающейся неопределенности на золотом руднике «Кумтор» контрастирует со скромным ростом в секторе услуг этой страны, в частности в розничной торговле и гостиничном бизнесе, для которых 2020 год стал особенно непростым (National Statistical Committee of Kyrgyzstan, 2021^[26]).

Неравномерная вакцинация – один из самых значительных рисков для восстановления

Ряд факторов указывает на то, что попытки правительств стран региона наметить курс выхода из текущего кризиса и поддержать восстановление частного сектора столкнутся с серьезными препятствиями и давлением в финансово-бюджетной сфере. Наиболее актуальным, пожалуй, является риск новых вспышек. На момент написания данного отчета (август 2021 года) ситуация в области общественного здравоохранения остается нестабильной не только в регионе, но и во всем мире. Вакцинация идет медленно, и риск того, что новые штаммы, вроде «Дельты», распространятся быстрее и поразят еще больше людей, чем исходный штамм коронавируса, не позволяет исключить возможности новых вспышек. Это означает, что правительствам Центральной Азии придется найти баланс между колебаниями рисков для здоровья и социально-экономическими издержками введения дополнительных мер сдерживания, которые остаются существенными, особенно в местах, где экономическая деятельность в значительной степени опирается на неформальную деятельность и (или) местные услуги.

Политические меры реагирования на кризис в целом были аналогичны таковым в странах – членах ОЭСР, но отличались по масштабу, продолжительности и эффективности

Принятые правительствами Центральной Азии меры на уровне политики, сначала призванные сдержать распространение COVID-19, а затем – смягчить его социально-экономические последствия, были аналогичны тем, которые применялись в странах – членах ОЭСР, при этом масштаб вмешательств отражал фискальные возможности правительств, а также их восприятие рисков для здоровья населения. Все страны Центральной Азии ввели строгие ограничения на поездки за границу, начиная с первого квартала 2020 года, при этом многие из этих ограничений действовали вплоть до лета 2021 года (за исключением Кыргызстана, который снял большинство ограничений в апреле 2021 года). В марте 2020 года Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан также ввели ограничения на передвижения внутри страны. Они были отменены в Узбекистане (июнь 2020 г.) и Кыргызстане (октябрь 2020 г.), а в остальных странах действуют до сих пор, за исключением короткого перерыва летом 2020 года в Казахстане. В Таджикистане, однако, был введен кратковременный запрет на внутренние поездки только летом 2020 года (University of Oxford, 2021^[5]). Власти Туркменистана утверждают, что в стране нет случаев заболевания, однако не отменяют *внутренние* ограничения на поездки дольше, чем любая другая страна Центральной Азии (эти ограничения оставались в силе на момент написания отчета в августе 2021 года), что подразумевает негласное признание того, что COVID-19 циркулирует в стране и может распространяться даже без поездок за границу.

Экономические меры в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и в меньшей степени в Таджикистане также в целом соответствовали тем, которые наблюдались в странах – членах ОЭСР (таблица 1). Поддержка доходов, включая контроль цен, укрепила систему социальной защиты. Чтобы сохранить бизнес на плаву, лица, ответственные за разработку политики, увеличивали ликвидность

и кредитные линии для бизнеса через целевые фонды и коммерческие банки. Некоторые также поддерживали отсрочку погашения кредита в банках. Налогообложение было еще одним важным политическим рычагом, причем как с точки зрения политики, так и с точки зрения администрирования; правительства сдвигали сроки подачи налоговых деклараций, отсрочивали выплаты, приостанавливали аудит и (или) освобождали фирмы от необходимости уплаты взносов в фонды социального страхования, среди прочих мер. Моратории на проверки коммерческих предприятий также широко применяются во всем регионе. Цифровизация стала еще одним инструментом политики, который некоторые правительства используют для поддержки непрерывности предоставления услуг (см. главу 2). Исключением здесь является Туркменистан: он не объявил о дополнительном пакете расходов, потому что не признает наличия COVID-19 на своей территории.

Таблица 1. Обзор мер фискальной политики в Центральной Азии, 2020 г. и I-II кв. 2021 г.

Страна	Общие ответные меры (% от ВВП)	Ответные меры на уровне политики	Масштаб	Январь 2020 г	Февр. 2020 г	Март 2020 г	Апрель 2020 г	Май 2020 г	Июнь 2020 г	Июль 2020 г	Август 2020 г	Сент. 2020 г	Окт. 2020 г	Ноябрь 2020 г	Дек. 2020 г	Январь 2021 г	Февр. 2021 г	Март 2021 г	Апрель 2021 г	Май 2021 г	Июнь 2021 г	
Казахстан	7,3 % 4,4 % в пределах бюджета 2,9 % поддержка ликвидности / внебюджетные фонды	Локдаун	Широкий																			
		Заккрытие предприятий	Широкий																			
		Поддержка дохода	Широкий																			
		Меры в области налогообложения	Широкий																			
		Кредитная поддержка	Широкий																			
Кыргызстан	6,1 % Полностью в пределах бюджета, отсутствие поддержки ликвидности	Локдаун	Широкий																			
		Заккрытие предприятий	Широкий																			
		Поддержка дохода	В некоторых пределах																			
		Меры в области налогообложения	Широкий																			
		Кредитная поддержка	Широкий																			
Таджикистан	3,5 % 3,0 % в пределах бюджета 0,5 % поддержка ликвидности / внебюджетные фонды	Локдаун	Огранич.																			
		Заккрытие предприятий	Огранич.																			
		Поддержка дохода	Широкий																			
		Меры в области налогообложения	Огранич.																			
		Кредитная поддержка	Огранич.																			
Туркменистан	0 %	Локдаун	Отсутств.																			
		Заккрытие предприятий	Огранич.																			
		Поддержка дохода	Отсутств.																			
		Меры в области налогообложения	Отсутств.																			
		Кредитная поддержка	Отсутств.																			
Узбекистан	5,7 % 4,4 % в пределах бюджета 1,3% поддержка ликвидности / внебюджетные фонды	Локдаун	Широкий																			
		Заккрытие предприятий	В некоторых пределах																			
		Поддержка дохода	Широкий																			
		Меры в области налогообложения	Широкий																			
		Кредитная поддержка	В некоторых пределах																			

Примечания: меры, отмеченные зеленым, развертывались в масштабах всей страны, тогда как меры, отмеченные красным, – лишь локально. Оценка МВФ общих фискальных ответных мер по состоянию на июль 2021 года. Локдаун означает введение режима карантина на национальном уровне. Под закрытием предприятий понимают временное закрытие по требованию правительства, а не окончательное прекращение деятельности ввиду сложившихся экономических условий. Поддержка дохода включает трудоустройство, помощь с арендой, контроль цен и т. д. Масштаб – качественная оценка обеспеченности ресурсами и степени их использования, основанная на отчетах ОЭСР.

Источники: (IMF, 2021^[27]; OECD, 2020^[1]; Government of Kazakhstan, 2020^[28]; Kazak Agency for the Regulation and Development of the Financial Market, 2020^[29]; Interfax, 2020^[30]; Kyrgyz State Tax Service, 2020^[31]; Kyrgyzstan Jogorku Kenesh, 2020^[32]; Kyrgyzstan Cabinet of Ministers, 2020^[33]; Kyrgyzstan Cabinet of Ministers, 2020^[34]; University of Oxford, 2021^[35] (Yusufzoda, 2020^[35]; Aytakov, 2020^[36]; President of Uzbekistan, 2020^[37]).

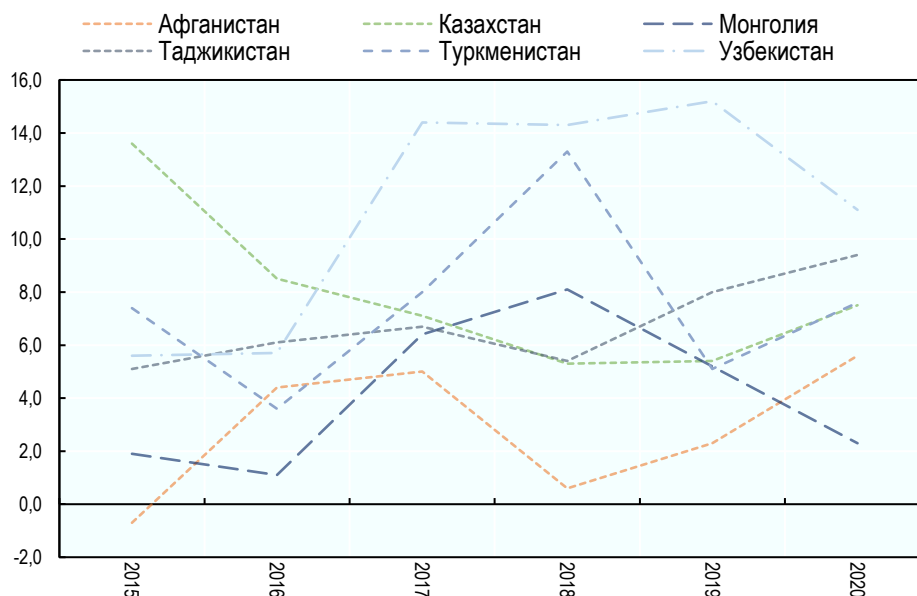
Инфляция, динамика долга и управление государственными доходами создают риски для макроэкономической стабильности

Экспансионистская денежно-кредитная политика сформировалась на фоне продолжающейся инфляции

Центральные банки проводили экспансионистскую денежно-кредитную политику для стабилизации и поддержки экономической активности. Совокупная денежная масса значительно выросла в 2020 году, при этом прирост, выраженный двузначным процентом, наблюдался во всех странах, кроме Туркменистана (7,5 % по сравнению с 12,9 % в 2019 году). Наибольший прирост в 23,2 % наблюдался в Кыргызстане, за которым следуют Таджикистан с 18,5 %, Узбекистан с 17,9 % и Казахстан с 16,9 % (IMF, 2020^[24]; OECD, 2021^[38]). В то же время центральные банки предприняли интервенции для стабилизации национальных валют, тогда как снижение курса кыргызского сома на 19 %, возможно, способствовало значительному росту инфляции, частично импортируемой ввиду роста цен на продукты питания и основные товары в регионе. Другие центральные банки в регионе приняли меры по повышению гибкости обменных курсов и позволили своим валютам обесцениться в течение года. Во втором квартале 2020 года кыргызский сом, узбекский сум, казахский тенге и таджикский сомони существенно ослабли по отношению к доллару США. Официальный обменный курс туркменского маната остался неизменным, хотя неофициальный курс на уровне около 30 манатов за доллар, что почти в десять раз выше официального, говорит о значительном завышении курса (Хе, 2021^[39]). Что характерно, рыночный курс туркменского маната в конце 2019 года составлял около 18:1, что означает, что кризис серьезно повлиял на спрос на иностранную валюту. Несмотря на то что более слабые обменные курсы могут быть выгодны для внутренних экспортеров, в то же время они также рискуют увеличить долговое бремя региона и снизить покупательную способность домашних хозяйств и компаний во всех странах региона.

Рисунок 8. Динамика инфляции в Центральной Азии

Изменение индексов потребительских цен к декабрю прошлого года.

Примечание: данные по Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану получены из национальных статистических управлений; данные по Туркменистану предоставлены МВФ.

Источник: (National Statistics Committee of Uzbekistan, 2021^[40]) (National Bank of Tajikistan, 2021^[41]) (National Statistical Committee of Kyrgyzstan, 2021^[42]) (National Statistical Committee of Kazakhstan, 2021^[43]) (IMF, 2021^[44]).

Макроэкономические показатели говорят о том, что неопределенность сохранится. В большинстве экономик Центральной Азии инфляция достигла относительно высоких уровней еще до кризиса и составляла в среднем 8,4 % в 2020 году по сравнению со средним показателем в 4,9 % в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах и средним показателем по ОЭСР, равным 3,4 % (IMF, 2020^[24]). Важно понимать основные факторы инфляции в экономиках Центральной Азии. В то время как большая часть политических дискуссий в странах – членах ОЭСР была посвящена вопросу роста инфляции после периода стабильности, а также связанному с этим вопросу повышения процентных ставок центральных банков, ситуация в Центральной Азии несколько отличается. Инфляция в регионе в целом остается повышенной из-за воздействия более высоких цен на продукты питания и другие ресурсы, нередко импортируемые, а также из-за переноса обменного курса в цены импортируемой продукции (Poghosyan, 2021^[45]) (IMF, 2020^[46]) (IMF, 2020^[47]). В условиях, когда банковские системы остаются относительно слабыми и отличаются высокой внутренней долларизацией, значительным объемом внешнего долга, номинированного в долларах, и неразвитыми местными рынками капитала, влияние интервенций денежно-кредитной политики на инфляцию может быть не столь существенным. Несмотря на то что воздействие пандемии могло усугубить эти структурные недостатки, оно не было их причиной, и относительно высокий уровень инфляции, если и продолжит снижаться, скорее всего, в ближайшие годы сохранится.

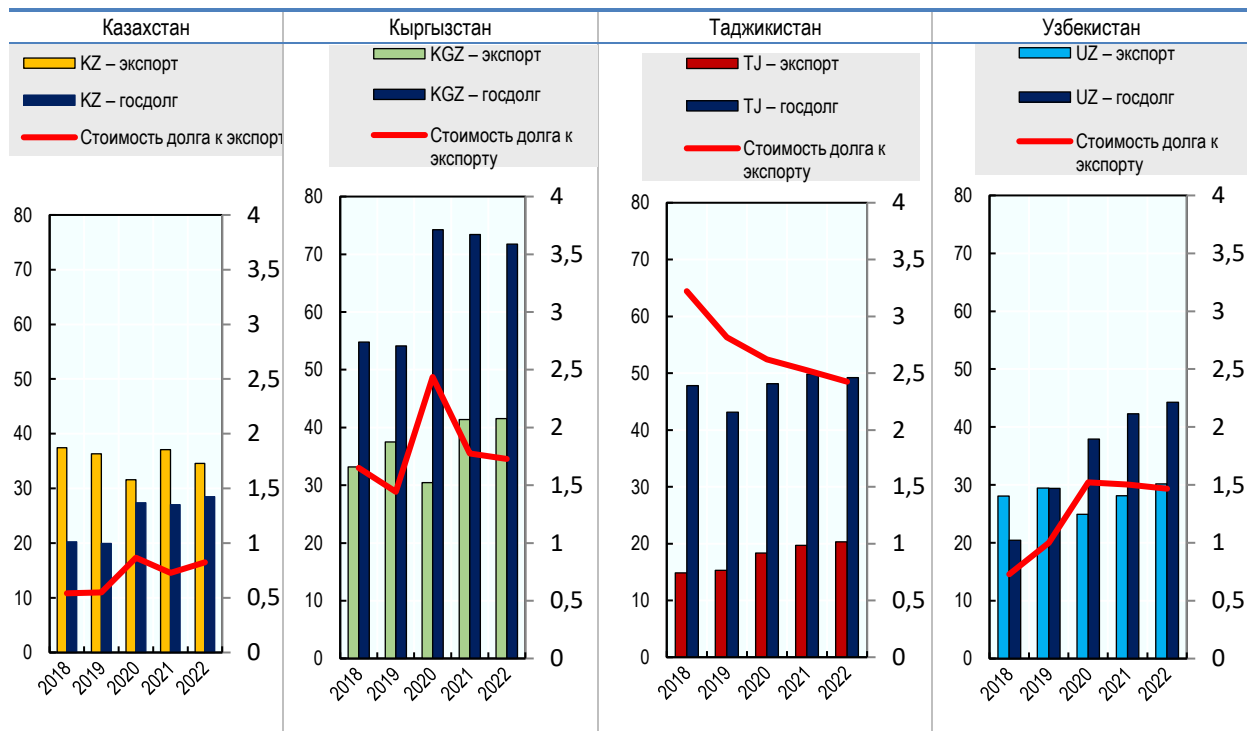
Масштаб сохранения более высоких темпов инфляции в Центральной Азии неясен, но данные по Казахстану и Кыргызстану за первое полугодие и данные по Таджикистану на начало 2021 года дают основания предполагать, что инфляционное давление остается высоким, что в значительной степени обусловлено более высокими ценами на импортируемые продукты питания и основные продукты. Ситуация выглядит стабильной лишь в Узбекистане. Если инфляция останется высокой и если регион столкнется с новым потрясением, шансы на то, что центральные банки будут дополнительно снижать ставки рефинансирования в целях оказания кредитной поддержки домохозяйствам и компаниям, невысоки, поскольку это повлечет за собой серьезный риск ускорения роста цен. Для стран, вышедших на международные финансовые рынки, таких как Казахстан и Узбекистан, рост инфляции отрицательно скажется на ожиданиях инвесторов и может вылиться в повышение волатильности их валют.

Лица, ответственные за разработку политики, сталкиваются с проблемами в области экономической приемлемости долга и управления государственными финансами

В ближайшие месяцы и годы ключевой проблемой лиц, ответственных за разработку политики Центральной Азии, будут долг и государственные финансы. Как и во многих странах – членах ОЭСР, правительства большинства стран Центральной Азии предпринимают решительные меры фискальной политики для смягчения воздействия кризиса на частный сектор и домохозяйства. Эти меры, включая отсрочки уплаты налогов и налоговые льготы, платежные каникулы, снижение ставок и субсидированное кредитование, помогли сохранить на плаву многие жизнеспособные коммерческие предприятия и рабочие места, которые они обеспечивают, но в то же время привели к снижению объема налоговых поступлений и увеличили государственный долг в Центральной Азии (OECD, 2020^[1]). В 2020 году региональный государственный долг вырос на 20 % по сравнению со средним показателем предыдущего десятилетия, а в Кыргызстане и Таджикистане достиг 71 % и 49 % ВВП соответственно (рисунок 9). Тем не менее экономическая приемлемость долга в Центральной Азии должна рассматриваться в основном как проблема управления государственными доходами и наличия ограниченного числа кредиторов, а не только как проблема объема долга.

Рисунок 9. Экономическая приемлемость долга в Центральной Азии

Кыргызстан и Таджикистан отличаются самыми высокими уровнями риска долгового кризиса в Центральной Азии, о чем свидетельствуют более высокие отношения внешнего долга к экспортной выручке (DER, правая сторона), в то время как размер государственных и гарантированных государством заимствований меньше в Казахстане и Узбекистане.

Примечание: (1) под экспортом понимается общий объем экспорта товаров и услуг, выраженный в процентах от ВВП (на основе номинального ВВП за данный год);

(2) государственный долг относится ко всем государственным или гарантированным государством обязательствам, как внутренним, так и внешним, и выражается в процентах от ВВП;

(3) отношение внешнего долга к экспортной выручке (DER) – широко используемый показатель экономической приемлемости долга (правая сторона), выраженный как простое отношение экспортных поступлений к непогашенному долгу; меньшее число указывает на то, что существующие обязательства могут быть погашены за счет экспортной выручки, тогда как большее число говорит о том, что погашение таких обязательств может занять больше времени;

(4) оценка долгового кризиса взята из анализа экономической приемлемости долга, приведенного МВФ в последних страновых отчетах по Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану.

Источник: (IMF, 2021^[44]) (IMF, 2019^[48]) (IMF, 2020^[46]) (IMF, 2020^[47]) (IMF, 2014^[49]).

МВФ оценивает риск наступления долгового кризиса в Кыргызстане и Таджикистане – двух странах с особенно высокими показателями внешней задолженности – как умеренный и высокий соответственно, тогда как Узбекистан и Казахстан – две страны Центральной Азии, в последние годы отличавшиеся наибольшей активностью на рынках суверенных долгов, характеризуются низким риском наступления долгового кризиса.

В Кыргызстане объем государственного долга в последние годы уменьшается, что связано с резким увеличением гарантированных государством обязательств в 2020 году из-за фискальных интервенций правительства с целью поддержки частного сектора, более высоких уровней

социальных расходов и заметного обесценивания кыргызского сома по отношению к доллару США (рисунок 9). Несмотря на более высокие государственные расходы, госдолг Кыргызстана, по прогнозам, останется ниже пороговых пределов экономической приемлемости, таких как отношение долга к ВВП (< 55 %), отношение суммы обслуживания долга к экспорту (< 22 %) и отношение суммы обслуживания долга к доходам (< 23 %) (IMF, 2020^[46]). Постепенный переход от внешнего финансирования к внутреннему в ближайшие годы может помочь снизить общий уровень внешнего долга, хотя риск останется умеренным.

Таджикистан остается в значительно более опасной ситуации и, по оценке МВФ, подвержен высокому риску наступления долгового кризиса, поскольку в базисном сценарии последнего анализа экономической приемлемости долга говорится о превышении двух пороговых пределов экономической приемлемости долга, а именно: отношения текущей стоимости долга к экспорту (< 180 %) и отношения суммы обслуживания долга к экспорту (< 15 %) (IMF, 2020^[47]).

Для обеих стран наибольший риск наступления долгового кризиса представляет экспортный шок, ведь доходы от экспорта сырья являются ключевым компонентом их способности обслуживать государственные займы.

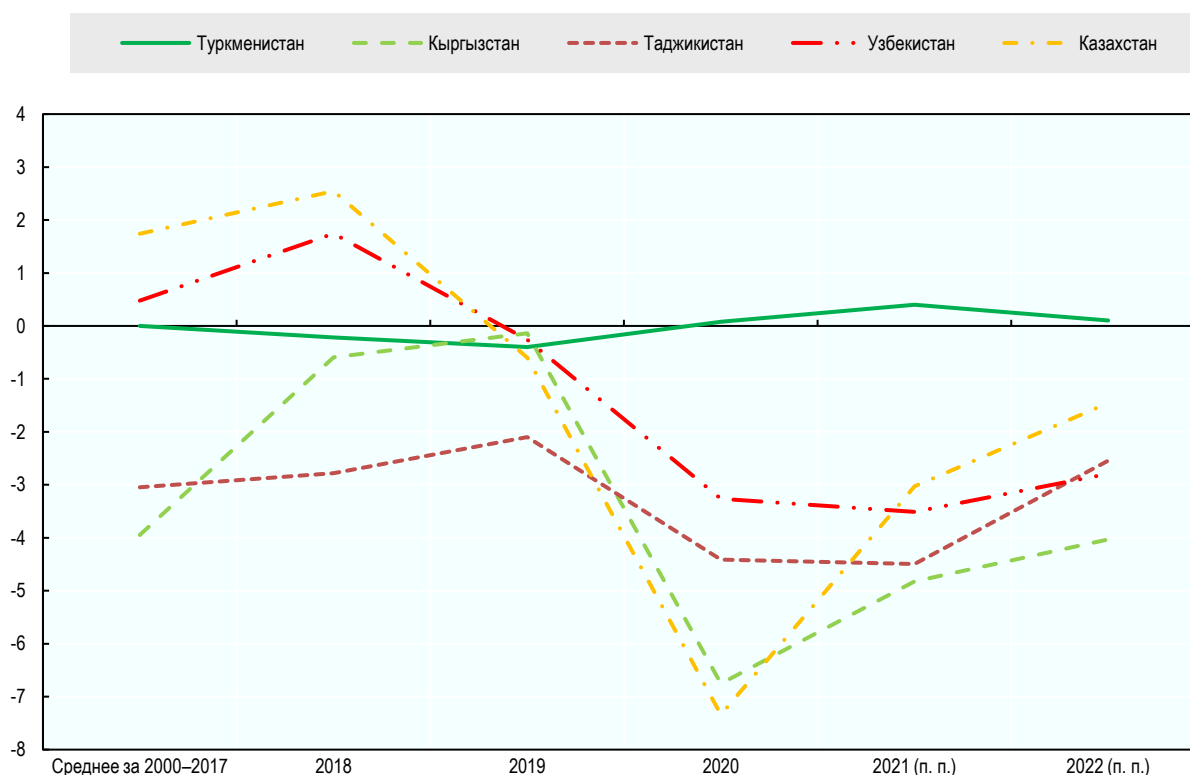
Проблема возможного наступления долгового кризиса, а также необходимость и далее осуществлять или наращивать государственные инвестиции и оказывать поддержку по мере того, как экономики Центральной Азии начинают восстанавливаться после потрясений, вызванных пандемией, заставили правительства обратить пристальное внимание на необходимость более устойчивого управления государственными доходами. Кризис серьезно повлиял на государственные доходы. Поступления от уплаты НДС сократились особенно заметно, в значительной степени из-за снижения объема международных денежных переводов, которое повлияло на сборы НДС на импортируемые товары. Косвенные потребительские налоги имеют особенно важное значение в Центральной Азии, при этом подоходный налог и налог на прибыль юридических лиц, как правило, вносят менее весомый вклад в национальный бюджет. Например, доход от НДС составляет в среднем 33,6 % налоговых отчислений в национальные бюджеты Центральной Азии (по сравнению с 21,2 % в странах – членах ОЭСР), а в 2019 году он составлял 50 % всех налоговых поступлений в Казахстане, за которым следовали Кыргызстан и Узбекистан с 41,9 % и 34 % соответственно (Ministry of Finance of Uzbekistan, 2019^[50]) (OECD, 2020^[1]).

Таким образом, чрезмерно высокая важность косвенных налогов для бюджета означает, что государственные финансы особенно чувствительны к потрясениям, влияющим на внутреннее потребление. Сокращение объемов уплаченного НДС в Кыргызстане почти на 25 % в 2020 году, вероятно, создаст дополнительное бюджетное давление. Тот факт, что экспортные пошлины на сырье представляют собой еще один важный компонент государственных финансов в регионе, усиливает его общую финансовую нестабильность, которую можно смягчить за счет более разнообразной и инклюзивной налоговой базы. Тем не менее данные национальных статистических агентств и налоговых органов свидетельствуют о том, что с номинальным сокращением бюджета столкнулся лишь Кыргызстан (на 13,6 %), однако сочетание инфляции и обесценивания валюты означает, что в большинстве стран региона, вероятно, имело место реальное сокращение или умеренный рост государственных расходов в 2021 году (State Committee on Taxation of Uzbekistan, 2021^[51]; Ministry of Finance of Kazakhstan, 2021^[52]; National Statistical Committee of Kyrgyzstan, 2021^[53]). Туркменистан не публикует подробную бюджетную разбивку, однако государственный бюджет на 2021 год предполагает сокращение расходов на 6 % по сравнению с предыдущим годом (State Information Agency of Turkmenistan, 2021^[54]). Завышение курса туркменского маната и инфляция также предполагают более значительное реальное сокращение государственных расходов.

Как упоминалось выше, с учетом важной роли налогов на полезные ископаемые, будь то акцизные сборы или налоги на международные компании и госпредприятия, работающие в добывающих

секторах, устойчиво низкие и нестабильные цены на углеводороды и другие сырьевые товары будут по-прежнему оказывать значительное влияние на доходы стран Центральной Азии. Общее сальдо бюджета сектора государственного управления в регионе приняло отрицательное значение, и для более устойчивой налоговой базы нужно будет найти новые источники доходов, не связанные с некоммерческими товарами напрямую, а также решить такие проблемы, как офшоринг и размывание базы (рисунок 10) (IMF, 2020^[24]; World Bank, 2020^[55]).

Рисунок 10. Общее сальдо бюджета сектора государственного управления в Центральной Азии (% ВВП)

Примечание: средние значения за 2000–2017 годы по Туркменистану недоступны.

Источник: (IMF, 2020^[24]).

Важно отметить, что возможность стран Центральной Азии поддерживать агрессивные государственные расходы, покрываемые за счет кредитов, на том же уровне, как это наблюдается во многих странах – членах ОЭСР, существенно ограничена тем фактом, что стоимость кредитов для них относительно высока. Казахстан, выпускающий суверенные и корпоративные облигации с 1996 года, и Узбекистан, совсем недавно вышедший на международные долговые рынки, – две страны Центральной Азии, занимающие наиболее уверенные позиции с точки зрения затрат по внешним займам (вставка 1).

Вставка 1. Обзор облигаций Центральной Азии

Относительно выгодные условия финансирования Узбекистана и Казахстана на международных финансовых рынках говорят в пользу их способности проводить более экспансионистскую бюджетную политику в предстоящие годы. В 2019 году Узбекистан впервые в истории страны выпустил суверенные еврооблигации на сумму 1 млрд долларов США; половина была выпущена в виде 10-летних облигаций, которые по состоянию на второй квартал 2021 года торговались по цене около 111 центов за доллар. Это означает, что первоначальная годовая процентная ставка в 5,375 % упала до эффективной ставки на уровне около 3,6 %, что снизило стоимость затрат по займам для Ташкента. Эквивалентная ей 10-летняя облигация Казахстана, более авторитетного игрока на рынках суверенных долгов, характеризуется аналогичной выгодной ценой в 116 центов за доллар и эффективной доходностью всего в 1,1 %, что значительно ниже купонной стоимости в 5,125 % и даже ниже уровня в 1,45 %, по которому казначейство США в настоящее время оплачивает 10-летние займы.

Ситуация заметно отличается в Таджикистане, где первые в истории страны 10-летние еврооблигации со сроком погашения в 2027 году в настоящее время торгуются по цене в 89 центов за доллар. Такая цена в сочетании со значительным купоном в размере 7,125 % по облигации предполагает, что Душанбе будет должен инвесторам более 350 миллионов долларов США сверх стоимости облигаций в 500 миллионов долларов США с ограниченными возможностями для рефинансирования. Кроме того, Душанбе намерен вернуться на кредитные рынки в 2021 году, чтобы привлечь дополнительные 500 миллионов долларов США для финансирования завершения строительства Рогунской ГЭС. Такой шаг станет необычно крупномасштабным обращением к торгуемому суверенному долгу для финансирования одного инфраструктурного проекта, несмотря на неопределенность в отношении окупаемости этих инвестиций, которая будет во многом зависеть от внутренних реформ в энергетическом секторе, а также от способности страны нарастить экспорт электроэнергии.

Источник: (Borse Frankfurt, 2021^[56]; Hess, 2021^[57]; van der Key, 2020^[58]).

Зависимость правительств от ограниченного числа кредиторов вызывает дополнительную озабоченность в отношении экономической приемлемости долга. Риск наступления долгового кризиса в Кыргызстане и Таджикистане считается особенно высоким из-за растущей зависимости от краткосрочных, дорогих и иногда обеспеченных ресурсами заимствований. Такой обеспеченный долг может повысить риск его неприемлемости и возникновения долгового кризиса, а также снизить как будущие возможности по обслуживанию долга, так и доступ к льготному финансированию (OECD, 2020^[59]; Mihalyi, 2020^[60]; Imam, 2019^[61]; OECD, 2020^[11]). Например, обеспеченный долг нередко выходит за рамки бюджета, и потому информации о точных суммах и условиях финансирования в открытом доступе не так много. Такое отсутствие прозрачности может еще больше снизить доверие инвесторов, особенно в случае возникновения сомнений относительно платежеспособности заемщика. Эти типы финансовых инструментов также труднее реструктурировать ввиду их непрозрачности и часто несистематического характера, что в свою очередь может серьезно сказаться на состоянии государственных финансов в долгосрочной перспективе, еще больше снизив способность правительства выплачивать долги или получать новые льготные кредиты.

Кроме того, долг Таджикистана и Кыргызстана сильно долларизован и особенно подвержен влиянию Китая. В случае появления новых проблем с выплатой кредитов, предоставленных для

финансирования инфраструктурных проектов, Китай может принять решение о реализации своих залоговых прав в отношении ресурсов, как он это уже делал в странах Африки к югу от Сахары (Mihalyi, 2020^[60]). В 2020 году Таджикистан и Кыргызстан воспользовались Инициативой G20 по приостановке обслуживания долга (DSSI), цель которой заключалась в том, чтобы позволить странам с низким уровнем дохода выполнить поставленные задачи в области социальных расходов на протяжении пандемии (Ziayev, Seitz and Rajabov, 2020^[62]). Тем не менее условия по долговым обязательствам Таджикистана и Кыргызстана перед Китаем в лучшем случае были уменьшены лишь частично, хотя Китай подписал инициативу в отношении долга, принадлежащего двум его официальным двусторонним кредиторам («Эксимбанку» и CIDCA); на данный момент Китай не удовлетворил просьбу этих стран о списании долга. Хотя информации о списании и приостановлении выплат долга Китаем по-прежнему мало, Таджикистан, похоже, воспользовался таким списанием долга на 40 миллионов долларов в рамках DSSI в 2020 году и сейчас добивается от Китая дополнительного списания долга. Однако просьбы Кыргызстана, по-видимому, остались не услышанными, и страна вышла из DSSI, несмотря на то что в 2021 году оставалась правомочной (China-Africa Research Initiative, 2021^[63]). Точные суммы и условия долга перед Китаем (как в виде официальных двусторонних займов, так и альтернативных займов, предоставленных через государственные предприятия (ГП)) неизвестны. Если Китай не спишет Таджикистану и Кыргызстану часть долга, сбор доходов и способность обслуживать другие непогашенные кредиты в обеих странах будут ослаблены еще больше (OECD, 2020^[64]; van der Key, 2020^[58]; Hurley, Morris and Portelance, 2018^[65]).

Поскольку правительства Центральной Азии стремятся обеспечить долгосрочный, устойчивый рост, масштабы экономического спада и ограниченная фискальная маржа делают обеспечение устойчивости государственных финансов и обслуживание долга одними из наиболее актуальных вопросов политики. Непосредственная проблема заключается в том, что такая обстановка может создать предпосылки для преждевременного ужесточения фискальной политики в то время, когда экономикам могут потребоваться устойчивые инвестиции и стимулы для поддержки восстановления. Достижение баланса в этой сфере в Центральной Азии станет одной из ключевых задач, которые лицам, ответственным за разработку политики, придется решить в ближайшие месяцы и годы.

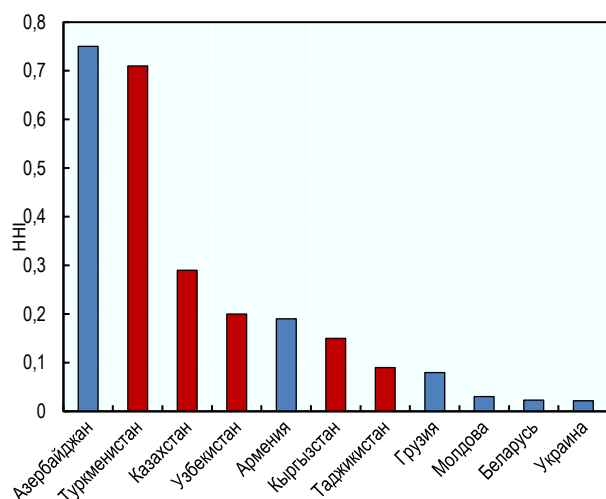
Торговые потоки и цепочки поставок были разорваны, в то время как чрезмерная роль экспортных добывающих отраслей в некоторых странах имела далеко идущие последствия

За исключением Узбекистана, экономики Центральной Азии, которые являются относительно небольшими и в большинстве случаев довольно недиверсифицированными, сильно зависят от внешней торговли. Отношение товарооборота к ВВП по региону в среднем составляет 65 %, что выше, чем в среднем по ОЭСР (58 %) (World Bank, 2020^[66]). В некоторой степени зависимость от торговли является естественным следствием размера рынка: при прочих равных более мелкие страны, как правило, торгуют больше. В Центральной Азии, однако, торговая интеграция осложняется низкой плотностью населения, удаленностью и «узкими местами» в инфраструктуре, а также многочисленными политическими барьерами, которые усугубляют и без того неблагоприятное положение экспортеров ввиду крайне удаленного географического расположения стран (ITF, 2019^[67]). Слабые стороны институциональной среды препятствуют росту частного сектора, поэтому разработка и экспорт продукции с высокой добавленной стоимостью остаются ограниченными, а в экспортных корзинах преобладает небольшой набор основных сырьевых товаров (рисунок 11.1). Таким образом, воздействие пандемии на мировую экономику, включая сокращение спроса и сбои в логистике, имело серьезные последствия для торговли в регионе.

Рисунок 11. Диверсификация экспорта в Центральной Азии

Экспортная продукция региона недиверсифицирована и подвержена колебаниям цен.

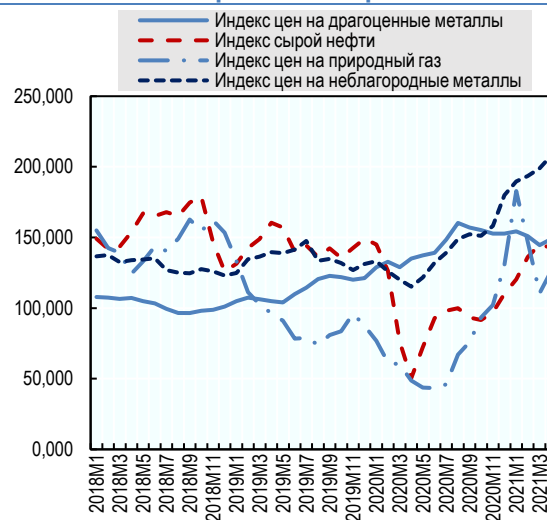
Рисунок 11.1. Экспортные корзины Центральной Азии характеризуются высокой степенью концентрации

Примечание: индекс Херфиндала – Хиршмана (HHI) – это показатель, обычно используемый для измерения концентрации рынка и конкуренции между компаниями одного сектора. Здесь он применяется для описания концентрации экспорта, то есть степени, в которой экспорт той или иной страны можно считать сконцентрированным, на основании суммы квадратов долей каждого экспортируемого товара. Диапазон составляет от 0 до 1,0, где 0 означает равномерное распределение экспорта, а 1 означает наличие одного экспортируемого товара.

Источник: (OECD/WTO, 2019^[68]).

Рисунок 11.2. В 2020 году в Центральной Азии наблюдалась значительная волатильность цен на ряд ключевых экспортных товаров

Примечание: индекс драгоценных металлов включает индексы цен на золото, серебро, палладий и платину; индекс сырой нефти представляет собой простое среднее трех спотовых цен (на Brent, WTI и Dubai Fateh); индекс природного газа включает индексы цен на природный газ в Европе, Японии и США; индекс цен на неблагородные металлы включает индексы цен на алюминий, кобальт, медь, железную руду, свинец, молибден, никель, олово, уран и цинк. Для всех индексов данные за 2016 год установлены на уровне 100.

Источник: (IMF, 2021^[69]).

Экспортные корзины экономик Центральной Азии могут быть ограниченными, однако торговое сообщество региона включает множество различных участников. Таким образом, влияние сбоев в сфере торговли можно назвать многогранным, что потребовало принятия ряда политических мер. С одной стороны, правительства получают значительные доходы от экспорта основных сырьевых товаров, стоимость которых в течение 2020 года заметно колебалась и экспорт которых часто находится под контролем ГП или небольшого количества крупных компаний (рисунок 11). В Казахстане, например, на нефтяную промышленность приходится 41,8 % всех налоговых поступлений, включая 97,9 % налогов на экспорт (OECD, 2020^[70]). Таким образом, концентрация экспорта и вытекающая из этого уязвимость государственных финансов неразрывно связаны с повесткой дня региона в области диверсификации, важность которой в условиях кризиса лишь усилилась.

При этом государства и госпредприятия не являются единственными экспортёрами в Центральной Азии – дестабилизация обстановки в 2020–2021 гг. серьезно повлияла на деятельность тысяч МСП

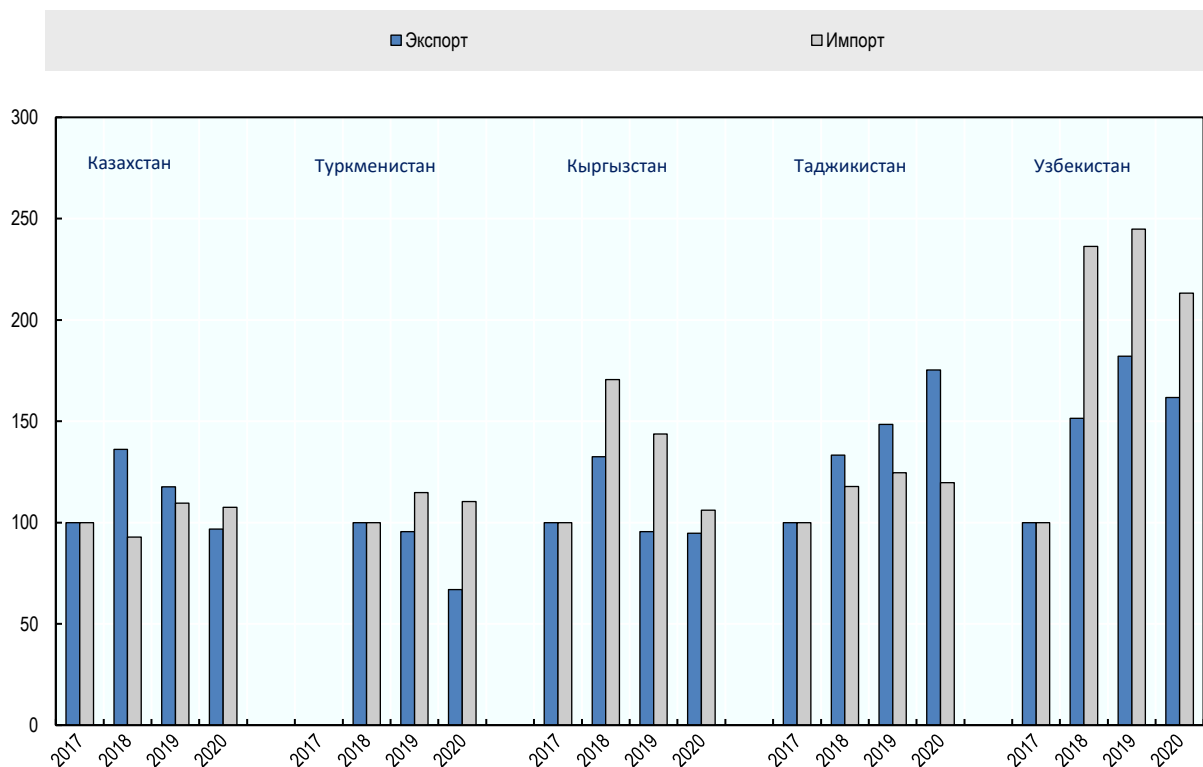
и индивидуальных предпринимателей, для которых торговля, как товарами, так и услугами, является важным аспектом деятельности. Эти компании могут не обеспечивать такой же уровень налоговых поступлений, как крупные предприятия – экспортеры сырьевых товаров, но они вносят значительно больший вклад в создание рабочих мест и возможности для диверсификации. В Узбекистане, например, где в 2020 году на МСП приходилось около 54 % роста и 74 % занятости (снижение на 0,3 % и 2,4 % по сравнению с 2019 годом), малые и средние предприятия активны только в одном из трех основных экспортных секторов – в сфере услуг, в то время как в двух других – экспорте золота и природного газа – в целом доминируют крупные ГП. В 2020 году экспорт природного газа из Узбекистана сократился на 73 % из-за резкого снижения спроса со стороны Китая, но влияние этой ситуации на доходы было частично компенсировано увеличением экспорта золота на 16,7 % (National Statistical Committee of Uzbekistan, 2021^[71]). В то же время экспорт услуг сократился на 42 %, а вклад МСП в экспорт снизился с 27 % до 20,5 %. Доля МСП в импорте также упала с 61,6 % до 51,8 % (National Statistical Committee of Uzbekistan, 2021^[72]). Опрос, проведенный в октябре 2020 года, показал, что более трети экспортирующих МСП в Узбекистане сообщили о резком падении объемов своей экспортной деятельности или ее полном прекращении. Компании, которые не смогли перейти на удаленный режим работы, нередко из-за проблем с подключением и инфраструктурой, пострадали больше всего (CERR & UNDP, 2021^[73]; OECD, Forthcoming^[74]).

Снижение объемов торговли в Узбекистане отражает разрыв торговых потоков, происходивший по мере того, как в начале 2020 года государства Центральной Азии постепенно закрывали свои границы и ограничивали внутреннее перемещение людей и товаров, чтобы остановить распространение COVID. Эти цепочки создания ценности, а также доступность отечественных товаров и связанный с этим вопрос продовольственной безопасности также подвергались угрозе из-за ограничений на пересечение границ, введенных Китаем, Ираном и Россией. В частности, объемы экспорта из большинства стран Центральной Азии в Китай, являющийся важным направлением для многих экспортеров в регионе, резко сократился (рисунок 13.2). Некоторые важные (как минимум с точки зрения занятости, если не добавленной стоимости) секторы, такие как нефтехимическая промышленность и производство одежды, могут по-прежнему испытывать влияние как сниженного глобального спроса, так и периодических ограничений на перемещение рабочей силы и товаров, если уровни вакцинации останутся низкими или начнутся новые волны массовых инфекций. В краткосрочной и среднесрочной перспективе снижение объемов торговли ведет к сокращению потребления, но не менее важны и долгосрочные риски для конкурентоспособности производства в регионе, где проблемы со связью и нормативные барьеры уже вылились в значительные издержки.

Стоимость экспорта товаров и услуг в 2020 году упала почти во всех странах Центральной Азии, причем Туркменистан показал наибольшее снижение – 30 %. В то же время лишь в Таджикистане был зарегистрирован рост стоимости экспорта, отчасти из-за роста стоимости драгоценных металлов в течение года. Падение экспортных доходов в сочетании со сниженным притоком международных денежных переводов также привело к сокращению импорта товаров и услуг в каждой стране, что в свою очередь вылилось в небольшое сокращение дефицита текущего счета платежного баланса во всех странах региона, кроме Таджикистана, где дефицит по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года не изменился.

Рисунок 12. Показатели внешнеэкономического сектора Центральной Азии (2017–2020 гг.)

2017 г. = 100

Примечание: динамика импорта и экспорта измеряется как процентное изменение показателей импорта и экспорта в миллиардах долларов США (по текущему курсу). Эталонным годом для всех стран является 2017, за исключением Туркменистана, по которому данные за этот год отсутствуют и взамен используются данные за 2018 г.

Источник: (National Statistical Committee of Uzbekistan, 2021^[71]; Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan Bureau of National Statistics, 2021^[75]; National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, 2021^[76]; IMF, 2020^[24]). Примечание: Данные по Таджикистану и Туркменистану для этого рисунка были представлены МВФ.

В Центральной Азии экономические последствия COVID-19 были осложнены падением мировых цен на нефть и сокращениями объемов добычи со стороны ОПЕК+. Государственные финансы Казахстана пострадали особенно заметно, когда в апреле 2020 года цена упала до 20 долларов за баррель, подчеркнув уязвимость финансового положения страны, особенно с учетом того факта, что достижение безубыточности в бюджете и на международной арене в 2020 году требовало установления цен на уровне 112,8 и 77,8 долларов за баррель (IMF, 2020^[24]). В Узбекистане, напротив, увеличение стоимости и объемов экспорта помогло частично компенсировать негативное влияние пандемии на торговый баланс, хотя в 2020 году объемы экспорта все же сократились на 18 %, а общий объем экспорта без учета золота снизился на 29 % (Uzbekistan State Statistical Committee, 2021^[77]). Влияние кризиса на внешнюю торговлю также продемонстрировало уязвимость позиции, в которой у страны имеется лишь узкий круг торговых партнеров, что как раз характерно для ряда стран Центральной Азии (рисунок 13.1).

Рисунок 13. Концентрация торговли в Центральной Азии

Экономики Центральной Азии отличаются наличием как недиверсифицированных экспортных корзин, так и ограниченного круга торговых партнеров. Экспорт в Китай, являющийся одним из крупнейших торговых партнеров региона, с начала пандемии значительно сократился.

Рисунок 13.1. Концентрация экспортных товаров и рынков (2020 г.)

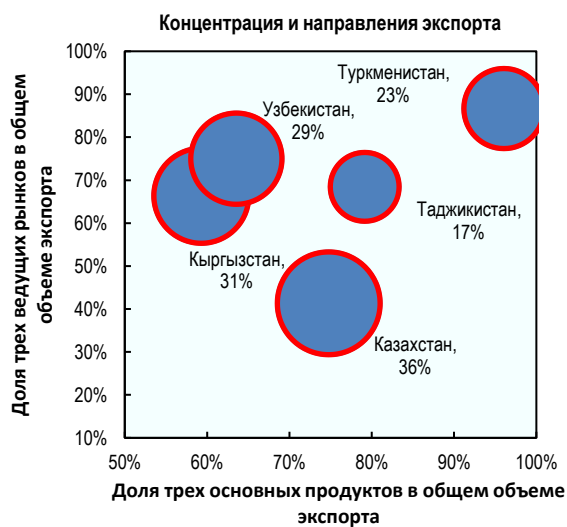
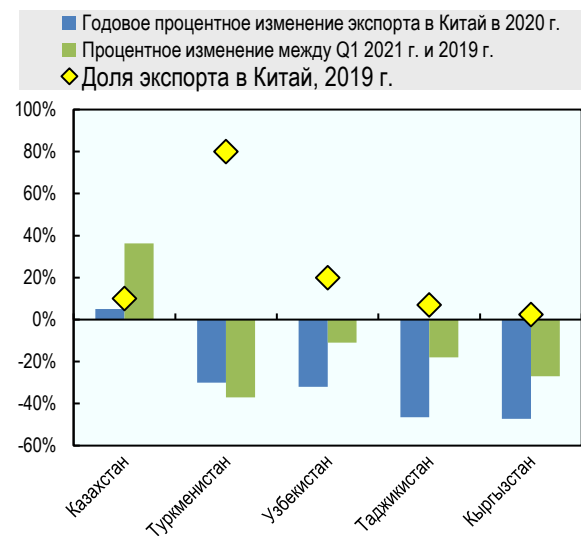

Рисунок 13.2. Торговля между Китаем и Центральной Азией

Примечания: на диаграмме слева процентный показатель рядом с каждым кружком характеризует долю экспорта в ВВП, отражая относительную важность внешней торговли для каждой страны.

*Показатель по Туркменистану, скорее всего, был бы значительно выше, если бы был скорректирован с учетом рыночного обменного курса.

Источник: (Customs Agency of the People's Republic of China, 2020^[78]), (IMF, 2020^[24]).

В Туркменистане, например, более 90 % экспорта составляют углеводороды. Сокращение объемов экспорта в Китай на 30 %, вероятно, станет гораздо более актуальной проблемой для страны, чем аналогичное сокращение в Узбекистане, учитывая тот факт, что более 80 % туркменского экспорта идет в Китай, тогда как в Узбекистане этот показатель составляет всего 20 % (рисунок 13.2). К первому кварталу 2021 года показатели экспорта в Китай восстановились во всех странах, за исключением Туркменистана, чьи экспортные возможности ограничены отсутствием альтернативных маршрутов вывода на рынок природного газа из-за отсутствия прогресса в строительстве трубопровода ТАПИ, недиверсифицированного профиля экспорта и ограниченного круга торговых партнеров. Если в ближайшие годы цены на углеводороды останутся низкими, ситуация обострится до предела.

С начала пандемии объем прямых иностранных инвестиций резко сократился

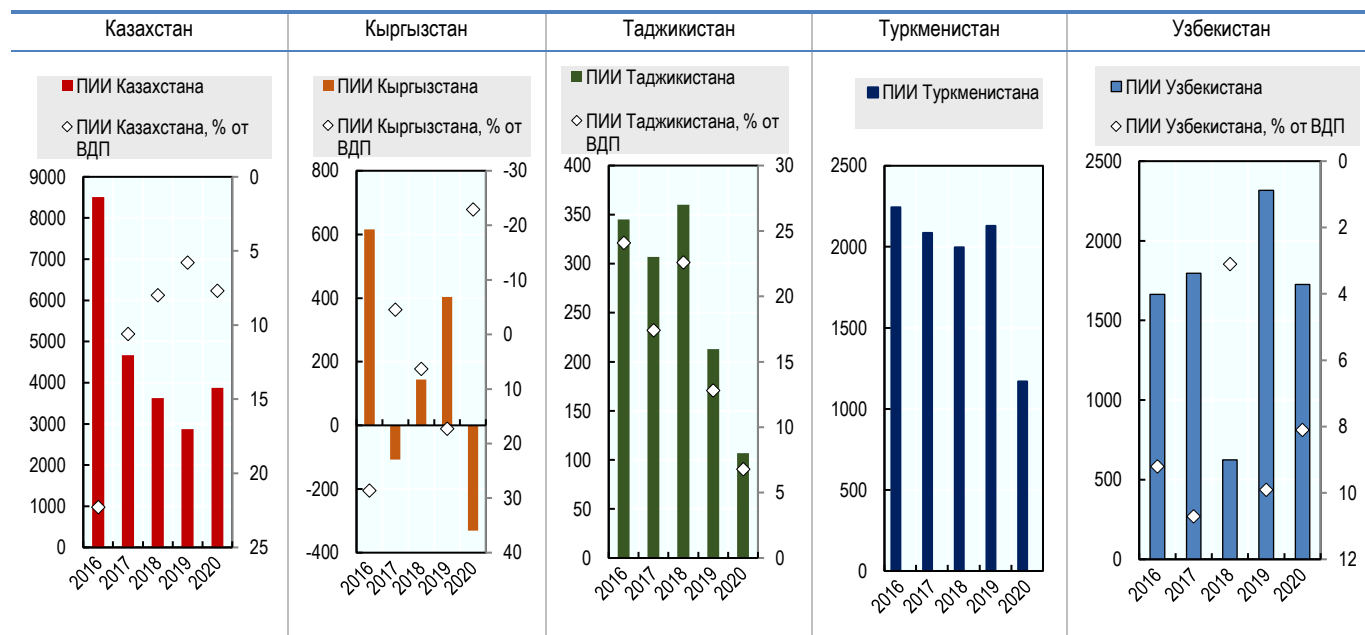
Накопление капитала в Центральной Азии опирается на три главных источника: государственные финансы, собственные средства компаний и прямые иностранные инвестиции (ПИИ). При слабом банковском секторе, который изо всех сил пытается обеспечить достаточный объем финансирования для внутреннего частного сектора (рисунок 14), все правительства в регионе отводят привлечению большего количества ПИИ более высокого качества определяющее значение

для долгосрочного экономического развития, но при этом все их усилия в этой области пока принесли довольно скромный результат.

Конечно же, пандемия серьезно повлияла на способность всех стран привлекать новые ПИИ. В 2020 году приток ПИИ в развитые страны упал на 58 % до 312 миллиардов долларов США, хотя эта цифра несколько завышена из-за серьезных колебаний внутрифирменных финансовых потоков и изменений в структуре компаний (UNCTAD, 2021^[79]). В то же время инвестиции в страны с переходной экономикой, к которым относятся страны СНГ, Юго-Восточной Европы и Грузия, в 2020 году сократились более чем вдвое – до 24 миллиардов долларов США. Напротив, их сокращение на 18 % в Центральной Азии, смягченное увеличением чистого притока ПИИ в Казахстан на 35 % (в значительной степени за счет новых инвестиций в проект расширения добычи углеводородов «Тенгиз»), на первый взгляд кажется относительно небольшим (рисунок 14) (UNCTAD, 2021^[80]).

Рисунок 14. Приток ПИИ (в миллионах долларов США) в Центральную Азию и ПИИ в процентах от ВНОК

В 2020 году прирост ПИИ наблюдался только в Казахстане.

Примечание: данные о ПИИ в процентах от ВНОК по Туркменистану отсутствуют.

Источник: (UNCTAD, 2021^[80]) (UNCTAD, 2021^[81]) (UNCTAD, 2021^[82]).

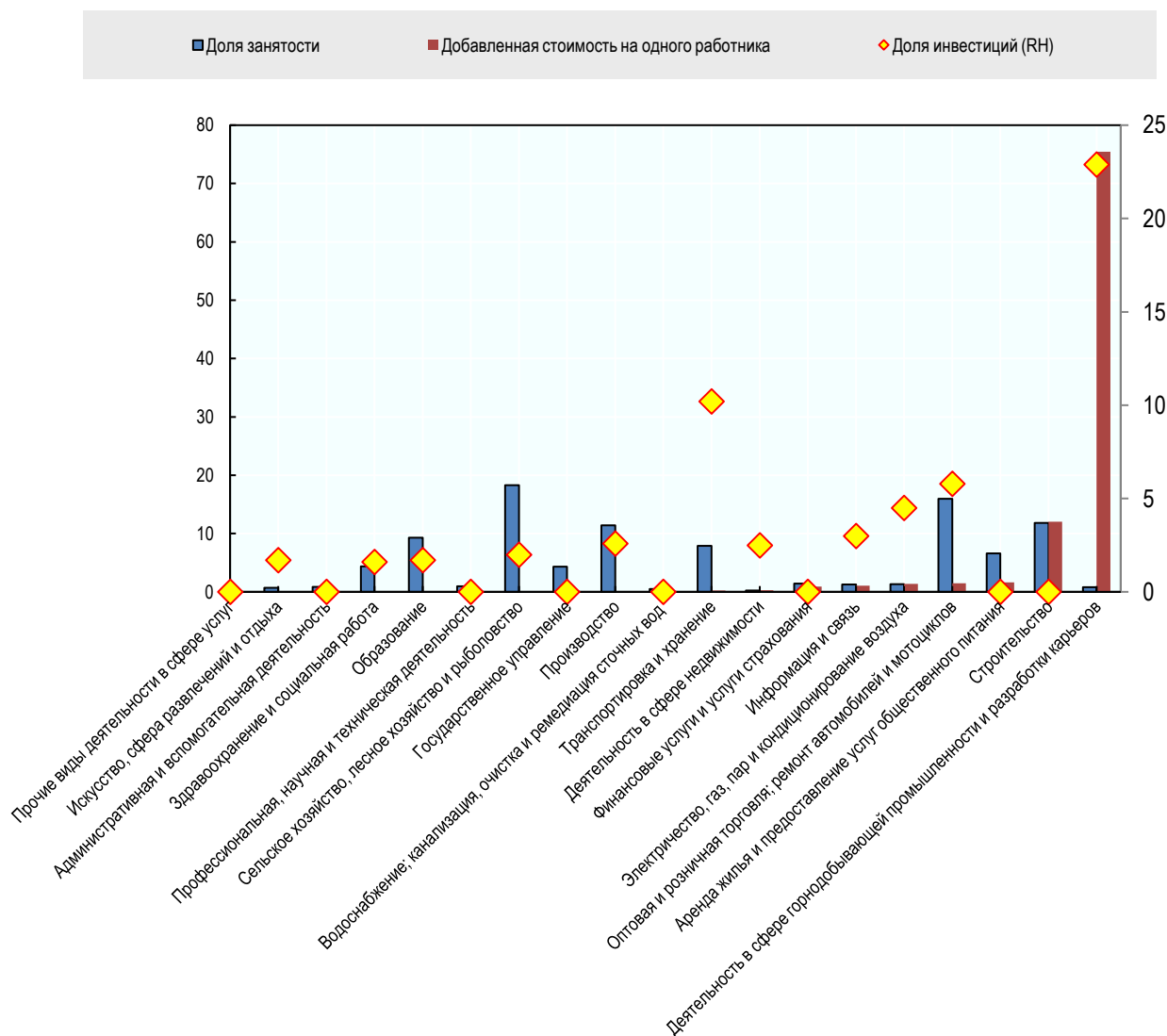
Тем не менее сокращение объемов ПИИ в Центральной Азии в 2020 году является следствием общей тенденции к их снижению, начавшейся после окончания бума цен на сырьевые товары 2014–2015 гг., и отражает реалии хрупкой инвестиционной среды, многолетние проблемы в банковских секторах региона и чрезмерную долю добывающих отраслей в общем накоплении капитала. Стоит отметить, что приток ПИИ, а также объявления об инвестициях в новые предприятия, в регионе часто кажутся «неоднородными», поскольку небольшое количество крупных инвестиций, нередко в добывающих отраслях, может обуславливать резкие пики и спады в данных временного ряда. Лица, ответственные за разработку политики в регионе, должны поощрять новые, более устойчивые инвестиции в альтернативные секторы экономики, особенно в те, которые с большей вероятностью

будут способствовать созданию рабочих мест и диверсификации. Несмотря на то что немедленное сокращение потоков ПИИ в Центральную Азию было менее резким, чем во многих других странах, наиболее серьезные проблемы с привлечением ПИИ, вероятно, возникнут после пандемии, поскольку более конкурентоспособный глобальный инвестиционный климат, вероятно, будет менее снисходительным к многолетним недостаткам делового климата в регионе. Стоит отметить, что, несмотря на прогнозы относительно роста объемов ПИИ в наиболее развитые страны мира на 20 % в 2021 году, инвестиционные перспективы Центральной Азии выглядят менее радужно: ожидается, что приток инвестиций начнет расти только в 2022 году (UNCTAD, 2021^[80]).

Во многих отношениях кризис повлиял на инвестиции в Центральной Азии так же, как и в странах – членах ОЭСР. Секторы, наиболее подверженные риску нарушения работы из-за введения мер сдерживания и ограничений мобильности, часто являются как раз теми секторами, в которых ведет деятельность большое количество МСП, ответственных за значительную долю занятости. Однако эти предприятия, как правило, характеризуются низкой производительностью и низким уровнем привлечения инвестиций. В этом отношении показателен пример Кыргызстана. В секторах с высокой занятостью, таких как сельское хозяйство (22,3 %), розничная торговля (19,5 %) и обрабатывающая промышленность (6,2 %), объем инвестиций снизился на 15, 34 и 38 % соответственно. В секторах с высоким потенциалом, таких как туризм, спад был еще более резким: инвестиции в сектор продуктов питания и гостеприимства сократились на 73 % (National Statistical Committee of Kyrgyzstan, 2021^[83]). На фоне сохраняющейся неопределенности относительно будущего золотого рудника «Кумтор» инвестиции в горнодобывающий сектор, который вносит огромный вклад в прирост производительности и является крупнейшим получателем прямых иностранных инвестиций (рисунок 15), в 2020 году сократились на 24 % (там же).

Рисунок 15. ПИИ, занятость и производительность в Кыргызстане

Инвестиции сосредоточены в добывающих секторах, производительность которых значительно выше средней по стране, но рабочих мест они создают крайне мало.

Примечание: производительность указана в процентах от среднего показателя по стране и рассчитана в виде добавленной стоимости на одного работника (в кыргызских сомах). Данные об инвестициях и производительности приведены за 2020 год, данные о занятости – за 2019 год.

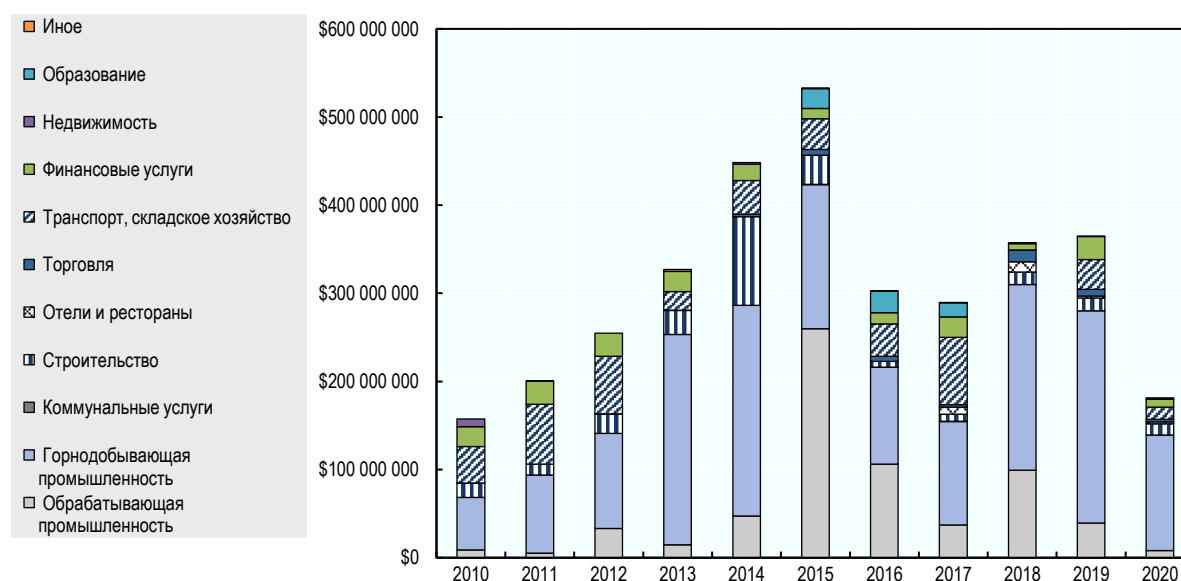
Источник: (National Statistical Committee of Kyrgyzstan, 2021^[83]) (National Statistical Committee of Kyrgyzstan, 2021^[84]) (National Statistical Committee of Kyrgyzstan, 2021^[85]).

Ситуация в Таджикистане также показывает связанные с устойчивостью проблемы инвестиционной политики в Центральной Азии и степень, в которой стратегии правительств обеспечивают – или могут обеспечить – создание рабочих мест, диверсификацию и более высокую производительность, к которым они стремятся. Инвестиции в Таджикистан по-прежнему поступают из бюджета (в 2020 году лишь 25 % инвестиций поступило из частных источников финансирования), а приток ПИИ по-прежнему сосредоточен преимущественно в горнодобывающей промышленности.

Когда началась пандемия, добывающие секторы одними из первых испытали существенное снижение инвестиционной активности, и чрезмерная роль горнодобывающей промышленности в структуре инвестиций Таджикистана способствовала резкому сокращению их притока (рисунок 16).

Рисунок 16. Отраслевая структура ПИИ в Таджикистане (2010–2020 гг.)

ПИИ в Таджикистане по-прежнему в основном сосредоточены в добывающих секторах. В 2020 году объем ПИИ сократился на 51 % по сравнению со средним показателем за предыдущие 5 лет.

Источник: (National Bank of Tajikistan, 2021^[86]).

Снижение количества объявлений о проектах инвестиций в новые предприятия и динамика этого снижения вызывают беспокойство по ряду причин. В конце 2020 года замедление темпов роста инвестиций практически не изменилось. Низкая инвестиционная активность, вероятно, сохранится и в 2021 году. Приток инвестиций наиболее сильно замедлился в секторах, являющихся традиционными для ПИИ, особенно в добыче нефти, нефтепереработке и производстве таких продуктов, как кокс и химикаты. Это, конечно, было вполне ожидаемо в сложившихся обстоятельствах. Вопрос в том, смогут ли экономики Центральной Азии выйти за рамки этих традиционных сфер внимания инвесторов. В то же время важно подчеркнуть, что секторы, в которые были перенаправлены глобальные инвестиции, такие как фармацевтика и технологии, являются секторами, в которые Центральная Азия традиционно не могла привлечь ПИИ, но которые могут дать возможности для диверсификации (UNCTAD, 2021^[87]).

Несоразмерность притока инвестиций в разные секторы свидетельствует о том, что крупные инвесторы, ориентированные на добывающий сектор, как правило, более терпимо относятся к проблемам делового климата, издавна характерным для экономики стран Центральной Азии. Другие же инвесторы, чей опыт и капитал могут внести значительный вклад в создание рабочих

мест и повышение производительности в Центральной Азии, значительно менее терпимы. Отчасти это отражает тот факт, что компании добывающего сектора, как правило, довольно крупные и зачастую могут самостоятельно обеспечить себе блага, которые обычно формируются за счет бюджета (безопасность, инфраструктура и т. д.), при этом масштаб их деятельности позволяет им напрямую торговаться с правительствами принимающих стран. Тем не менее значение имеют не только размер инвесторов или капиталоемкость, и здесь стоит вспомнить традиционную типологию ПИИ (инвестиции в ресурсы, в рынки и в производительность).

Динамика ПИИ, направленных на ресурсы, в добывающий сектор в некоторой степени аналогична динамике, наблюдаемой в сфере государственных закупок. Недра – государственная собственность, государство знает, чего хочет, и это известно инвестору. Задача правительства состоит в том, чтобы выбрать лучшего из конкурирующих инвесторов – фактически конкурирующих поставщиков услуг – для получения по сути одной услуги – добычи первичного ресурса. Предполагается, что выбранный инвестор сделает то, что было согласовано между ним и правительством заранее. Нередко наблюдается недостаток доверия, потому что правительство подозревает в инвесторе стремление эксплуатировать ресурсы, принадлежащие государству, но в то же время нуждается в нем, а точнее, в имеющихся у него капитале, опыте и т. д. Соглашения можно достичь даже при низком уровне доверия, ведь потенциальная окупаемость высока, а основные задействованные переменные хорошо изучены.

Инвестиции в рынки и в производительность в других секторах, как правило, носят исследовательский характер и потому более тесно связаны с политикой. Заранее о жизнеспособности и прибыльности потенциальных инвестиций известно совсем немного. Инвесторы, скорее, создают новые возможности, а не соревнуются за уже существующие. Правительство, в свою очередь, должно ослабить ограничения и быть более склонно к риску. Это предусматривает готовность доверять иностранным инвесторам, а не контролировать их деятельность. Убежденность в том, что инвестор только и думает о том, как бы максимально эксплуатировать местные ресурсы, ввиду чего каждый его шаг нужно тщательно проверять, тормозит потенциально продуктивные инвестиции. Более того, когда иностранные инвесторы относятся к компаниям среднего и небольшого размера, они с большей вероятностью полагаются на общие рамочные условия для бизнеса и инвестиций, а не на индивидуальные уступки или соглашения о разделе продукции с государством. У них также меньше внутренних ресурсов, чтобы восполнить дефицит благ, обычно формируемых за счет государственного бюджета. Это означает, что такие альтернативные формы ПИИ будут зависеть от общей деловой среды в гораздо большей степени, чем инвестиции в крупномасштабную добычу ресурсов.

Социально-экономическое неравенство в Центральной Азии

COVID-19 мог усугубить экономическое и социальное неравенство

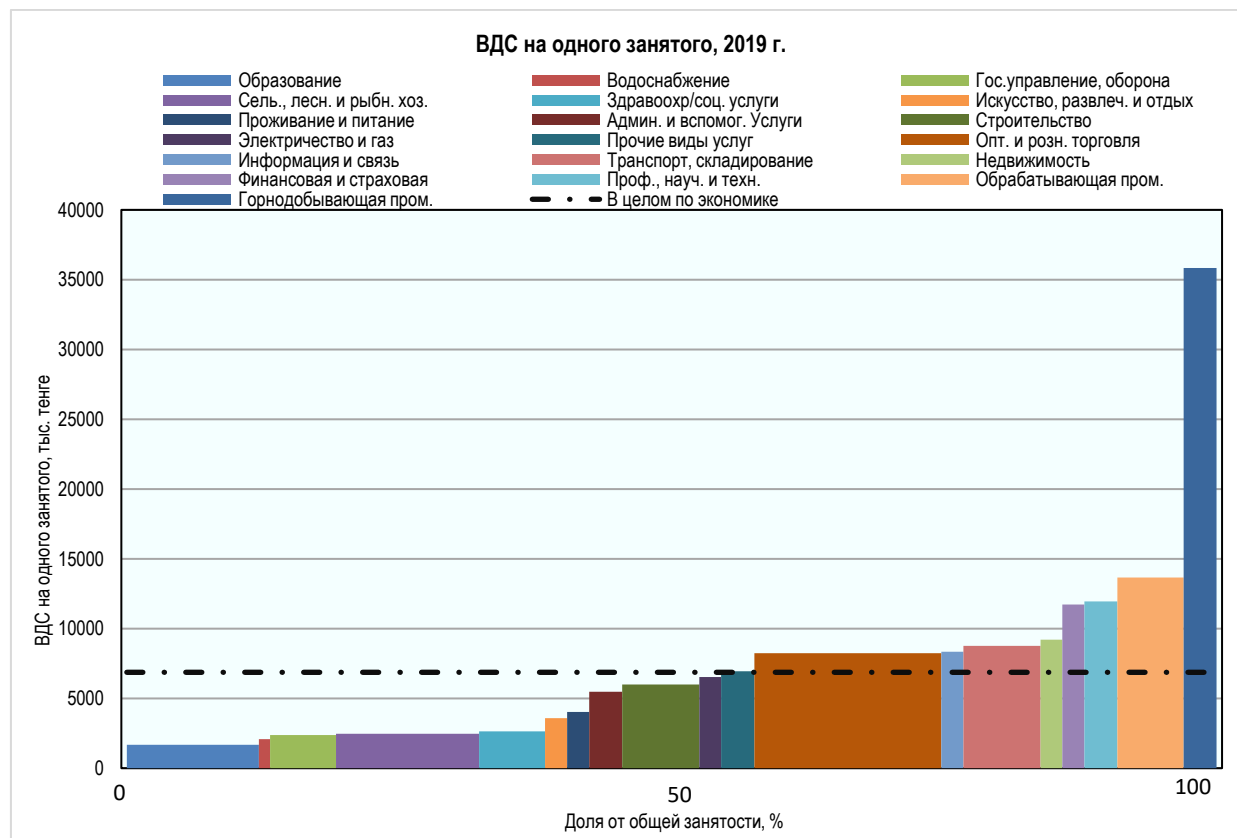
Большая часть занятости в Центральной Азии связана с низкопроизводительной деятельностью, как формальной, так и неформальной (как отмечалось выше в отношении Кыргызстана). В наиболее производительных секторах – часто капиталоемких добывающих отраслях – занято сравнительно небольшое количество людей. Заметные диспропорции в производительности и занятости между разными секторами экономики стран Центральной Азии свидетельствуют о замедлившейся диверсификации, что подтверждается крайне незначительным изменением отраслевой занятости за последние двадцать лет, и говорит о взаимосвязи между диверсификацией и долгосрочной социальной стабильностью. Странам Центральной Азии необходимы более разнообразные производственные структуры не только для снижения уязвимости к колебаниям цен на сырьевые товары, но и для создания все более и более продуктивных рабочих мест для растущего населения. Диверсификация важна для инклюзивного роста.

В столь сложном контексте все большее значение приобретает способность частного сектора вносить более весомый вклад в создание рабочих мест и привлечение инвестиций, тогда как его хроническая неспособность к этому является отражением благосклонности правительства к добывающим секторам, пренебрежительного отношения к деловой среде, низкого уровня конкуренции и некорректного распределения государственных ресурсов на нужды крупных госпредприятий. Нынешний кризис заставляет правительства стран Центральной Азии как никогда оперативно устранять барьеры для предпринимательской деятельности и содействовать развитию частного сектора.

В этом отношении ярким примером является Казахстан. Добыча ресурсов составляет более пятой части ВВП этой страны и обеспечивает основную долю прироста производительности, но заняты в этом секторе лишь 2 % населения (рисунок 17) (OECD, 2017^[88]). Легко представить, что в ситуации сниженного спроса на многие ключевые продукты добычи вклад этих высокопроизводительных секторов в экономику в ближайшие годы уменьшится, что заставит лиц, ответственных за разработку политики, активизировать усилия по повышению инвестиционной привлекательности других секторов, особенно тех, что не связаны с добычей полезных ископаемых.

Рисунок 17. Добавленная стоимость на одного работника (тыс. тенге) и показатели занятости в различных секторах (2019 г.)

На секторы с высокой производительностью приходится небольшая доля от общей занятости; большинство секторов находятся на уровне среднего показателя по стране или ниже этого уровня.

Примечание: горизонтальная ось лежит в диапазоне от 0 до 100 %.

Источник: (National Statistics Committee of Kazakhstan, 2020^[90]).

В более широком смысле лишь 45,5 % работников в Центральной Азии заняты в сфере услуг, тогда как в странах – членах ОЭСР этот показатель достигает 73 %, но такое расхождение не вполне наглядно иллюстрирует ситуацию с занятостью в регионе и его уязвимость, поскольку многие работники сферы услуг здесь заняты в секторах, отличающихся низким уровнем производительности и скромной добавленной стоимостью (ILO, 2020^[90]). За средним показателем по региону также скрываются значительные различия на уровне страны: доля занятых в сфере услуг колеблется от 64 % в Казахстане до 33 % в Таджикистане. В то же время рост сектора услуг во многих случаях подпитывался средствами, полученными от экспорта ресурсов, что особенно характерно для высокоценных услуг, таких как финансы (там же), но также и для сферы гостеприимства, розничной торговли и общественного питания. Таким образом, можно заключить, что в основе повышения разнообразия возможностей трудоустройства лежит проблема устойчивости, поскольку лица, ответственные за разработку политики, должны стремиться к тому, чтобы расширение деятельности, не связанной с внешней торговлей, не полностью зависело от секторов, приносящих ренту. До тех пор пока экономика Центральной Азии не достигнет значимой диверсификации, ряд секторов услуг будут оставаться уязвимыми к падению экспортных доходов

и ухудшению внешней среды, хотя, например, на сектор финансов все еще приходится небольшой процент региональной занятости и иностранных инвестиций.

Кризис сильно ударил по трудовым мигрантам, особенно в Кыргызстане и Таджикистане

Отсутствие квалифицированных рабочих мест в большей части Центральной Азии обуславливает по-прежнему высокий уровень трудовой миграции, особенно в Россию и Казахстан. Внешняя миграция снижает давление на рынок труда, вызванное быстрым ростом рабочей силы в Центральной Азии, тогда как международные денежные переводы мигрантов являются важным источником доходов как для правительств, так и для домохозяйств. Во время кризисов прежних лет большое количество трудовых мигрантов в некоторой степени служило экономическим и социальным буфером, особенно для Кыргызстана и Таджикистана, в которых мигрантов больше всего (OECD, 2021^[91]).

Сочетание барьеров для трудовой миграции со стороны спроса и предложения, обусловленных COVID-19, изменило эту историческую модель и обошлось недешево для мигрантов, их семей и общества. Закрытие границ и локдауны оставили дома мигрантов, стремившихся выехать за границу в поисках работы, снизили шансы на трудоустройство как на внешних рынках, где многие мигранты находились на момент начала пандемии, так и на внутренних. Для трудовых мигрантов, работающих в России, где проживает от 2,7 до 4,2 миллиона рабочих из Центральной Азии, социальные и экономические последствия ограничения мобильности и снижения спроса были катастрофическими (OECD, 2021^[91]). Опрос мигрантов из Центральной Азии в России показал, что 40 % респондентов потеряли работу и 75 % были вынуждены уйти в неоплачиваемый отпуск, тогда как для местного населения эти показатели держались на уровне 23 % и 48 % соответственно (Gurevich and Kolesnikov, 2020^[92]). Это еще больше усугубило шок спроса в Центральной Азии ввиду того, что большая часть международных денежных переводов используется на неотложные потребительские нужды (Prokhorova, 2018^[93]).

Кыргызстан и Таджикистан и без того относились к беднейшим странам Центральной Азии, а поскольку международные денежные переводы в основном используются для удовлетворения насущных потребностей домохозяйств, не имеющих сбережений, сокращение трудовой миграции привело к увеличению бедности. Ожидается, что в 2020 году уровень бедности в Кыргызстане вырастет на 5,8 процентного пункта; за чертой бедности уже сейчас живут 47 % таджиков (OECD, 2021^[91]). Последствия потери возможности выехать за границу в поисках работы особенно тяжелы для молодежи, которая составляет значительную часть мигрантов. Безработица среди молодежи, которая и так была высокой до пандемии (например, 21 % в Таджикистане), продолжает расти, что может вызвать нестабильность в регионе (OECD, 2021^[91]).

Наибольшее относительное квартальное снижение объемов международных денежных переводов, полученных из России, наблюдалось в Казахстане во втором квартале 2020 года, но, учитывая сравнительно низкую значимость трудовой миграции для экономики Казахстана, последствия этого снижения были минимальными. В Кыргызстане и Таджикистане, где трудовая миграция более важна для экономики, объем международных денежных переводов сократился на 5,6 % и 13,6 % ВВП соответственно. Это оказало заметное влияние как на внутренний спрос, так и на внешний платежный баланс (рисунок 18.2).

Рисунок 18. Международные денежные переводы мигрантов в Центральной Азии и пандемия

Рисунок 18.1. Динамика денежных переводов из России (изменение в % в годовом исчислении)

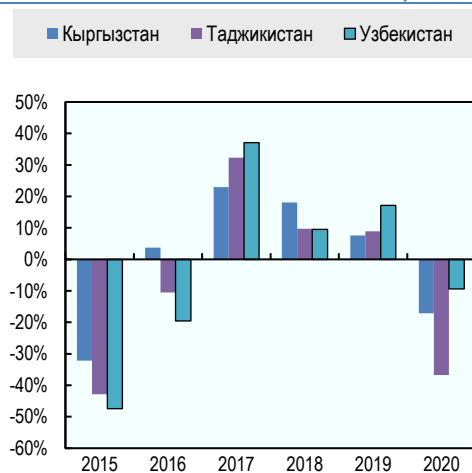
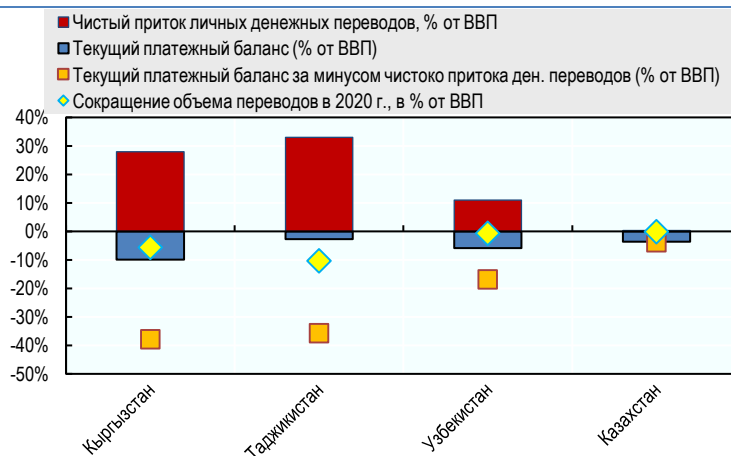

Рисунок 18.2. Денежные переводы и текущий счет платежного баланса

Источник: (Central Bank of Russia, 2021^[94]) (World Bank, 2021^[2]).

Как и в случае со многими проблемами, связанными с социально-экономической инклюзивностью, последствия сокращения объемов денежных переводов, вероятно, также будут иметь некоторые региональные особенности. Географическое распределение домохозяйств, зависящих от заработка мигрантов, в регионе неравномерно, что может привести к асимметричному, локализованному воздействию. Например, в 2014 году около 66 % трудовых мигрантов из Кыргызстана в России были выходцами из Ошской, Бактенской и Джалал-Абадской областей, в которых проживает 41 % населения страны (State Migration Service of Kyrgyzstan, 2014^[95]). Внутренняя миграция не менее важна для ряда стран Центральной Азии, особенно в случае сезонных сельскохозяйственных работ. В Таджикистане, например, в 2018 году чуть более 45 000 человек мигрировали внутри страны по экономическим причинам, но почти половина из них приходилась на Хатлонскую область (State Committee on Statistics of Tajikistan, 2019^[96]). Большинство внутренних мигрантов прибывают из сельской местности, что свидетельствует о том, что любой запрет на передвижение не только имеет последствия на национальном уровне, но и непропорционально сказывается на сообществах, где количество рабочих мест и общественных услуг и без того ограничено (там же).

Женщины могут нести несоразмерные социально-экономические издержки, связанные с COVID-19

Уровень смертности в Центральной Азии (и в других странах мира) был выше среди мужчин, однако данные указывают на то, что именно женщины несут более высокие социально-экономические издержки пандемии, включая рост уровня бытового насилия, потерю работы, увеличение объемов неоплачиваемой работы по уходу и ухудшение условий труда (OECD, 2021^[97]). Некоторые сектора с более высокой долей женской занятости особенно сильно пострадали от сбоев в цепочках поставок, торговле и перемещениях, обусловленных пандемией, включая текстильную

промышленность, аренду жилья и предоставление услуг общественного питания, работу в семейных сельскохозяйственных предприятиях и, в более общем плане, частичную и неформальную занятость (OECD, 2021^[91]). Уход за детьми, который обычно лежал на плечах старшего поколения семьи, стал недоступен из-за рисков для здоровья. С закрытием школ возросло и без того непропорциональное бремя домашней работы, лежащее на женщинах; в Кыргызстане и Казахстане 80 % женщин сообщили об увеличении количества домашних обязанностей по сравнению с 58 % мужчин. В результате женщины столкнулись с более значительным сокращением оплачиваемого рабочего времени и более массовой потерей рабочих мест: 26 % женщин Казахстана сообщили о потере работы, тогда как среди мужчин этот показатель составил 22 %. Некоторые национальные исследования показывают, что коммерческие предприятия под руководством женщин пострадали сильнее; в Кыргызстане 72 % ММСП, возглавляемых женщинами, сообщили о том, что не могут выплатить свои займы, тогда как среди ММСП, возглавляемых мужчинами, этот показатель достиг 61 %. Проблема усугубляется тем, что у женщин, как правило, меньше личных сбережений и более ограниченный доступ к банковским счетам, а также они чаще страдают от потери дохода из-за сокращения объемов международных денежных переводов (о таком сокращении сообщили 88 % женщин по сравнению с 47 % мужчин) (OECD, 2021^[97]). Все эти факторы обуславливают риск дальнейшего увеличения гендерного разрыва в оплате труда как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Оказание поддержки нуждающимся осложняется высоким уровнем неформальности экономики

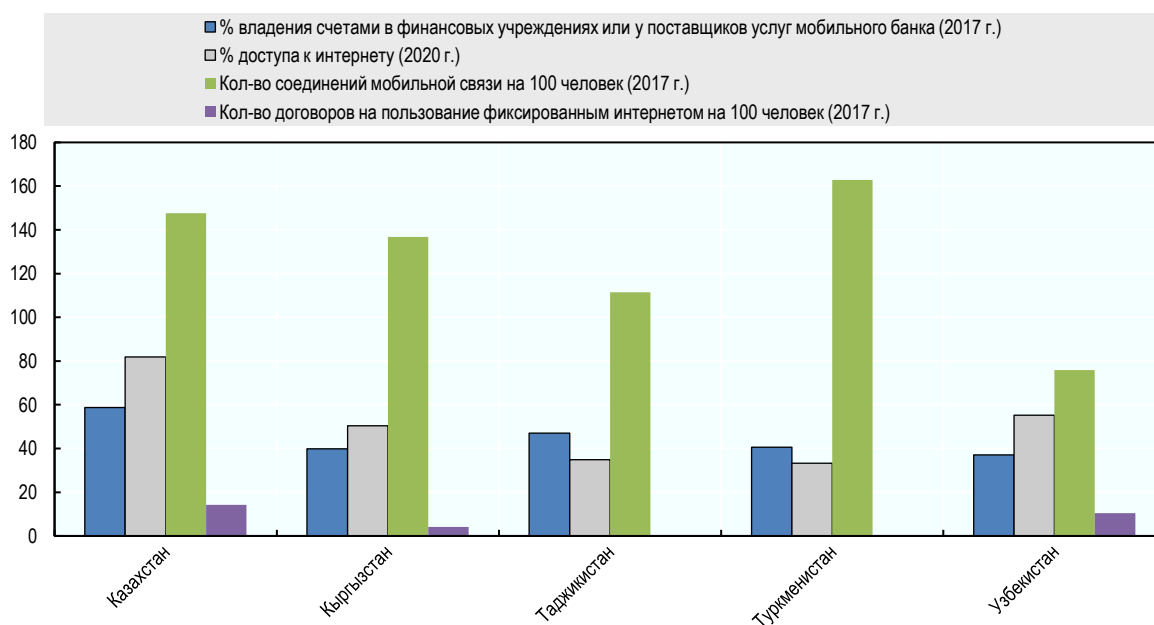
Для экономик Центральной Азии характерен очень высокий уровень неформальности: более 30 % экономической деятельности в Кыргызстане, Казахстане и Таджикистане приходится на неформальный сектор (OECD, 2021^[91]). В контексте нынешнего кризиса правительствам становится все труднее оказывать поддержку тем, кто в ней больше всего нуждается. Несмотря на то что некоторый уровень экономической неформальности может выступать в качестве буфера против экономических потрясений, характер текущего кризиса и меры, принятые для его сдерживания, а именно ограничения передвижений, сводят на нет традиционную роль неформального сектора как источника устойчивости для многих людей с низким уровнем дохода. Например, многим неформальным фирмам не хватает инфраструктуры, которая позволила бы им перенести деятельность на удаленный режим, или же характер их деятельности не позволяет им так поступить. Это не только затрудняет процесс адаптации таких предприятий, но и подвергает работников большому риску для здоровья, если они продолжают работать в стандартном режиме, особенно ввиду того факта, что работники неформального сектора, как правило, имеют более ограниченный доступ к здравоохранению. По оценкам МОТ, ежемесячный заработок работников неформального сектора в течение первого месяца пандемии сократился на 60 % (ILO, 2021^[98]). Лишь 38 % взрослого населения Центральной Азии имеют сбережения, поэтому домохозяйства из всех сил пытаются противостоять любому сокращению доходов (World Bank, 2019^[99]). Учитывая ключевую роль многих неформальных работников, выполняющих самые разные функции – от муниципальных, таких как мусорщики, до других важных функций, таких как водители маршрутных такси, механики или челночные торговцы, можно не сомневаться в том, что перебои в функционировании неформальной экономики могут иметь серьезные последствия для социально-экономического благосостояния населения.

Тем не менее административные барьеры для поддержки неформального бизнеса и его работников во время кризиса остаются значительными. Работники и компании формального сектора часто имеют доступ к сетям социальной защиты или прямой государственной поддержке, такой как та, которую оказывают как страны – члены ОЭСР, так и страны Центральной Азии на фоне COVID-19.

Их неформальным коллегам все это недоступно. Поскольку многие работники и компании находятся вне поля зрения правительства, органам, ответственным за разработку политики, может быть трудно получить точные данные о реальном составе их экономики и рабочей силы, что осложняет разработку ответных мер и оказание поддержки тем, кто в ней больше всего нуждается. Это особенно верно в отношении прямой финансовой поддержки работников и компаний, поскольку в настоящее время ее предлагают как страны – члены ОЭСР, так и страны, не входящие в ОЭСР, тогда как в странах Центральной Азии такие усилия осложняются низким уровнем финансовой инклюзивности и доступности цифровых каналов связи (см. рисунок 19). Поэтому правительствам в Центральной Азии пришлось найти способы вывести меры по поддержке домашних хозяйств и коммерческих предприятий за рамки формального сектора; хорошим примером в этом отношении могут служить денежные переводы в Казахстане и продовольственная поддержка в Кыргызстане, которые имели ограниченный успех (OECD, 2021^[91]).

Рисунок 19. Финансовая инклюзивность и доступность цифровых каналов связи в Центральной Азии

Финансовая инклюзивность остается низкой, но доступность цифровых каналов связи может стать основой для инновационных ответных мер на уровне политики.

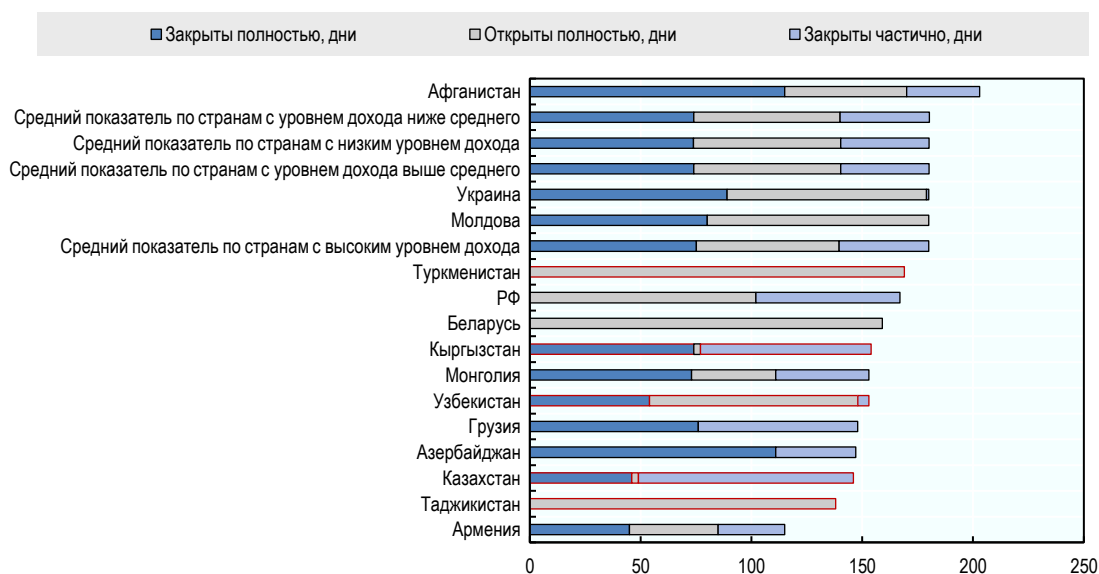

Источник: (World Bank, 2017^[100]; Kemp, 2021^[101]).

Нарушение образовательного процесса влечет риск еще большего обострения неравенства в регионе

Заккрытие школ по всему миру привело к резкому сокращению количества учебных дней для детей и рискам долгосрочного негативного воздействия на результаты обучения, развитие человеческого капитала и равенство. Во многих местах учителя и ученики перешли на дистанционное обучение, чтобы смягчить такое воздействие. Все страны – члены ОЭСР предоставили учащимся ту или иную онлайн-платформу, содержащую учебные материалы, а также методические материалы для учителей. Тем не менее многие страны Центральной Азии не имеют необходимых ресурсов для внедрения цифровых решений в сфере образования из-за разной доступности технологий и интернета в регионе. В результате дети в Центральной Азии посещают школу реже, чем в среднем в ряде групп с сопоставимым доходом (рисунок 20); более того, учащиеся и учителя оказались в сравнительно неблагоприятных условиях для перехода к дистанционному обучению из-за ограниченного доступа к цифровой инфраструктуре (точно так же, как работники сталкивались с серьезными трудностями при переходе на режим удаленной работы, практикуемый в странах – членах ОЭСР). Например, согласно оценке, приведенной в исследовании PISA – 2018, страны – члены ОЭСР сообщают, что доступ к домашнему компьютеру имеют более 85 % учащихся, тогда как данные последнего опроса по Центральной Азии указывают на значительно более низкий уровень доступа к домашним компьютерам; среди стран региона лидирует Казахстан (64,7 %), за которым следуют Кыргызстан (всего 17,2 %) и Таджикистан (9,2 %) (World Economic Forum/INSEAD, 2016_[102]). Данные по Туркменистану и Узбекистану отсутствуют. Вопрос доступности интернета еще больше осложняет задачу лиц, ответственных за разработку политики в Центральной Азии, которые пытаются осуществить масштабный переход к дистанционному обучению и удаленной работе; несмотря на то что доступность мобильного интернета относительно широка, количество домашних хозяйств в регионе, имеющих доступ к интернету дома, остается переменным и в целом низким (рисунок 19) (World Economic Forum/INSEAD, 2016_[102]) (Кемп, 2021_[101]). Именно поэтому так важно, чтобы правительства Центральной Азии разработали инклюзивный политический ответ на перебои в работе системы образования и учитывали местные особенности.

Рисунок 20. Заккрытие школ в Евразии во время пандемии

Источник: (UNICEF, 2021_[103]).

Несмотря на многочисленные реализуемые в настоящее время проекты по повышению доступа к цифровой связи, ограниченный доступ к интернету остается серьезным препятствием для домашнего обучения в Центральной Азии. В 2019 году уровень доступности фиксированного интернета в регионе составил 54 %, причем в разных странах этот показатель заметно отличался. Качество доступа также нельзя назвать одинаковым. Пропускная способность международного канала доступа в интернет на душу населения в Туркменистане, Таджикистане и Узбекистане колеблется от 1,8 до 12 кбит/с, при этом пропускная способность менее 10 кбит/с на душу населения считается непригодной для использования. Даже в Казахстане, где интернет – лучший в регионе, тестовый запуск онлайн-классов показал, что пропускной способности интернет-каналов в стране недостаточно для организации онлайн-обучения 2,5 миллиона детей. Более бедные граждане и жители сельских районов, которые, как правило, имеют еще более ограниченный доступ к интернету, подвергаются особому риску ввиду того, что переход на дистанционное обучение и удаленный режим работы повлияет на них особенно негативно (OECD, 2020^[1]).

В то же время в Центральной Азии сравнительно высокий уровень доступа к мобильной связи, что может дать домашним хозяйствам и предприятиям возможность воспользоваться цифровыми услугами, с помощью которых правительства пытаются смягчить последствия кризиса (рисунок 19). Рынки телекоммуникаций многих стран относительно неконкурентоспособны, однако ежемесячная цена 1 гигабайта мобильного интернета ниже целевого показателя в 2 % от месячного ВНД на душу населения во всех странах Центральной Азии, кроме Таджикистана и Туркменистана, где она достигает 2,9 % и 3,6 % соответственно (Cable.co.uk, 2021^[104]; World Bank, 2020^[4]). Частично из-за этого Таджикистан заявил, что страна не будет внедрять дистанционное обучение, и правительство предпочло не отказываться от очного обучения на протяжении всего кризиса; точно такое же решение принял и Туркменистан. В свете проблем, связанных с доступностью цифровой связи, многие страны региона внедрили образовательные программы на национальном телевидении, а страны с более высоким и качественным доступом к интернету, такие как Кыргызстан и Узбекистан, разработали платформы цифрового обучения.

Глава 2. Преграды на пути политики в области восстановления

Введение

В этой главе рассматриваются четыре области, в которых правительства в Центральной Азии должны приложить дополнительные усилия, чтобы добиться успехов в деле восстановления стран после потрясения, вызванного пандемией: совершенствование сферы управления государственными финансами и доходами, улучшение рамочных условий для развития частного сектора, реализация значимой и эффективной повестки дня в области цифровизации и формирование фундамента для экологического восстановления. При условии грамотного включения в программу восстановления реформы в этих четырех областях могли бы помочь вывести регион на траекторию, которая будет более гибкой, более инклюзивной и более устойчивой к потрясениям, подобным тем, которые поразили Центральную Азию с 2008 года. Успех в любой из этих областей во многом зависит от достижений в других. Например, программа преобразований в области цифровых технологий и значительные инвестиции, необходимые для обновления и расширения инфраструктуры региона, будут невозможны без более грамотного управления государственными финансами, более благоприятных условий для развития частного сектора и более привлекательной среды для ПИИ.

Управление государственными доходами

COVID-19 оказал серьезное влияние на государственные доходы во всем мире. Эта глобальная тенденция усугубляется более высокой структурной зависимостью правительств стран Центральной Азии от доходов, получаемых от торговли, международных денежных переводов, сырьевых товаров и природных ресурсов. Поскольку рост замедлился (а где-то стал отрицательным), а фискальная политика во всей Центральной Азии характеризуется введением многочисленных послаблений, объем налоговых поступлений в 2020 году сократился быстрее, чем ВВП, а устойчиво низкие цены на нефть и нестабильные цены на сырьевые товары усугубили влияние кризиса на финансы экономик Центральной Азии (OECD, 2020^[1]).

Они остаются крайне уязвимыми к ужесточению мировых финансовых условий, особенно в случае быстрого роста процентных ставок в США. Как показали ранние стадии пандемии COVID-19, экономики в регионе в первую очередь страдают от оттока крупных портфельных инвестиций (потоки портфельных инвестиций в Центральную Азию исторически почти вдвое более чувствительны к изменениям уровня глобальной неопределенности), сильного спада на фондовых рынках и повсеместного увеличения склонности инвесторов к риску, что приводит к увеличению доходности 10-летних государственных облигаций и суверенных спредов (IMF, 2020^[105]; IMF,

2021^[44]). Несмотря на то что фондовые рынки пока не имеют большого значения для частного сектора региона, они тем не менее существенным образом влияют на деятельность многих энергетических компаний в Центральной Азии. Очередное ужесточение может поставить под угрозу перспективы достижения устойчивости в регионе с учетом уровней суверенных рисков. Например, в Таджикистане и Узбекистане почти весь долг номинирован в долларах США (100 и 97 % соответственно), что делает их уязвимыми к обесцениванию валюты. Казахстан выглядит несколько более защищенным в случае развития подобной ситуации, поскольку лишь 35 % долга страны номинировано в долларах США и евро, однако его экономика по-прежнему сильно зависит от притока капитала в энергетический сектор (European Securities and Markets Authority, 2020^[106]; OECD, 2021^[107]). Если бы отток портфельных инвестиций возобновился, регион мог бы понести серьезные потери в сфере инвестиций, а также столкнуться с дополнительным давлением на платежный баланс, что вызвало бы беспорядочную корректировку обменного курса и ослабление перспектив на восстановление.

Фискальная политика должна и далее быть направлена на поддержание экономики, в то время как налоговая политика и администрирование нуждаются в реформах с целью повышения финансовой устойчивости и стабильности.

Необходимо грамотно управлять прекращением государственной поддержки ключевых секторов экономики, чтобы не ставить компании на край пропасти; постепенное ограничение доступа к поддержке должно происходить одновременно с восстановлением экономики. В ближайшие годы ключевой проблемой для лиц, ответственных за разработку политики, будет устойчивость государственных финансов и долга, и прекращение государственной поддержки с целью защиты жизнеспособных компаний и домохозяйств должно быть постепенным (OECD, 2021^[108]; IMF, 2021^[44]). В странах с развитой экономикой, таких как страны – члены ОЭСР, отмена бюджетных стимулов может быть сглажена за счет перевода эффективной денежно-кредитной политики на уровень компаний, что в меньшей степени относится к экономикам Центральной Азии, где слаборазвитые финансовые секторы нивелируют влияние инструментов денежно-кредитной политики на реальный сектор экономики. Последствия глобального финансового кризиса 2008 года продемонстрировали опасность преждевременной отмены стимулов, тем не менее лица, ответственные за разработку политики в Центральной Азии, должны осознавать риск нерационального распределения ресурсов, если государственная поддержка не будет в достаточной степени рационализирована и взята под тщательный контроль. Даже когда кризис в области общественного здравоохранения утихнет, экономика региона останется в критически нестабильном состоянии – в таком состоянии, когда совершенно жизнеспособные компании могут обанкротиться, а уволенные работники не найти новую работу (Blanchard, Philippon and Pisani-Ferry, 2020^[109]). Также стоит отметить, что чистые фискальные издержки дальнейшего предоставления определенных субсидий, вероятно, будут стабильно меньше, чем последствия их преждевременной отмены, поскольку государство в таком случае сможет избежать развития ситуации, в которой большое количество людей окажутся безработными в экономике, характеризующейся созданием небольшого количества новых рабочих мест (там же). Постепенные действия могут помочь избежать излишнего банкротства продуктивных компаний и увольнения работников и внести вклад в построение более инклюзивной экономики после кризиса.

Преждевременная отмена политики поддержки может вызвать негативную цепную реакцию в виде шквала банкротств, дефолтов и всплеска безработицы (OECD, 2021^[108]; IMF, 2021^[44]). В Казахстане, который финансировал свой дефицит в основном за счет внутренних займов, такой негативный сценарий может спровоцировать кризис, в котором отечественные банки будут ослаблены с обеих сторон, т. е. с точки зрения ликвидности (потеря доверия) и платежеспособности (рост количества просроченных кредитов), поскольку предприятия начнут банкротиться. В таком

сценарии правительство столкнется с призывами провести рекапитализацию банков, что еще больше ослабит уверенность рынков в его способности обслуживать свой долг. Это, в свою очередь, приведет к повышению процентных ставок, ужесточению условий кредитования и т. д. Страны Центральной Азии, похоже, предпринимая шаги, чтобы избежать этого сценария, сочетая продолжающуюся, но более адресную краткосрочную поддержку с планами в области фискальной консолидации и стабилизации долга в среднесрочной перспективе. Таджикистан включил целевой показатель бюджетного дефицита в 2,6 % ВВП в 2021 году в свой государственный бюджет и планирует использовать льготные внешние заимствования для устранения дефицита финансирования. Узбекистан планирует финансировать свой дефицит за счет увеличения государственных заимствований, прежде чем стабилизировать свой долг на уровне 45 % ВВП в среднесрочной перспективе, в то время как Кыргызстан нацелен на бюджетный дефицит в размере 3 % ВВП в течение такого же периода (World Bank, 2021_[110]).

Целенаправленная фискальная политика также может помочь региону ускориться на пути к экологизации. Как обсуждалось в разделе «Экологизация» данной главы (стр. 51), фискальная политика может сыграть значимую роль в содействии переходу Центральной Азии к более зеленой и устойчивой экономике. Текущий кризис и связанное с ним давление в финансово-бюджетной сфере, которое неизбежно сохранится в период восстановления, являются прекрасной возможностью проработать ряд многолетних фискальных препятствий на пути к диверсификации и декарбонизации. Каждое правительство в Центральной Азии продолжает в той или иной степени выдавать разорительные для экономики субсидии на ископаемое топливо и энергию, используя при этом режимы налогообложения, которые не создают стимулов для формирования более устойчивой практики в добывающих секторах. В то же время неразвитые механизмы ценообразования на углерод и давние проблемы с некоторыми практиками, например штрафами за сжигание газа, дают основание предположить, что ряд правительств в Центральной Азии по-прежнему рассматривают свои углеводородный и добывающий секторы как источники максимизации ренты. Большинство из этих практик так или иначе сохраняются благодаря фискальной политике, нередко вразрез с обязательствами правительств по Парижскому соглашению. Период восстановления после пандемии может показаться не самым благоприятным моментом для фискальных реформ, которые рискуют уменьшить налоговую базу в краткосрочной перспективе, однако их проведение сейчас поможет задать вектор восстановления и развития, которые будут более устойчивыми и инклюзивными в долгосрочной перспективе.

Комплексная реформа в области мобилизации ресурсов с упором на налоговую политику может поддержать процесс восстановления и реформирования экономики в ближайшие годы. Отказ от неэффективных налоговых расходов, расширение налоговых баз и использование новых баз с целью снижения негативного воздействия налоговой структуры на рост должны стать приоритетами текущих налоговых реформ в Центральной Азии. Например, налоги на собственность, природная рента, потребительский и экологический налоги основываются на менее мобильных налоговых базах, что обеспечивает стабильность налоговой базы, и больше способствуют росту, чем налог на доходы физических лиц или на прибыль юридических лиц. Таким образом, увеличение доли этих налогов в структуре налогов поможет снизить налоги на предпринимательскую деятельность и инвестиции в человеческий капитал и таким образом поддержать рост без сокращения общего объема налоговых поступлений. Также можно рассмотреть возможность увеличения базы по НДС. Однако меры по расширению налоговой базы и увеличению зависимости от прямого налогообложения должны быть тщательно разработаны, чтобы гарантировать, что реформы не усугубят неравенство, с упором на прогрессивный эффект этих мер (OECD, 2018_[111]). Это подразумевает, среди прочего, пересмотр не только всех налогов в связке, но и структуры государственных расходов, особенно расходов на пособия по безработице,

инвалидности и другие пособия. Как показывают многочисленные материалы, разработанные ОЭСР, взаимодействие между налоговой системой и системой пособий может приводить к возникновению неожиданных стимулов для домохозяйств, нередко принимающих характер антистимулов, а также влиять на неравенство. Внимание должно быть сосредоточено не на прогрессивности или регрессивности какого-либо конкретного налога, а на влиянии налогово-бюджетной системы в целом на неравенство и стимулы.⁴

Несмотря на недавние попытки создать новые международные финансовые центры в Центральной Азии, в определенных научных и политических кругах сохранилось мнение о том, что данный регион стоит особняком от мировой финансовой системы (Heathershaw and Cooley, 2015^[112]). Тем не менее в некотором смысле развитие международного финансового центра «Астана» в Казахстане и недавние дискуссии о возможности создания аналогичного учреждения в Узбекистане лишь отражают то, что на протяжении многих лет является местной реальностью: экономики Центральной Азии глубоко связаны с глобальными финансами.

Это несет в себе риски занижения налогооблагаемой базы и выведения прибыли из-под налогообложения, с которыми сталкиваются многие страны – члены ОЭСР. Беглое знакомство с базой данных Phantom FDI, которая отслеживает потоки ПИИ, которые считаются «псевдоиностранными инвестициями», то есть доходы направляются через офшорную юрисдикцию с низкими налогами перед возвратом в страну-отправитель, – довольно информативно, поскольку все пять стран занимают в ней заметные позиции (Damgaard, Elkjaer and Johannesen, 2019^[113]). Экономика стран Центральной Азии по-прежнему подвержена оттоку капитала и особенно уязвима к его последствиям, поскольку оно сокращает и без того небольшие налоговые поступления и создает дополнительное бремя для налогового администрирования. Кроме того, такая практика может исказить правила игры между крупными традиционными фирмами и МСП и тем самым снизить динамику развития бизнеса (OECD, 2018^[111]). Таким образом, эффективные меры по борьбе с занижением налогооблагаемой базы и выведением прибыли из-под налогообложения, а также меры, призванные обеспечить целостность налоговой системы, должны стать неотъемлемой частью усилий по реформированию экономик Центральной Азии, направленных на улучшение деловой среды (OECD, 2021^[107]). Экономикам региона следует объединить усилия в сфере международного налогового сотрудничества и способствовать цифровизации налоговых систем и более широкому использованию международных стандартов и инструментов (таких как Инклюзивная структура ОЭСР/G20 по борьбе с занижением налогооблагаемой базы и выведением прибыли из-под налогообложения [BEPS]) для эффективного налогообложения трансграничной деятельности и офшорных активов.

Ключевые дальнейшие цели

Правительствам следует стремиться к укреплению рынков капитала и повышению устойчивости банковского сектора

Наличие более крепких рынков капитала имеет определяющее значение для развития частного сектора в Центральной Азии. До пандемии финансовые системы в регионе были достаточно стабильными (IMF, 2020^[105]). Тем не менее кризисы 2008 и 2014–2015 годов подорвали устойчивость уже существующих банковских секторов, которые и без того были все же недостаточно развиты. Отсутствие глубоких рынков капитала и хорошо развитой банковской системы тормозило развитие частного сектора. Ситуация была особенно острой в Казахстане, где

⁴ Подробная информация о модели налоговых льгот ОЭСР доступна здесь: <https://www.oecd.org/social/benefits-and-wages/>.

ликвидность тенге оставалась неудовлетворительной ввиду высокого уровня долларизации и жесткой денежно-кредитной политики Национального банка, а также значительной неразвитости местных денежных рынков (Preimanis and Shanshiashvili, 2017^[114]).

Последствия COVID-19 для региона и каждой отдельно взятой страны могут усугубить существующие проблемы и создать новые, связанные с предоставлением ликвидности и пруденциальным регулированием. Казахстан и Кыргызстан допустили ускорение роста потребительского кредитования в 2020 году за счет смягчения стандартов кредитования, включая субсидированное и целевое кредитование. Необходимость предоставления ликвидности домашним хозяйствам и предприятиям во время локдауна привела к дальнейшему ослаблению пруденциального регулирования почти во всех странах региона (OECD, 2020^[11]). Сочетание обеих тенденций может резко увеличить потребность банков в капитале, особенно в Казахстане, где четыре из 14 крупнейших банков уже заявляли о такой потребности в 2020 году (IMF, 2020^[105]). Кроме того, после пандемии объем просроченных кредитов (NPL), вероятно, увеличится во всем регионе, что еще больше ограничит ликвидность банков. Все это может стать препятствием для столь необходимого кредитования в период восстановления. Этот вопрос можно считать наиболее актуальным для Кыргызстана и Таджикистана, которые занимались его урегулированием и реструктуризацией еще до пандемии. Несмотря на то что в ноябре 2020 года объем NPL в Узбекистане утроился и достиг 4,5 %, финансовая система страны, по-видимому, достаточно капитализирована и сможет выдерживать потенциальные кредитные шоки. В Казахстане же объем NPL практически не изменился, однако может вырасти в обозримом будущем после отмены мер поддержки (IMF, 2021^[44]).

Пруденциальное управление государственным долгом будет иметь важное значение для достаточного финансирования реформ и частного сектора, необходимого для восстановления экономики

Из-за пандемии уровень долга в регионе резко вырос. Несмотря на то что до кризиса уровень задолженности в Центральной Азии считался в целом приемлемым, в среднесрочной перспективе ожидается рост объемов государственного долга, что ограничит бюджетные возможности и увеличит риск наступления долгового кризиса для некоторых стран. Таджикистан и особенно Кыргызстан подвержены высокому риску наступления долгового кризиса и в 2020 году воспользовались Инициативой G20 по приостановке обслуживания долга (DSSI) (OECD, 2020^[64]; Club de Paris, 2020^[115]; Club de Paris, 2020^[116]). Кроме того, Таджикистан и Кыргызстан запросили списание долга у Китая, своего крупнейшего кредитора (van der Key, 2020^[58]; China-Africa Research Initiative, 2021^[63]).

В настоящее время зависимость правительств от государственных банков рискует свести на нет финансирование частного сектора. Во всем регионе кризис усилил зависимость правительств от финансирования со стороны государственных банков. Это может привести к дальнейшему ограничению кредитов для частного сектора, особенно если темпы восстановления не будут соответствовать государственным планам. В среднем банки в Центральной Азии характеризуются более низкими коэффициентами ликвидности и более высокими ставками государственного кредитования, чем банки в большинстве стран – членов ОЭСР и стран с уровнем дохода выше среднего. В случае финансового стресса кредитование частного сектора может быть резко сокращено по мере увеличения кредитования правительств, поскольку суверенный заемщик воспринимается как заемщик с меньшим риском; в результате негативное влияние кризиса на частный сектор может возрасти из-за сокращения ликвидности и кредитования. Правительствам и центральным банкам необходимо будет защитить свои банковские секторы, чтобы избежать

неустойчивого роста давления на ликвидность, которое может привести к кредитному кризису. Например, некоторые центральные банки региона уже рассматривают возможность смягчения условий для домашних хозяйств и МСП. Если финансовое положение банков ухудшится, правительство могло бы стимулировать их признать убытки заранее и предоставить им дополнительное время для восстановления размера собственного капитала (IMF, 2021^[44]).

Совершенствование налоговой политики и администрирования может способствовать повышению финансовой устойчивости

Пересмотренная налоговая политика и более грамотное администрирование могут расширить налоговую базу в странах Центральной Азии и внести вклад в повышение финансовой устойчивости региона. Несмотря на ряд недавно прошедших реформ, налогообложение остается насущной проблемой в каждой из пяти стран. Последствия кризиса аналогичны для всей Центральной Азии, однако необходимые правовые и политические меры зависят от сложившейся в каждой стране ситуации и особенностей ее налоговых систем. В Кыргызстане, например, большое количество индивидуальных предпринимателей, которые платят налоги по более выгодной ставке, чем МСП, способствует высокому уровню экономической неформальности. Текущая налоговая политика может формировать препятствия для роста компаний. Во всем регионе политика в области уплаты НДС может непреднамеренно снижать заинтересованность коммерческих предприятий в формализации. Между тем крупные предприятия, в том числе международные инвесторы, постоянно жалуются на сложное и изменчивое налоговое администрирование (OECD, 2021^[107]).

Правительства могут приложить больше усилий для уменьшения масштабов размывания внутренних налоговых баз. Как и во многих других странах, размывание внутренней налоговой базы и выведение прибыли из-под налогообложения (BEPS) продолжает ослаблять финансовую стабильность и устойчивость государственных доходов в Центральной Азии. Поскольку страны региона стремятся увеличить объемы ПИИ для поддержки своего экономического развития, правительства могут рассмотреть возможность присоединения к Инклюзивной структуре ОЭСР/G20 по борьбе с BEPS⁵. В настоящее время участником этой инициативы является лишь Казахстан, поэтому у региона есть значительные возможности для развития межрегионального и внутрирегионального сотрудничества по вопросам уклонения от уплаты налогов, согласованности международных налоговых правил, повышения прозрачности и решения проблем, которые могут возникнуть в результате цифровизации.

Устранение правовых и политических барьеров на пути восстановления и развития частного сектора

Проблемы, с которыми правительства стран Центральной Азии сталкиваются во время пандемии, служат ярким напоминанием о важности реформ правовой и политической среды для развития частного сектора. Высокая зависимость региона от экспорта основных сырьевых товаров и дешевой рабочей силы в значительной степени отражает относительную слабость частного сектора Центральной Азии и его неспособность играть более важную роль в создании рабочих мест и экономическом росте.

⁵ См.

<https://www.oecd.org/tax/beps/about/#:~:text=The%20OECD%2FG20%20Inclusive%20Framework,needed%20to%20tackle%20tax%20avoidance.>

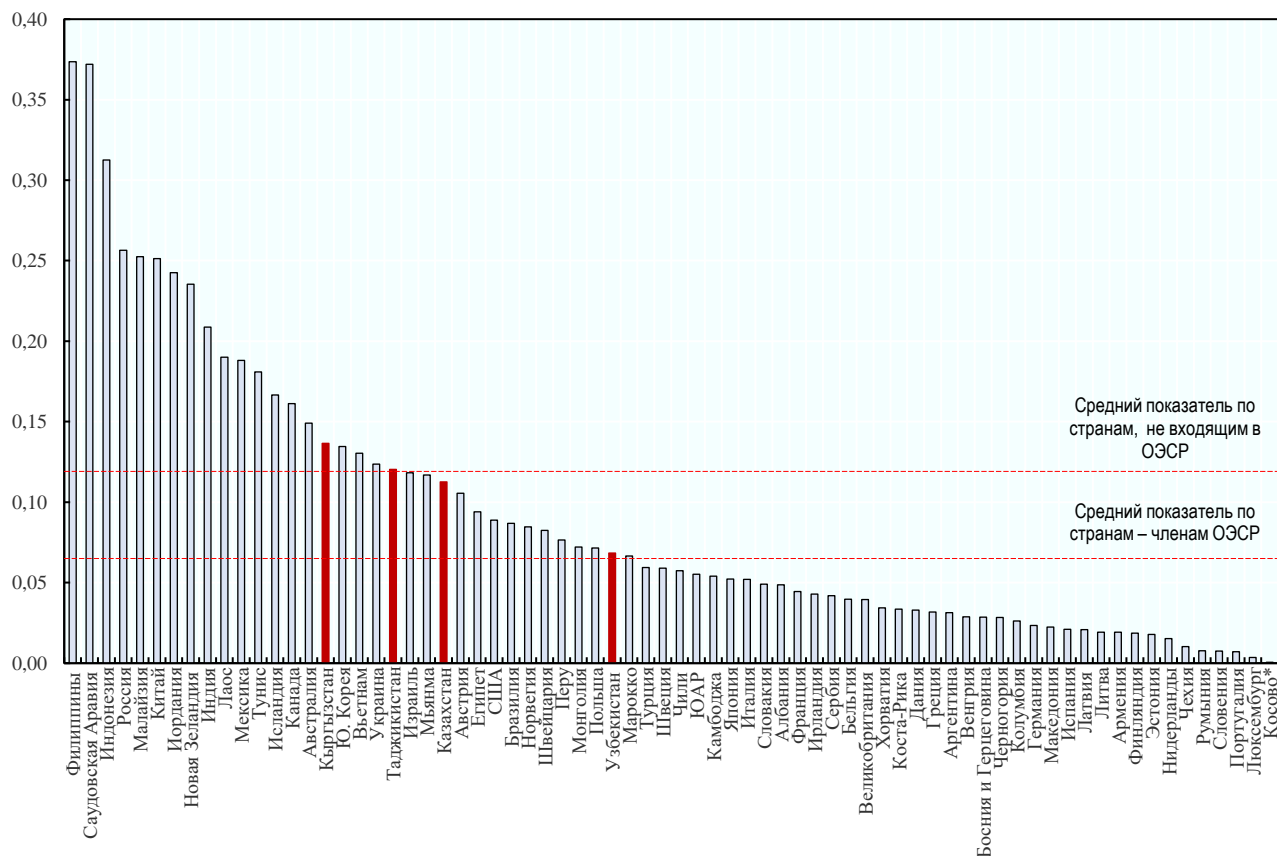
Улучшение рамочных условий для развития частного сектора будет иметь решающее значение для долгосрочного восстановления региона. Успех таких реформ важен для ряда государственных приоритетов, включая реализацию амбициозных программ в области цифровизации, создание новых транзитных коридоров для торговли, строительство новой устойчивой инфраструктуры, а также выполнение обязательств по декарбонизации, а также для усилий по стимулированию инноваций и созданию рабочих мест.

Достижения в области разработки правовой и политической базы для бизнеса в Центральной Азии

Правительства стран Центральной Азии разработали довольно прочную правовую базу для деловой и инвестиционной деятельности с некоторыми законодательными ограничениями на инвестиции. У каждой страны есть обширный свод законов о предпринимательской деятельности, охватывающий такие вопросы, как интеллектуальная собственность, лицензирование, разрешения и учреждение фирм. В последние годы правительства провели реформы с целью совершенствования некоторых аспектов своей законодательной базы и упростили процесс учреждения фирм, снизили стоимость и ослабили условия получения различных разрешений и лицензий, одновременно создав службы одного окна для предоставления услуг бизнесу со стороны государства. Значительный прогресс был достигнут в обеспечении законодательной открытости региона для иностранных инвестиций; в настоящее время экономика стран Центральной Азии близка к среднему показателю индекса регуляторных ограничений ПИИ для стран, не входящих в ОЭСР, который был разработан ОЭСР и измеряет степень открытости правительства к инвестициям (рисунок 21). На бумаге экономика региона открыта для бизнеса.

Рисунок 21. Индекс регуляторных ограничений ПИИ ОЭСР (за 2020 год)

Показатели экономики Центральной Азии близки к среднему показателю индекса регуляторных ограничений ПИИ для стран, входящих в ОЭСР.

Примечание: Туркменистан в индекс не включен. Данные расположены в диапазоне между 0 (открытая для ПИИ экономика) и 1 (закрывающая для ПИИ экономика).

* Такое наименование не противоречит позициям в отношении статуса и соответствует Резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций № 1244/1999 и консультативному заключению Международного Суда относительно провозглашения независимости Косово. В дальнейшем именуется «Косово».

Источник: (OECD, 2019^[117]).

Страны Центральной Азии также создали новые институты для поддержки бизнеса и инвестиционной деятельности. Большинство правительств в регионе учредили институт бизнес-омбудсмена для упрощения процесса разрешения споров, а также многие из них добились значительного прогресса в разработке и популяризации альтернативного разрешения споров и международного арбитража. Вместе с тем, признавая необходимость повышения согласованности политики и обеспечения ее соответствия реальным потребностям бизнеса, они закрепили в законе деятельность платформ для диалога между государственным и частным секторами (ДГЧС), в то время как советы иностранных инвесторов и бизнес-посреднические организации (БПО) представляют интересы и мнение фирм во многих секторах.

Тем не менее не все серьезные структурные проблемы были решены. Несмотря на все улучшения, в странах Центральной Азии по-прежнему отсутствуют определенные

фундаментальные компоненты рыночной экономики, включая открытую конкуренцию и надлежащее управление. Неудачи в реализации соответствующей политики и слабый государственный потенциал означают, что теоретически многообещающие реформы часто не могут изменить фактическую реальность деятельности экономических субъектов на местах (OECD, 2021_[107]). Государственное вмешательство в экономическую деятельность остается масштабным, ограничивая выход на рынки и развитие компаний, особенно в регулируемых секторах. Эти проблемы, оставленные без должного внимания, сводят на ноль перспективные усилия по реформированию.

Ключевые дальнейшие цели

Правительствам следует удвоить свои усилия по укреплению конкуренции и конкурентного нейтралитета

Слабая конкуренция ограничивает диверсификацию и привлечение новых инвестиций. Достижение достаточной степени диверсификации потребует появления новых компаний и секторов, а также новых видов деятельности внутри секторов. Их появление и развитие нельзя определить указом сверху; решающее значение имеет предпринимательство и открытые рынки. Строго регулируемые товарные рынки и антиконкурентное поведение существующих предприятий, особенно государственных, затрудняют выход на рынки и участие в конкуренции для новых игроков, а также снижают мотивацию к инновациям и инвестированию. Не менее важны стратегии, способствующие прекращению деятельности, поскольку содержание неэффективных предприятий удерживает ресурсы в менее продуктивных сферах и препятствует их более эффективному перераспределению.

Роль государственных предприятий в экономике стран Центральной Азии создает определенные препятствия для преодоления разрыва между деловой средой де-юре и де-факто. Неграмотное управление госпредприятиями не только снижает их конкурентоспособность и эффективность, но и искажает конкурентные условия для других предприятий. Крупные и непродуктивные госпредприятия, нередко пользующиеся многими регулятивными уступками, могут – и часто не упускают возможности – использовать свое ведущее положение на рынке, повышая цены и мешая другим компаниям инвестировать в новые виды деятельности и более качественные продукты. Многие секторы остаются под полным контролем государства и сохраняют вертикальную интеграцию, в то время как непрозрачность определения термина «ГП» в каждой стране затрудняет оценку их масштабов и эффективности, а также возможных улучшений в этом отношении. В то же время формы корпоративной структуры, задуманные как временные, например унитарные предприятия, никуда не исчезли и в последние годы даже получили распространение.

Применение в странах Центральной Азии индикаторов регулирования товарных рынков (PMR)⁶, разработанных ОЭСР и используемых для оценки нормативных барьеров на пути выхода компаний на рынок и участия в конкуренции в широком спектре ключевых областей политики, может дать лицам, ответственным за разработку политики, более четкое представление о препятствиях для конкуренции, существующих в их экономике. Индикаторы PMR обеспечивают глубинную оценку, основанную примерно на 1500 узкоспециализированных горизонтальных и отраслевых параметрах политики, охватывающих весь спектр экономической и регуляторной политики. В результате они дают надежную основу для разработки дорожных карт регуляторных реформ и, в частности, для

⁶ См. <https://www.oecd.org/economy/reform/indicators-of-product-market-regulation/>.

выявления так называемых «низко висящих плодов» – реформ, которые способны оказать значительное воздействие и которые можно осуществить легко и с наименьшими затратами.

Более эффективные механизмы разрешения споров станут ключом к повышению привлекательности экономик региона для ПИИ и развитию частного сектора

Если Центральная Азия хочет привлечь новые инвестиции и способствовать созданию отечественных компаний, надежность механизмов разрешения споров должна вырасти. Сложные и непредсказуемые нормативные требования вкупе со слабостью рассмотрения споров в судебном порядке и правоприменения могут не только сдерживать рост компаний и инвестиций, но и блокировать выход зарождающегося частного сектора из области неформальной экономики, поскольку в такой ситуации любое предприятие стремится свести взаимодействие с государственными учреждениями к минимуму. Улучшение правовой и институциональной среды, не сопровождающееся улучшением судебного разбирательства и ростом правоприменительной способности, также дает предприятиям возможность уклоняться от исполнения вполне законных нормативных требований и уплаты налогов. Модернизация судебных систем повышает процессуальную эффективность судов, но предприятия продолжают выражать озабоченность по поводу независимости судебной системы и исполнения судебных решений, в то время как использование механизмов альтернативного разрешения споров (АУС) остается ограниченным (OECD, 2021^[107]). Развитие таких форм АУС, как медиация, которые значительно более приемлемы для предприятий с экономической точки зрения и с большей вероятностью способны предотвратить катастрофическое ухудшение отношений между инвесторами и государством, могло бы значительно улучшить систему разрешения споров в Центральной Азии.

Правительства должны четко озвучивать цели приватизационных кампаний и следить за тем, чтобы используемые методы отражали эти цели

В большинстве стран Центральной Азии в настоящее время проводится та или иная приватизационная кампания, и процесс приватизации, по всей видимости, продолжится и в период восстановления после пандемии. Во многих случаях приватизация оправдана и экономически рациональна, особенно когда приватизированная компания действует в условиях реальной конкуренции и рыночной дисциплины. Государственная собственность на производственные предприятия может стать источником конфликта интересов, – особенно в случаях, когда государство играет роль и регулятора, и стороны, подчиняющейся решениям регулятора, – а также продвигать стремление к получению ренты через инсайдеров, ограничивая способность таких предприятий вносить значимый вклад в национальную экономику.

В то же время любые шаги на пути к приватизации должны быть тщательно продуманными, а правительства должны осознавать ограничения и практические реалии распоряжения государственными активами. Это особенно верно для небольших неликвидных государственных активов, которые после приватизации не приносят – и, скорее всего, не принесут – значимого дохода, особенно ввиду имеющихся опасений по поводу корпоративного управления и прав миноритарных акционеров. Такие акции все же стоит продать, поскольку управление активами, в сохранении которых государство не заинтересовано, может быть дорогостоящим. По этой причине правительства могут рассмотреть упрощенные процедуры продажи небольших неликвидных активов. В то же время пересмотренные основы корпоративного управления, если внедрять их последовательно и эффективно, могут повысить привлекательность таких акций для инвесторов.

Приватизация в секторах с ограниченной конкуренцией, особенно в секторах, не связанных с внешней торговлей, вряд ли принесет какие-либо экономические выгоды. Это особенно важно в некоторых секторах, не связанных с внешней торговлей, таких как электроэнергетика и коммунальные услуги, поскольку конкурентоспособность производителей такой продукции в немалой степени зависит от эффективности неторгуемых услуг, которыми они пользуются. Во многих случаях может потребоваться предприватизационная реструктуризация – например, выделение вертикально интегрированных госпредприятий в отдельные структуры, которое в настоящее время осуществляется в Узбекистане, – призванная гарантировать, что государственные монополии не просто перейдут в частную собственность, и разрешить разделение определенных видов деятельности, которые могут потребовать сохранения регулируемых государственных монополий. Корпоративная реструктуризация также важна, поскольку существующая корпоративная структура ГП может не подходить для рыночных условий; аналогичную осторожность следует проявлять в отношении переходных форм корпоративной структуры, таких как государственные унитарные предприятия, которые не склонны отказываться от неэффективных и расточительных методов ведения деятельности в ущерб государственным финансам и деловому климату. И, конечно же, крайне важно сформировать систему торгов, аукционов и т. п., в которой все участники будут иметь, по крайней мере, в теории, равные шансы на приобретение активов, а также обеспечить прозрачность и справедливость фактического процесса продажи. Практика адаптации приватизационных требований таким образом, чтобы создать наиболее благоприятные условия для определенных участников торгов, остается чересчур распространенной во всем регионе.

Большая регуляторная согласованность и внутрирегиональное сотрудничество помогут ускорить экономическую интеграцию, одновременно повысить привлекательность Центральной Азии в качестве направления для ПИИ

Для того чтобы компании региона, ориентированные на экспорт, могли полностью реализовать свой потенциал, необходимы более тесная согласованность нормативно-правовой базы и реформы, направленные на упрощение процедур торговли. Восстановление торговли и более широкое включение в глобальные цепочки создания ценности укрепят частный сектор и улучшат социальные, деловые и санитарные условия. Как отмечалось выше, страны Центральной Азии сильно зависят от внешней торговли, но при этом сталкиваются с определенными препятствиями на пути к интеграции в международную торговлю. Лица, ответственные за разработку политики, могут внести значительный вклад в устранение этих препятствий, поддерживая отечественных экспортеров, совершенствуя и согласовывая нормативные стандарты, а также укрепляя и развивая региональное сотрудничество, что может помочь снизить торговые издержки и предоставить возможности для налаживания связей. Индикаторы упрощения процедур торговли ОЭСР измеряют экономическую «толщину» границ – влияние экономической политики и управления на торговые издержки, в отличие от географических и инфраструктурных факторов, – и дают более полное представление о некоторых проблемах, с которыми сталкиваются предприятия, занимающиеся торговлей в Центральной Азии. В ряде областей показатели Центральной Азии в целом неплохи – выше, чем показатели в странах с доходом ниже среднего, однако регион все еще значительно отстает от среднего показателя по странам – членам ОЭСР (рисунок 22). Тот факт, что многие из наименее развитых в этом плане областей – например, сотрудничество на внешних границах, автоматизированные процессы и предварительные решения, – связаны с вопросами трансграничного сотрудничества, указывает на необходимость для лиц, ответственных за разработку политики в Центральной Азии,

координировать свои действия со своими соседями в целях дальнейшего упрощения процедур торговли.

Рисунок 22. Центральная Азия и индикаторы упрощения процедур торговли ОЭСР

Сложные таможенные процедуры и отсутствие согласованного регулирования являются ожидаемо высокой платой за «нематериальную инфраструктуру», которая отражается на инвестиционной привлекательности региона и деятельности предприятий, ориентированных на экспорт.

Примечание: индикаторы упрощения процедур торговли имеют значения от 0 до 2, где 2 соответствует максимальным достижимым результатам. Средние показатели по Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану. Показатели по Туркменистану не учитывались.

Источник: (OECD, 2019_[118]).

Цифровая трансформация

В Центральной Азии, как и в странах – членах ОЭСР, пандемия COVID-19 оказала серьезное влияние на работу коммерческих предприятий и правительств. Ограничения в отношении деятельности, осуществляемой человеком лично, дали новый импульс процессу цифровизации правительств и экономики, который на тот момент уже стартовал во всем регионе (OECD, 2020_[119]). Правительства стран Центральной Азии признают важность включения цифровизации в программы реформ в регионе. С 2018 года все пять государств Центральной Азии приняли комплексные национальные стратегии цифровизации, в которых признают преимущества этого процесса и его влияние на достижение других приоритетов в области долгосрочного развития.

Однако нерешенные вопросы, касающиеся как инфраструктуры, так и нормативной базы региона, рискуют ограничить эффективность усилий лиц, ответственных за разработку политики. Кроме того, весьма переменчивые возможности использования ИКТ-решений региональных компаний, работников и агентств государственного сектора создают барьеры на пути распространения

цифровых технологий со стороны спроса. Это неизбежно снижает эффективность и инклюзивность государственных программ цифровизации.

Достижения Центральной Азии в области цифровизации

Все правительства Центральной Азии приняли общегосударственные стратегии в области цифровизации, и лица, ответственные за разработку политики, рассматривают цифровую трансформацию как неотъемлемую часть долгосрочного экономического развития. Общегосударственные подходы поддерживают взаимодействие и защиту данных. Они также позволяют органам, ответственным за разработку политики, более грамотно расставлять приоритеты в отношении вмешательств, что приобретает особую важность в условиях ограниченного бюджета. С марта 2020 года Казахстан принял десять новых или пересмотренных законов об обмене данными и их защите и одиннадцать – о межведомственной координации. Кыргызская система «Тундук» приобрела широкую известность в качестве службы одного окна, предлагающей электронные услуги, но по своей сути это межведомственная система безопасного обмена данными и идентификации, основанная на передовой эстонской системе X-Road (Tunduk Electronic Interoperability Center, 2019^[120]). В прошлом году Туркменистан аналогичным образом заложил основу для будущего развития электронного правительства, приняв законы о межведомственном обмене данными и цифровой идентификации (State Information Agency of Turkmenistan, 2020^[121]; 2021^[122]). Эти усилия являются обнадеживающим признаком готовности правительства не только совершенствовать нормативно-правовую базу, необходимую для успешного предоставления цифровых услуг, но и устранять внутренние препятствия на пути ее реализации.

Правительства Центральной Азии начали увеличивать количество услуг, предоставляемых в цифровом виде, а некоторые из них создали службы одного окна для поддержки коммерческих предприятий и предпринимателей. Во время пандемии правительства опирались на цифровые наработки предыдущих лет. Кыргызстан и Узбекистан, например, использовали новые и существующие СОО для расширения спектра доступных электронных услуг (Blyum, 2020^[123]; Sulaimanova, 2020^[124]; OECD, 2020^[11]). Это позволило лицам, ответственным за разработку политики, сократить дублирование инициатив, характерное для цифровизации в регионе. В период кризиса были внедрены и новые инициативы, например новая частично автоматизированная система онлайн-правосудия («электронный суд») в Узбекистане и цифровые бухгалтерские услуги в Кыргызстане (Badalov, 2020^[125]; Uzbekistan State Information Agency, 2020^[126]; Kabar, 2020^[127]). Пандемия как таковая также стимулировала появление некоторых новых электронных услуг, таких как цифровой паспорт вакцинации в Казахстане и онлайн-реестры добровольцев в Кыргызстане (Tulesheva, 2021^[128]; Kabar, 2021^[129]). В каждом из этих случаев разработки и усовершенствования стали возможны благодаря наработкам в области регулирования в период до пандемии.

Несмотря на то что доступ к интернет-услугам и решениям в области ИКТ во всей Центральной Азии улучшился, государственная политика все еще не в состоянии оказывать преобразующее и справедливое влияние на государственный и частный секторы без определенного прогресса в этой области. Процент выходцев из Центральной Азии, которые в настоящее время пользуются интернетом, ниже среднемирового (60 %) для всех стран, кроме Казахстана (80 %) (Kemp, 2021^[101]). В Туркменистане и Таджикистане интернетом пользуется около трети населения, а в Кыргызстане и Узбекистане – половина. Каждая страна – член ОЭСР нацелена на минимальную скорость мобильного интернета на уровне 30 Мбит/с для 100 % домохозяйств, тогда как в 2019 году средний показатель по ОЭСР составлял чуть менее 80 Мбит/с; по состоянию на 2021 год самая высокая в регионе средняя скорость мобильной связи наблюдается в Казахстане

и Кыргызстане – около 20 Мбит/с. Средняя скорость в Таджикистане составляет 15 Мбит/с, а в Кыргызстане – 13 Мбит/с (данные по Туркменистану недоступны) (OECD, 2021^[130]; Kemp, 2021^[101]). В рамках обследования, проведенного ОЭСР, 59 % бизнес-ассоциаций в Центральной Азии заявили о том, что их члены столкнулись с трудностями в использовании цифровой инфраструктуры в период адаптации к пандемии. Эти проблемы стоят еще более остро в сельских районах и среди представителей социально незащищенных групп населения, что еще больше усугубляет существующее неравенство. Однако правительства стран Центральной Азии продолжают предпринимать шаги для улучшения ситуации, и повышение уровня использования интернета в Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане в последние пять лет шло более быстрыми темпами, чем в среднем по миру. Правительства Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана работают над расширением цифрового доступа, в том числе в сельской местности, в рамках новых и текущих программ и при помощи государственных инвестиций, среди которых стоит отметить 2,5 млрд долларов США, объявленные в Узбекистане в начале 2021 года (Kabar, 2020^[131]; The Tashkent Times, 2021^[132]; Lancaster, 2020^[133]).

Ключевые дальнейшие цели

Правительства должны разработать и представить детальные дорожные карты цифровой трансформации

Соответствующие стратегии должны сопровождаться дорожными картами, включающими четкое разграничение ответственности. Несмотря на то что общегосударственные стратегические документы являются важной отправной точкой, правительства должны обеспечить наличие детальных дорожных карт (что уже в значительной степени реализовано в Казахстане и Кыргызстане) и действовать оперативно для выявления нормативных или технических барьеров. Программы цифровизации могут коренным образом изменить работу правительств и бизнеса путем внедрения принципиально новых процессов, а не просто оцифрованных аналогов существующих. По этой причине правительствам следует также использовать цифровые инструменты для сбора данных и обратной связи от пользователей, что позволит им непрерывно совершенствоваться.

Лица, ответственные за разработку политики, должны проследить за тем, чтобы предоставление цифровых услуг отражало существующие краткосрочные проблемы инфраструктуры и ее поглощающую способность. Чтобы охватить население, не имеющее доступа к фиксированному интернету, и избежать обострения существующего неравенства, необходимо будет поставить перед собой долгосрочные цели, такие как образование и развитие инфраструктуры, и не пренебрегать быстрыми решениями, такими как развитие специальных навыков и разработка оптимизированных для мобильных устройств услуг. Например, во время пандемии Монголия запустила свою СОО на базе системы X-Road с мобильной версией, ведь мобильная инфраструктура здесь гораздо более развита, чем фиксированная (что справедливо в отношении всей постсоветской Центральной Азии). Это привело к тому, что в течение первых пяти месяцев ее использовали 35 % населения (Bedoui, 2021^[134]). Чтобы охватить сельское и недостаточно обслуживаемое население цифровыми услугами и обучением, потребуются также проактивные информационные кампании.

Скоординированный региональный подход к цифровизации может предложить значительные преимущества для внутрирегиональной интеграции и развития инфраструктуры. Доступность интернета и скорость соединения в странах, не имеющих выхода к морю, таких как страны Центральной Азии, зависят от простоты и стоимости выхода к океану через соседей, поскольку 99 % глобальных данных в интернете передаются по подводным кабелям (WEF, 2016^[135]). Таким образом, сотрудничество в рамках инфраструктурных проектов, таких как

трансграничные оптоволоконные маршруты, и обмен опытом и передовой практикой с соседями, вероятно, будут весьма продуктивны (UN ESCAP, 2017_[136]). Ценными платформами для них могут стать международные проекты и проекты, финансируемые донорами. К ним относятся инициативы в области ИКТ, реализуемые в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь», и региональная программа Всемирного банка Digital CASA, которая уже развернута в Кыргызстане (но еще не распределила большую часть своих средств) и вскоре будет реализована в Узбекистане и Таджикистане (World Bank, 2021_[137]; World Bank, 2021_[138]; World Bank, 2021_[139]; UN ESCAP, 2017_[136]).

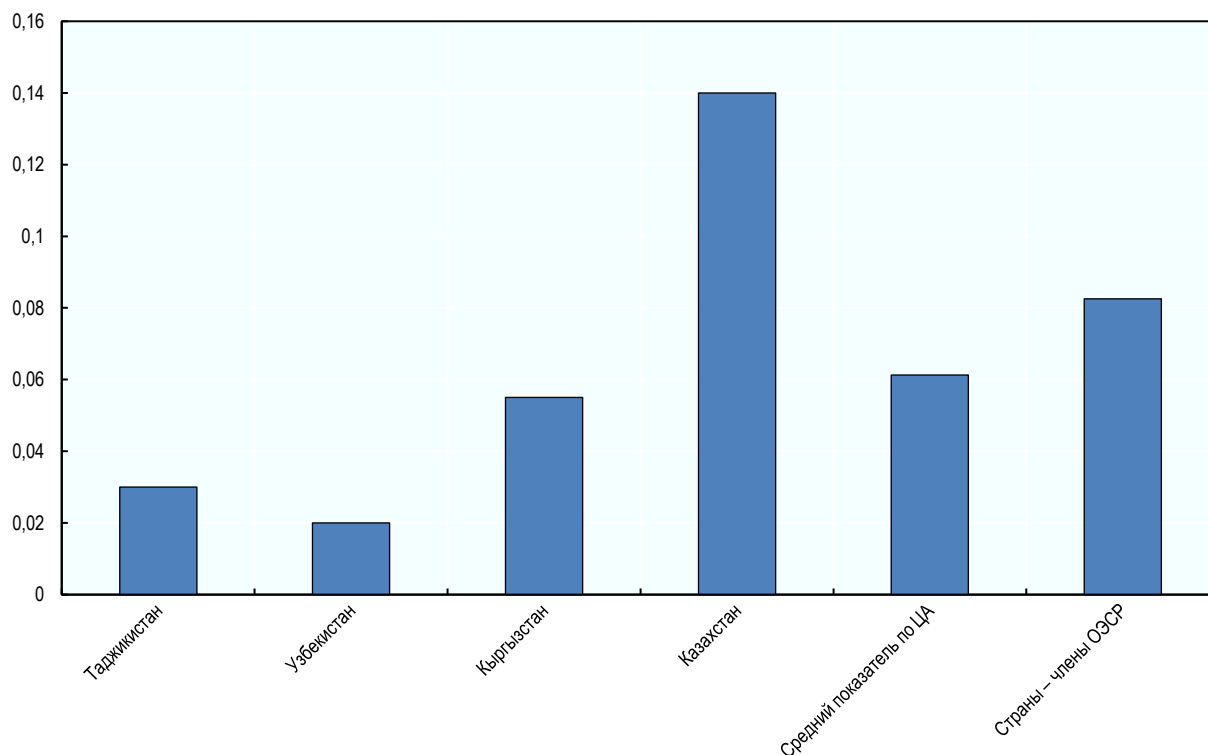
Лица, ответственные за разработку политики, должны устранить препятствия для частных инвестиций в цифровую трансформацию

Цифровое развитие региона нуждается в большем количестве инвестиций со стороны частного сектора. Крупные международные проекты, такие как инициатива Всемирного банка Digital CASA, могут существенно улучшить цифровую инфраструктуру региона, особенно в плане магистральных услуг, необходимых для обеспечения равного доступа во всех регионах. Однако их финансирование ограничено, и из бюджетов государств не могут быть выделены недостающие средства, особенно в условиях ограниченности ресурсов из-за пандемии. Следовательно, этот пробел должны восполнить частные инвестиции, причем в значительно больших объемах.

Страны Центральной Азии в целом отличаются относительно либеральными законодательными режимами в области телекоммуникаций (рисунок 23), однако масштабные инвестиции остаются недоступными. Частично это связано с несоответствием теории и практики, когда теоретическая свобода инвестирования ограничена сложными условиями деятельности предприятий на практике (OECD, 2021_[107]). Например, имел место ряд случаев, когда крупные международные телекоммуникационные компании уходили с рынков Центральной Азии из-за проблем, присущих деловой среде. Существуют также проблемы, связанные с конкретным сектором, и для них разработаны решения, призванные привлечь больший объем инвестиций. Отсутствие конкуренции и доступа к финансам являются серьезными препятствиями для инвестиций в ИКТ во всем регионе. В некоторых случаях серьезную проблему представляют собой неэффективные госпредприятия и вытеснение частных инвестиций, и частью ее решения может стать приватизация. В настоящее время Узбекистан рассматривает возможность приватизации 140 ГП в сфере ИКТ; в частности, правительство уже приняло решение приватизировать «Узбектелеком» (President of Uzbekistan, 2020_[140]; Gazeta.uz, 2019_[141]). Однако в некоторых случаях предоставление доступа к интернету является естественной монополией. Таким образом, в отсутствие полной приватизации правительства Центральной Азии могут рассмотреть возможность разделения массового покрытия по всей стране и коммерческих функций «последней мили».

Рисунок 23. Индекс регуляторных ограничений ПИИ ОЭСР (за 2020 год): связь

Из всех стран Центральной Азии, охваченных индексом регуляторных ограничений ПИИ, разработанным ОЭСР, лишь Казахстан смог достичь показателя законодательных ограничений ПИИ в секторе связи, превышающего средний уровень по странам – членам ОЭСР.

Примечание: данные расположены в диапазоне между 0 (открытая для ПИИ экономика) и 1 (закрытая для ПИИ экономика). Показатели по Туркменистану в индексе регуляторных ограничений ПИИ ОЭСР не учитывались. Источник: (OECD, 2019^[117]).

Несмотря на то что последнее в большей мере способствует конкуренции и больше подходит для частного сектора, оно будет эффективным только в том случае, если удастся устранить препятствия на пути к созданию равных условий деятельности, особенно в ряде ключевых вспомогательных услуг. Еще одним способом привлечения частных инвестиций и борьбы с естественными монополиями в области инфраструктуры является разработка программ совместного использования инфраструктуры. Они делают возможными частные инвестиции в рамках государственно-частных партнерств там, где в противном случае было бы невыгодно предоставлять интернет-услуги, путем дублирования существующей инфраструктуры (Bugunçius, 2021^[142]; OECD, 2021^[130]).

Развитие цифровых навыков имеет решающее значение для производительности компаний и инноваций

Чтобы предоставить компаниям возможность извлечь максимальную пользу из программы цифровизации в Центральной Азии, правительства должны облегчить доступ к обучению и образованию. Работникам и компаниям необходимо обладать определенными навыками, чтобы

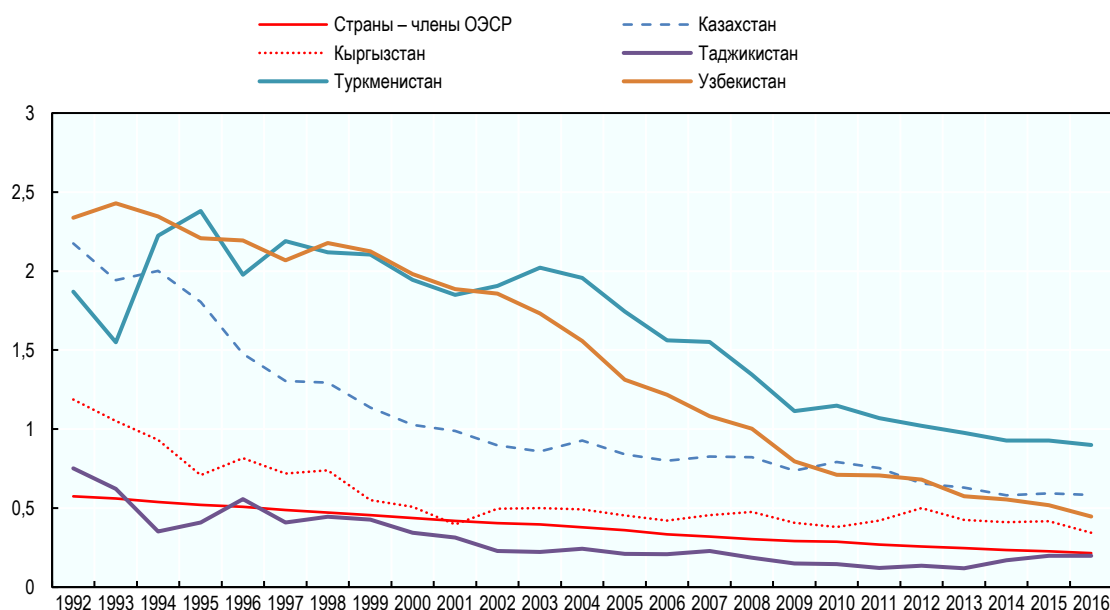
максимально эффективно использовать новые цифровые решения и видеть возможности для инноваций. В этом отношении развитие цифровых навыков на протяжении всей жизни и интеграция ИКТ в учебную программу должны стать центральным компонентом реформы образования как на начальном, так и на среднем уровне. Раннее начало цифрового образования также может внести важный вклад в повышение уровня гендерного равенства среди рабочих (UNDP Kyrgyz Republic, 2021^[143]). В настоящее время страны Центральной Азии значительно отстают от средних показателей по ОЭСР в области использования ИКТ в образовании. Например, около двух третей учащихся в странах – членах ОЭСР ежедневно используют интернет для учебы, в то время как аналогичным могут похвастаться лишь треть казахстанских учащихся (OECD, 2018^[144]). Правительства стран Центральной Азии знают об этой проблеме. Например, в 2020 году Кыргызстан объявил о своей приверженности как обучению цифровым навыкам, так и введению ИКТ в школах на протяжении всей учебной программы (Kabar, 2021^[145]; Sulaimanova, 2020^[146]).

Более насущным на данный момент является развитие навыков сотрудников и компаний, что должно стать ключевым элементом стратегий в области цифровизации. Во многих странах – членах ОЭСР бесплатное обучение взрослых доступно онлайн или даже в очном формате, реализуются локализованные программы, такие как латвийские тренинги по ИКТ на уровне местных сообществ (OECD, 2020^[119]; OECD, 2021^[130]). Обучение цифровым навыкам может проводиться на уровне предприятий не только для отдельных сотрудников, но и для МСП. Правительства могут рассмотреть вопрос о субсидировании образования в области ИКТ для МСП (примером могут служить системы ваучеров в Словении), прямом предложении УРБ, как это организовано в украинских сертифицированных центрах цифрового образования, финансируемых ЕС, или мотивации предприятий к получению цифровых УРБ путем активной поддержки «цифровых чемпионов», как, например, в Австралии (OECD, 2020^[119]; Uvarova, 2020^[147]; OECD, 2021^[130]). Это позволит частному сектору, особенно МСП, воспользоваться преимуществами цифровизации, которые включают повышение производительности, доступ к новым рынкам и – как ярко продемонстрировал прошедший год – устойчивость к кризисам.

Экологизация

Советское наследие пренебрежительного отношения к окружающей среде, высокого уровня энергоемкости и зависимости от сильно загрязняющих окружающую среду сельскохозяйственных, добывающих и промышленных секторов повлияло на способность экономик Центральной Азии перейти к более устойчивым экономическим моделям. Страны Центральной Азии уже начали ощущать последствия изменения климата для экономического развития. Уменьшение доступности воды, учащение стихийных бедствий и деградация земель, угрожающая сельскому хозяйству и продовольственному снабжению, – все эти проблемы больше не являются гипотетическими. Еще больше их усугубляет неграмотное управление окружающей средой.

Несмотря на то что с начала 1990-х годов углеродный след региона значительно сократился, экологические издержки роста остаются высокими. Наиболее актуальные данные говорят о том, что каждая страна Центральной Азии, за исключением Таджикистана, выбрасывает значительно больше CO₂ на каждый доллар ВВП по ППС, чем страны – члены ОЭСР в среднем (рисунок 24). Это связано с продолжающимся доминированием углеродоемких отраслей, таких как горнодобывающая промышленность и добыча углеводородов, а также отражает стареющую транспортную и энергетическую инфраструктуру региона и отсутствие политики, способствующей декарбонизации и росту энергоэффективности.

Рисунок 24. Килограммы CO₂, произведенные на каждый доллар ВВП по ППС

Источник: (World Bank, 2017_[100]).

Тот факт, что лица, ответственные за разработку политики в Центральной Азии, составляют графики краткосрочного и долгосрочного восстановления после пандемии, дает возможность поставить во главу угла политику, которая позволит правительствам эффективнее решать проблемы, связанные с климатом и окружающей средой. Правительства могут уделять больше внимания устойчивости и диверсификации, используя государственные инвестиции, международное сотрудничество и политическое вмешательство, которые создают стимулы для применения более экологических и устойчивых моделей роста.

Достижения в области популяризации экологизации

Экономика Центральной Азии остается углеродоемкой, однако правительства региона признали необходимость решения проблемы адаптации к изменению климата и декарбонизации роста. Значительная часть углеродного следа региона связана с производством энергии, но сколько-нибудь значимый переход к углеродно-нейтральной экономике (NZT) требует полной экономической трансформации. Ввиду всего вышеперечисленного отрадно видеть, что каждая из пяти центральноазиатских республик в ключевых стратегических документах взяла на себя обязательства провести ряд реформ в области зеленой экономики – от инфраструктуры и производства до экологизации МСП и энергетического сектора.

Таблица 2. Экологизация в национальных стратегиях развития Центральной Азии

Казахстан	Кыргызская Республика	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
В Национальной стратегии развития Казахстана, принятой в 2016 году, провозглашается безусловная цель добиться сокращения выбросов парниковых газов на 15 % по сравнению с 1990 годом к 31 декабря 2030 года. Страна также приняла Стратегический план развития на период до 2025 года, в котором обязуется прилагать дополнительные усилия к поощрению инвестиций в зеленую экономику и поддерживать зеленое финансирование. 12 декабря 2020 года Казахстан объявил цель достичь углеродной нейтральности к 2060 году в рамках усиленного национального плана по климату.	Принятая в 2018 году Национальная стратегия развития Кыргызской Республики предусматривает развитие производства электромобилей. Кроме того, концепция зеленой экономики «Кыргызстан – страна зеленой экономики», принятая в 2018 году, посвящена проблеме привлечения устойчивых ПИИ и развития гидроэлектростанций и других возобновляемых источников энергии.	Национальная стратегия развития Таджикистана, принятая в 2016 году, направлена на сокращение выбросов в нескольких секторах, таких как водное хозяйство, промышленность, энергетика и транспорт. Принятая в 2016 году Программа освоения возобновляемых источников энергии и строительства малых гидроэлектростанций предусматривает разработку стратегии увеличения производства электроэнергии, особенно в отдаленных высокогорных районах.	Национальная стратегия развития Туркменистана, принятая в 2016 году, ставит условную цель достичь нулевого роста выбросов парниковых газов и даже сократить их количество к 2030 году. Аналогичным образом Национальная стратегия борьбы с изменением климата предусматривает экономическую диверсификацию, в том числе за счет увеличения доли возобновляемых источников энергии, с упором на объекты производства энергии из числа МСП.	Национальная стратегия развития Узбекистана, принятая в 2018 году, предусматривает адаптацию нескольких секторов экономики к изменению климата. Кроме того, Стратегия перехода Республики Узбекистан к зеленой экономике предусматривает стабильный экономический рост с минимальными выбросами парниковых газов и введение экологически безопасных критериев для инвестиций.

Источник: ОЭСР, национальные правительства Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Все пять стран подписали и ратифицировали Парижское соглашение, однако объем обязательств по сокращению выбросов варьируется в зависимости от региона. Казахстан и Узбекистан – единственные страны, взявшие на себя обязательство достичь чистых нулевых выбросов ко второй половине столетия. В преддверии конференции COP26, которая пройдет в ноябре 2021 года, у стран Центральной Азии есть возможность увеличить свои амбиции и претворить свои намерения в жизнь, взяв на себя обязательство провести внутренние реформы, необходимые для перехода экономики к углеродной нейтральности.

Дальнейшие ключевые цели

Правительствам следует проследить за тем, чтобы декарбонизация проводилась в соответствии с четкими, тщательно разработанными дорожными картами

Долгосрочные стратегии низкоуглеродного развития (LT-LEDS) могут выступить в качестве ключевой дорожной карты процесса экологизации для экономик Центральной Азии. На сегодняшний день LT-LEDS для всей экономики разработал лишь Казахстан, а Узбекистан

разработал такую стратегию для своего энергетического сектора. Аналогичные стратегии в других странах Центральной Азии могут помочь лицам, ответственным за формирование политики, обеспечить скоординированный общегосударственный подход к экологизации и станут важной частью их дорожных карт по восстановлению после пандемии. Такие стратегии должны включать ряд ключевых элементов, таких как: (1) четкое видение и поддающиеся количественной оценке цели в области сокращения выбросов парниковых газов, а также качественные цели в области устойчивости и адаптации к изменению климата; (2) крепкая институциональная архитектура с надежной правовой базой и активным участием заинтересованных сторон, достичь чего, возможно, удастся путем придания стратегии юридического статуса, что сделает достижение целей в области сокращения выбросов обязательным; (3) общеэкономическая перспектива, а также разработка конкретных отраслевых планов для ключевых областей экономики; (4) достаточные ресурсы и системы мониторинга; и (5) преобразование стратегии в необходимые подзаконные акты, кодексы и другие инструменты политики.

Правительствам региона также рекомендуется расширять региональное сотрудничество по сквозным приоритетам. Приоритетные задачи включают декарбонизацию экономики и решение проблем в области водообеспечения. Необходимо будет улучшить взаимодействие между регионами в целях развития регионального обмена энергией и интеграции. Эти приоритеты потребуют от международных партнеров не только ведения регионального диалога, но также определенных достижений в области цифровизации и разработки политических/технических рекомендаций.

Ряд рычагов фискальной политики может помочь ускорить и укрепить экологизацию в Центральной Азии

Фискальная политика призвана сыграть значимую роль в содействии экологизации, а восстановление после пандемии дает возможность установить новые приоритеты в формировании такой политики. Фискальная политика сыграет значимую роль в экологизации в Центральной Азии. Она изменит вектор многолетних тенденций и будет способствовать инвестированию в новые устойчивые проекты.

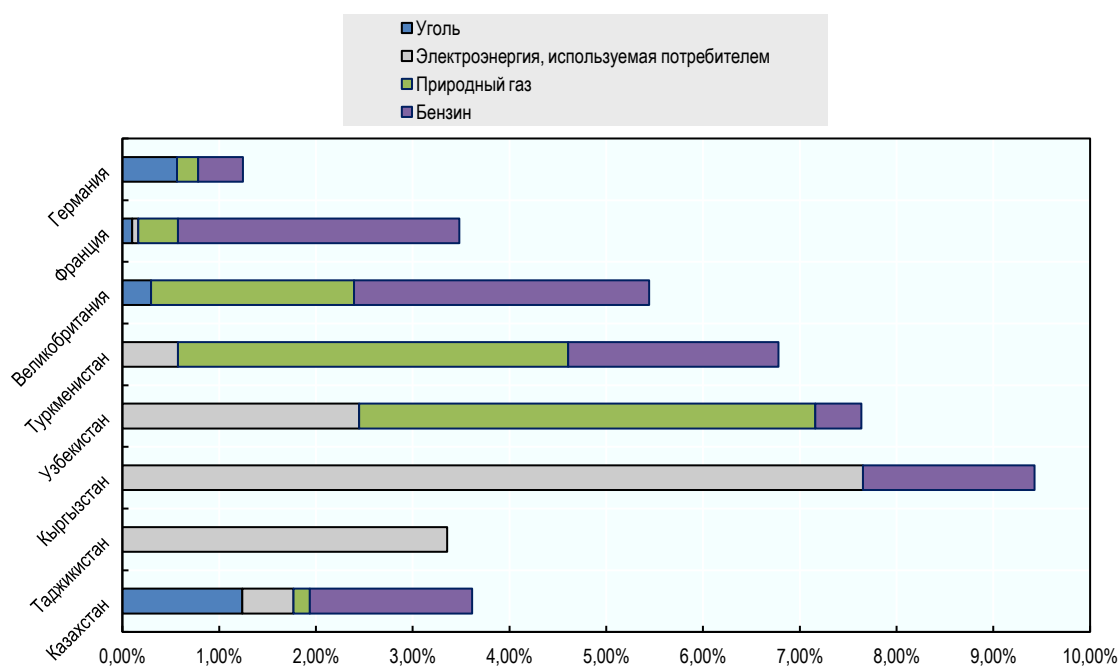
- **Ценообразование на углерод.** Если в странах – членах ОЭСР и G20 цены на выбросы углерода занижены, то в Центральной Азии они занижены значительно. В Казахстане, единственной стране в Центральной Азии, имеющей четкую политику ценообразования на углерод, средняя цена на допустимое количество выбросов в 2020 году составляла чуть более 1,00 доллара США за тонну, что значительно ниже целевой цены Парижского соглашения на 2020 год, равной 60,00 евро за тонну, и даже ниже 50,00 евро, принятых в ЕС в мае 2021 года. Если страны Центральной Азии хотят достичь своих целей в области сокращения выбросов, им придется увеличить свои целевые показатели ценообразования на углерод (или ввести соответствующие схемы, если их еще нет).
- **Субсидии на ископаемое топливо.** В Центральной Азии наблюдается обнадеживающая тенденция к снижению размера субсидий на ископаемое топливо, но абсолютные уровни остаются неприемлемо высокими. Выраженные в процентах от ВВП, энергетические субсидии в Центральной Азии больше, чем во многих странах G7 (рисунок 25). Реальные значения, скорее всего, намного выше ввиду особенностей методологического подхода ОЭСР/МЭА, который не учитывает определенные субсидии для производителей, такие как регулирование цен, которые широко применяются в ряде стран Центральной Азии. Управление постепенным отказом от таких субсидий может быть трудным с политической точки зрения; любую реформу нужно планировать заранее, а также учитывать ее распределительный эффект. Программа Украины по перенаправлению субсидий на

инвестиции в повышение энергоэффективности могла бы стать примером для некоторых правительств Центральной Азии.

- **Рационализация экологических платежей и других налоговых льгот.** Правительства должны тщательно оценивать влияние принятых экологических платежей, налогов и штрафов на решения компаний инвестировать в НИОКР, инновации и диверсификацию. В горнодобывающем секторе Казахстана, например, в рамках текущего налогового режима в качестве налоговой базы используются запасы полезных ископаемых страны, в отличие от более распространенного подхода, основанного на прибыли, который используется во многих странах – членах ОЭСР. В результате возникает риск того, что крупные инвесторы воздержатся от вложений в добычу и переработку, не говоря уже о НИОКР в области низкоуглеродных технологий добычи.

Рисунок 25. Энергетические субсидии в Центральной Азии (% ВВП)

Центральная Азия продолжает субсидировать потребление ископаемого топлива.

Источник: (OECD & IISD, 2021^[148]).

Правительствам следует поддерживать инвестиции в инфраструктуру, которые помогут региону достичь поставленных целей в области сокращения выбросов

Снижение влияния развития инфраструктуры на окружающую среду является важным компонентом любого пути, соответствующего Парижскому соглашению и целям в области устойчивого развития. Инфраструктура поддерживает долгосрочное экономическое развитие, но также отвечает примерно за 60 % выбросов парниковых газов в мире (OECD/World Bank/UN Environment, 2018^[149]). Центральная Азия имеет дело со значительным дефицитом инвестиций в инфраструктуру, и период после кризиса, вызванного COVID-19, даст возможность восполнить этот пробел в рамках устойчивого восстановления. Существующие цели в области инфраструктуры могут быть включены в планы восстановления после COVID-19, которые предусматривают приоритет государственных инвестиций и привлечение ПИИ в проекты в области устойчивой, низкоуглеродной и устойчивой к изменению климата инфраструктуры. Принятые сегодня инвестиционные решения могут помочь странам-получателям занять более уверенные позиции на пути к углеродоемкому развитию, в то время как более экологичные решения, принятые сейчас, могут помочь решить тройную задачу – устранение разрыва в инфраструктуре, стимулирование устойчивого восстановления экономики и достижение долгосрочных целей в области климата и развития.

Обеспечение того, чтобы работники Центральной Азии извлекли выгоду из экологизации, требует масштабных инвестиций в навыки, соответствующие будущим потребностям отрасли

Как и в других областях диверсификации, более высокие уровни инвестиций в секторы, поддерживающие экологизацию, потребуют соответствующей политики в отношении рынка труда и повышения квалификации. Правительствам следует поддерживать возможность разностороннего использования навыков, необходимых для создания (потенциальных) зеленых рабочих мест, и навыков, используемых в традиционных углеродоемких секторах. В этом отношении обретают особую важность вопросы, касающиеся согласования национальных стандартов в области квалификации и профессиональной деятельности, сертификации навыков и мероприятий по переподготовке на рабочем месте. Важное значение имеют также институты и политика рынка труда, которые помогают уволенным работникам избежать длительной безработицы (показательным здесь является пример работников угольной и горнодобывающей промышленности во многих странах – членах ОЭСР). Тем не менее правительства должны также признать, что переход к углеродно-нейтральной экономике потребует ускоренных инноваций, и предпринять шаги для их поощрения и поддержки с помощью более общей инновационной политики и образования в области науки и технологий. Согласование политики в области образования, навыков и науки с будущими потребностями отрасли и создание стимулов для НИОКР в области низкоуглеродных технологий являются важными мерами, равно как и дальнейшая поддержка коммерциализации государственных исследований.

Глава 3. Использование услуг БПО для поддержки восстановления и развития бизнеса

Введение

Несмотря на то что многие ограничения деловой активности на протяжении всей пандемии были следствием вмешательства на благо общественного здравоохранения, они осложнили и без того непростую деловую среду в Центральной Азии, в частности ухудшили условия деятельности малых и средних предприятий. Таким образом, пандемия продемонстрировала важность учета голоса частного сектора при разработке политики и подчеркнула необходимость укрепления роли и расширения компетенций органов, обеспечивающих эффективное функционирование платформ, через которые ведется диалог между государственным и частным секторами, для более весомого влияния на политику.

В Центральной Азии БПО исторически являются одними из основных действующих лиц, оказывавших поддержку частному сектору, особенно МСП, и представлявших его интересы, играя роль как поставщиков услуг, так и посредников между политиками и частным сектором⁷. Исследования, проведенные в других регионах, показывают, что во время кризиса, вызванного COVID-19, эти — по сути, стандартные — функции БПО приобрели особое значение (Russo, 2020[150]). Таким образом, данная глава посвящена анализу практических примеров реакции БПО Центральной Азии на пандемию, который может стать источником ценных сведений не только о том, как управлять воздействием политических мер на частный сектор в моменты кризиса, но и о том, как улучшить диалог между государственным и частным секторами в целом.

Эта глава полностью основана на информации из обследования бизнес-ассоциаций региона, проведенного ОЭСР (вставка 2), а также на результатах проекта, осуществленного в рамках программы ЕС «Центральная Азия Инвест» (ЦАИ) (вставка 4). В начале речь пойдет о том, какую именно поддержку БПО в Центральной Азии предлагали предприятиям до и во время пандемии, после чего обсуждение концентрируется на вопросах о том, каким образом можно расширять деятельность БПО в качестве инструмента развития частного сектора.

⁷ К БПО относятся ряд организаций, в том числе торговые палаты, регулирующие органы, содействующие торговле, промышленные и профессиональные ассоциации, федерации или агентства работодателей или отраслевые агентства, работающие с МСП.

Вставка 2. Обследование бизнес-ассоциаций в Центральной Азии

ОЭСР получила 18 ответов на анонимное обследование БПО в Центральной Азии. Среди респондентов – семь БПО в Казахстане, пять – в Таджикистане, три – в Узбекистане и два – в Кыргызстане; у одного есть филиалы во многих странах. Двенадцать являются отраслевыми ассоциациями в таких разнообразных областях, как туризм, сточные воды и микрофинансирование. Полномочия других, таких как торговые палаты и союзы предпринимателей, более широки.

Организации представляют широкий спектр больших и малых БПО, количество членов в которых составляет от пяти до нескольких тысяч, в среднем 48. Большинство обслуживают МСП, не являющиеся экспортерами, но членами некоторых из них в основном являются крупные корпорации. Например, одна БПО представляет 3000 малых предприятий со средним числом сотрудников от 2 до 5 и годовым оборотом в 4800 долларов США, из которых лишь 10 % являются экспортерами. На другом конце спектра другая ассоциация представляет интересы 20 крупных членов, у каждого из которых более 1000 сотрудников; половина из них – экспортеры. Члены некоторых БПО относятся к обеим группам; иногда используются разные категории членства в зависимости от размера предприятий.

Роль БПО в развитии частного сектора

С момента обретения независимости БПО играют важную роль в деятельности коммерческих предприятий

Советские профсоюзы были крупнейшими организациями в СССР, не относившимися к коммунистической партии. Они представляли интересы людей практически всех профессий и действовали скорее как классические профсоюзы, чем как бизнес-ассоциации, хотя выполняли обе функции. На самом деле их основные функции заключались в том, чтобы действовать как «приводные ремни» и передавать директивы партии и правительства, а их возможности в вопросах оспаривания управленческих решений или противодействия злоупотреблениям служебным положением были ограничены (Butt, 1978_[151]).⁸ Наравне с ними в СССР работали и торгово-промышленные палаты (ТПП), которые в первую очередь были сосредоточены на содействии экспорту, но были относительно слабыми, поскольку экспортная деятельность в советской системе в целом не приветствовалась (Kossev and Tompson, 2020_[152]). Они стали более активными в последние годы советского периода и обеспечили институциональную основу для дальнейшего развития экономики по мере развертывания рыночного перехода.

Нынешние ТПП Кыргызстана и Таджикистана основаны на советских филиалах ТПП в этих республиках, но они расширили свою сферу деятельности и включили в нее более общее развитие частного сектора (Chamber of Commerce and Industry of the Kyrgyz Republic, 2021_[153]; Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, 2020_[154]). Деятельность и профессиональных союзов, и ТПП в советское время носила централизованный характер и находилась под контролем государства; членство в них было обязательным. Основные торговые палаты Центральной Азии, несмотря на их заявления о том, что они являются неправительственными организациями, по-прежнему получают финансирование от государства и учреждаются в соответствии с национальными законами; членство в них чаще всего является обязательным – совсем как в СССР.

⁸ Тем не менее профсоюзы иногда играли важную роль в повседневной жизни рабочих, поскольку выполняли многие социальные функции, такие как предоставление путевок в санатории, организация спортивных клубов и т. п.

Таким образом, оценить независимость ТПП иногда непросто. Критики выражают озабоченность по поводу того, что некоторые из таких институтов представляют интересы конкретных компаний или слишком тесно связаны с правительством, вместо того чтобы защищать интересы всех своих членов (Usmanov and Naidenova, 2019^[155]).

Современные неправительственные БПО, в том числе отраслевые, начали появляться после распада Советского Союза на волне рыночных реформ. Вынужденные вести деятельность в неблагоприятной деловой среде, коммерческие предприятия региона были заинтересованы в объединении усилий (Duvanova, 2013^[156]). Таким образом, БПО естественным образом возникли как голос частного сектора и стали поставщиком услуг, заполнившим пустую нишу в переходный период. Они помогли снизить операционные издержки, облегчили доступ к рынкам и предоставили торговую информацию по всем секторам. Во многих случаях БПО были движущей силой посткоммунистических реформ (CIPE, 2008^[157]).

Вставка 3. Обзор структуры БПО в Центральной Азии

- Международные бизнес-ассоциации, такие как Европейская бизнес-ассоциация (ЕВА), Американская торговая палата (AmCham), Немецкая внешнеторговая палата (АНК) и другие, оказывают поддержку предприятиям по всему региону, уделяя основное внимание иностранным инвесторам и экспортирующим местным предприятиям.
- В Казахстане бизнес-ассоциации участвовали в работе авторитетных консультативных органов при поддержке со стороны исполнительной власти в переходный период, однако эта практика была свернута в конце 1990-х годов, когда государственная поддержка сократилась. Основной бизнес-ассоциацией, которая аккредитует независимые БПО (их 186) и членство в которой является обязательным для всех частных компаний, является Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен», созданная в 2013 году с участием государства (National Chamber of Entrepreneurs "Atameken", 2021^[158]). Теперь в ней также работает национальный бизнес-омбудсмен (Usmanov and Naidenova, 2019^[155]).
- По оценкам, 16–20 % всех предприятий в Кыргызстане участвуют в БПО, профсоюзах и организациях работодателей (Holzhacker and Skalkova, 2019^[159]).
- В Таджикистане правительство обязалось поддерживать развитие ассоциаций предпринимателей в рамках двух крупных политических документов: Программы государственной поддержки предпринимательства на 2012–2020 годы и Программы среднесрочного экономического развития на 2016–2020 годы (ПСЭР). В стране насчитывается около 140 БПО (Usmanov and Naidenova, 2019^[155]).
- В Туркменистане действуют две крупные государственные БПО: ТПП и Союз промышленников и предпринимателей (23 900 членов); союз в настоящее время создает множество дочерних отраслевых ассоциаций (Union of Industrialists and Entrepreneurs of Turkmenistan, 2021^[160]). Кроме того, существует несколько независимых БПО, таких как ассоциация «Туркмен Логистика» и Союз предпринимателей, спонсируемый правительством США (Turkmen Logistics Association, 2021^[161]; Union of Entrepreneurs of Turkmenistan, 2021^[162]).
- ТПП Узбекистана официально является НПО, но учреждена законом, и членство в ней является обязательным для крупного бизнеса (оставаясь добровольным для малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей) с 2018 года (Republic of Uzbekistan, 2018^[163]). Поскольку в деловой среде Узбекистана преобладают малые предприятия (54 % ВВП по сравнению с 31 % в Казахстане) (Finprom, 2021^[164]), в настоящее время членами Палаты являются лишь 3,1 % всех предприятий (Ayubova, 2020^[165]). Также деятельность ведут ряд отраслевых ассоциаций.

БПО как поставщики услуг для своих членов

Многие бизнес-ассоциации завоевывают популярность и доверие новых членов, предоставляя различные услуги и льготы, такие как юридические и технические консультации, помощь в поиске новых деловых партнеров или в составлении бизнес-планов, консультации в области маркетинга и профессиональное обучение. До пандемии подавляющее большинство обследованных БПО занимались развитием бизнеса и предоставлением образовательных услуг (88 и 81 % соответственно). Например, Торгово-промышленная палата Кыргызстана предлагает учебные курсы с учетом пожеланий своих членов, например, обучает их тонкостям подачи налоговой декларации (OECD, 2020_[166]). Примеры образовательных услуг, предоставляемых обследованными БПО, включают выдачу сертификатов выпускникам учебных заведений, проведение экспертного анализа образовательных программ колледжей, а также публикацию технических журналов, периодических изданий и материалов конференций. Большинство из них разрабатывают технические стандарты (69 %). Членство в одной или нескольких бизнес-ассоциациях может также оказать положительное влияние на использование услуг по развитию бизнеса (УРБ), предлагаемых частными компаниями, поскольку позволит большему количеству предприятий узнать о них и обратиться к поставщикам УРБ. Обследование 250 кыргызских предприятий, проведенное ОЭСР, показало, что 15 % из них ранее обращались за УРБ через бизнес-ассоциации; 83 % из них остались удовлетворены результатами (OECD, 2020_[166]).

БПО как голос частного сектора

Согласно обследованию ОЭСР, респонденты из числа БПО считают ДГЧС важным механизмом поддержки частного сектора, при этом 81 % из них использовали такие платформы до пандемии. В рамках сбора информации о том, как политика влияет на их членов, большинство обследованных БПО проводят ежегодные опросы (65 %), настраивают электронные каналы для компаний, позволяющие тем озвучить имеющиеся у них претензии, и проводят регулярные встречи с представителями конкретных секторов или бизнеса в целом (OECD, 2020_[166]).

Проанализировав обратную связь от своих членов, БПО взаимодействуют с правительством от их имени. Например, Торговая палата Кыргызстана ежегодно проводит встречу с Министерством экономического развития, посвященную потребностям и проблемам бизнеса. ДГЧС может быть эффективным механизмом совершенствования политики в Центральной Азии. Например, в 2015 году общество GIZ поддержало процесс наращивания потенциала БПО в Таджикистане, что позволило им стать участниками недавно разработанных платформ ДГЧС, что в свою очередь привело к разработке и реализации ряда реформ; так, например, правительство приняло план действий, разработанный рабочей группой по туризму, который позволил устранить некоторые административные барьеры (Kosymova and Abdujabborov, 2015_[167]).

В то же время обследование, проведенное ОЭСР, показало, что БПО обеспокоены степенью своего участия в разработке политики и влияния на нее. У некоторых недостаточно денег или времени для взаимодействия с лицами, ответственными за разработку политики, другие отмечают монополию некоторых более крупных БПО на взаимодействие с правительством, что не дает малым БПО возможности быть услышанными. Тем не менее многие небольшие отраслевые ассоциации, например одна кыргызская ассоциация, в которой всего два сотрудника и 48 членов, ежеквартально участвуют в работе различных платформ ДГЧС, таких как консультативные советы и правительственные рабочие группы (OECD survey, 2021).

Вставка 4. БПО Шри-Ланки успешно лоббировали преобразование местной деловой среды

В 2005–2006 гг. местные БПО и правительства Шри-Ланки прилагали немало усилий по налаживанию взаимодействия. В рамках программы MOT в сотрудничестве с местными отделениями Торговой палаты проводились Дни политики в области МСП. Эти мероприятия давали владельцам микро- и малых предприятий возможность поделиться своим опытом с органами, ответственными за разработку политики, для чего им в рамках программы была предварительно предложена поддержка и обучение в рабочих группах. Эти усилия сопровождалось проведением обследований на местном уровне.

В рамках подхода, ориентированного на местные конкурентные преимущества (подход LOCA), в каждой области были проведены форумы с участием представителей МСБ и правительства. Некоторые из них привели к немедленным изменениям в политике, тогда как другие побудили МСП создавать новые БПО. Тем не менее программа пришла к выводу о необходимости дополнительных усилий в области стимулирования МСП к участию в ДГЧС.

Источник: (Дусе, 2006^[168]).

БПО также нацелены на защиту прав бизнеса, что немаловажно в таком регионе, как Центральная Азия, где практика часто отличается от законодательной и нормативной базы для деятельности бизнеса и инвесторов, существующей де-юре (OECD, 2021^[107]). Стремясь разрешить отраслевые конфликты внутри страны, торговые палаты в Узбекистане и Казахстане создали институт бизнес-омбудсменов, а Палата Кыргызстана является тесным партнером офиса омбудсмена (Business Ombudsman Institute, 2021^[169]). Однако Палаты не единственные БПО, защищающие права бизнеса; в докризисные времена этим занимались 69 % обследованных БПО.

Вставка 5. Профсоюзы в период пандемии

Консультативный комитет профсоюзов (TUAC) при ОЭСР внимательно следил за деятельностью профсоюзов различных стран во время пандемии. Профсоюзы – важный партнер БПО; первые представляют интересы рабочих, а вторые – интересы предприятий. Несмотря на то что иногда их интересы не совпадают, целью организаций обоих типов всегда является здоровая экономика. Многие ответные меры профсоюзов совпадают с ответными мерами БПО, хотя и в отношении разной аудитории:

- информационная работа, часто в виде формулирования предложений и требований к правительству относительно защиты интересов рабочих, в том числе безработных (все страны);
- написание руководства по борьбе с распространением вируса на рабочих местах в сотрудничестве с правительственными чиновниками (Бельгия);
- проведение исследований в области воздействия пандемии (Нидерланды);
- сотрудничество с БПО в рамках разработки соглашений о том, как следует работать во время пандемии (Исландия, Израиль), или также в трехстороннем формате с участием правительства (Испания);
- распространение информации об этичном и неэтичном поведении работодателей во время пандемии с целью осудить тех, кто плохо обращается со своими работниками, и предоставить модель для принятия правильных решений (Австралия);
- открытие горячей линии для консультирования общественности по таким вопросам, связанным с работой, как краткосрочная занятость (Австрия);
- сбор средств и внесение собственных средств для поддержки деятельности (Италия, Великобритания).

Когда такие возможности доступны, сотрудничество с профсоюзами может стать эффективным инструментом обеспечения здорового восстановления после пандемии и, возможно, повышения результативности проводимых мероприятий, например более масштабных обследований или совместных политических заявлений.

Источник: (TUAC, 2020^[170]).

Пандемия помешала БПО в Центральной Азии оказывать поддержку их членам и представлять их интересы

Бизнес-ассоциации, как и их члены, на пути своего развития сталкиваются с определенными проблемами, как внешними (постановления правительства, пандемия), так и внутренними (низкий потенциал, нехватка специализированного персонала и финансирования, неблагоприятная структура членства).

Еще до кризиса среди препятствий для расширения деятельности 70 % обследованных БПО называли ограниченность бюджета. Почти все обследованные БПО зависят от членских взносов, которые являются *основным* источником средств для половины БПО. Остальные посредники в

основном полагаются на гранты от сообщества по вопросам развития, предоставляемые им ввиду того, что БПО определяют векторы развития частного сектора. За последнее десятилетие БПО в Центральной Азии получили значительную поддержку – как финансовую, так и административную – со стороны сообщества по вопросам развития, включая Центр международного частного предпринимательства и программу ЕС «Центральная Азия Инвест» (вставка 6) (CIPE, 2021^[171]; EU Delegation to Kazakhstan, 2021^[172]). Это, пожалуй, объясняет столь долгий срок деятельности многих БПО (средний показатель по обследованным БПО составляет 15 лет) и их институционализацию в Центральной Азии, несмотря на серьезные финансовые проблемы.

Вставка 6. Вклад программы ЕС «Центральная Азия Инвест» в развитие БПО

Программа ЕС «Центральная Азия Инвест», запущенная в 2007 году, направлена на поддержку ММСП путем усиления роли и компетенций БПО, расширения их возможностей в области оказания помощи ММСП и повышения влияния на разработку благоприятствующей им политики.

В рамках программы совместными усилиями БПО из стран – членов ЕС и из Центральной Азии был реализован 41 проект на общую сумму 26,2 миллиона евро. Более 60 БПО расширили свои компетенции в области поддержки ММСП, внося тем самым свой вклад в улучшение делового климата и развитие региональной интеграции. Кроме того:

- более 800 БПО воспользовались мероприятиями в рамках ЦАИ и усовершенствовали свои услуги в адрес МСП;
- более 38 000 МСП прошли обучение, получили помощь в наращивании потенциала и т. д.;
- открыто около 20 офисов информирования, обучения, поддержки и налаживания взаимодействия;
- создано более 15 новых бизнес-ассоциаций;
- 15 МСП или сотрудников МСП и БПО получили международные сертификаты;
- более 100 бенефициаров получили национальные сертификаты (туристическое размещение и т. д.);
- организовано около 20 ознакомительных поездок;
- бенефициары приняли участие в международных мероприятиях, включая всемирную выставку «ЭКСПО – 2015» в Милане и «Международную туристическую биржу в Берлине» (ITB) – крупнейшую в мире туристскую ярмарку.

В 2020 году в рамках программы получили финансирование семь новых проектов, реализация которых позволила частным субъектам получить расширенный доступ к финансам, а также дала молодым людям и соискателям работы возможность развить свои предпринимательские навыки, раскрыла деловой потенциал недостаточно используемых секторов, таких как туризм, способствовала внедрению экологических решений на всем протяжении цепочек создания ценности в более традиционных секторах и внесла свой вклад в процесс цифровизации экономики.

Результаты проектов, нашедшие отражение в нескольких информационных бюллетенях в 2020 году, стали основой для этого отчета.

Источник: (EU, 2020^[173]).

Существовавшие до кризиса финансовые проблемы усугубились во время пандемии: 59 % опрошенных БПО сообщили о проблемах с финансированием. Одна из БПО отметила, что

поддержка сообщества по вопросам развития осталась без изменений, что помогает удержаться на плаву тем из них, кто зависит от грантового финансирования. В то же время зависимость большинства респондентов БПО от членских взносов означает, что в ситуациях, когда частный сектор несет финансовые потери, БПО тоже страдает. Многие предварительно оплаченные мероприятия, проведение которых планировалось в офлайн-формате, пришлось отменить, что также сказалось на доходах БПО. Особенно пострадал сектор туризма, что побудило некоторых участников финансируемой ЕС инициативы по развитию туризма на основе сообществ на Шелковом пути перенести свою деятельность в более стабильные секторы. В итоге ни одна опрошенная БПО не смогла оказать финансовую поддержку участникам во время пандемии. Некоторым пришлось сократить заработную плату работников, а объем услуг упал ниже уровня, предшествовавшего пандемии.

Ограниченность бюджета напрямую влияет на способность БПО оказывать поддержку их членам. Как отметили несколько респондентов, с нехваткой квалифицированного персонала и тренеров сталкиваются 41 % обследованных БПО; отчасти эта проблема объясняется неспособностью НПО выплачивать достаточную для привлечения лучших кадров заработную плату. Обусловленное этими факторами снижение качества и количества оказываемых услуг может затруднить для БПО повышение заинтересованности в их деятельности среди потенциальных членов, что, по мнению 47 % обследованных БПО, также является проблемой (второй по значимости для расширения деятельности после финансов).

БПО оказались не в состоянии предоставлять традиционные услуги по поддержке

Семьдесят один процент опрошенных БПО сообщили, что им с трудом удавалось оставаться одним из механизмов поддержки частного сектора во время пандемии. В среднем они оценили степень предлагаемой поддержки как умеренную (3,3 из 5 возможных баллов). Лишь 50 % сообщили, что выполняли роль информационного канала для бизнеса, тогда как до пандемии этот показатель достигал 100 %. Несмотря на то что 63 % обследованных БПО заявили, что проводили учебные занятия во время пандемии, эта цифра значительно меньше докризисной. Менее 40 % обследованных БПО сообщили о том, что после начала пандемии были по-прежнему в состоянии предлагать УРБ, оказывать поддержку цифровизации, проводить обследования или вести информационно-разъяснительную работу по вопросам экономической политики. Некоторое сокращение активности было прямым следствием невозможности встретиться лично или выехать за пределы населенного пункта. Например, казахстанская ассоциация была вынуждена отменить учебную поездку в Латвию, и темы некоторых из запланированных ею долгосрочных проектов по развитию бизнеса стали менее актуальными в ситуации, когда ее члены столкнулись с непосредственными проблемами.

Единственным вариантом замены очных услуг стал переход в онлайн-формат. Проблемы в области цифровизации, наряду с финансовыми ограничениями, являются наиболее распространенными трудностями, с которыми БПО столкнулись в ходе оказания услуг. Более трети (35 %) обследованных БПО назвали цифровую инфраструктуру одним из препятствий для расширения деятельности еще до пандемии. Они заявили, что цифровая инфраструктура, стоимость внедрения цифровых решений и отсутствие необходимых навыков были основными проблемами (59 %, 47 % и 47 % соответственно), с которыми столкнулись их члены в попытках адаптироваться к пандемии (см. главу 2). Сами БПО, вероятно, страдали от аналогичных проблем, так как лишь 31 % из них смогли оказать своим членам поддержку в переходе на цифровые технологии, что заметно

усугубило ситуацию, поскольку члены, не прошедшие процесс цифровизации, не смогли бы использовать цифровые услуги, даже если бы БПО их предлагали.

Вставка 7. Альянс малых предприятий Молдовы укрепил свою роль посредника между государством и бизнесом во время пандемии, вызванной COVID-19

Лишь достаточно информированные предприятия могут принимать правильные решения во время кризиса, и даже если предприятия знают, как им следует поступить, они могут не знать, каким образом это сделать. По этим причинам Альянс малых предприятий Молдовы в партнерстве со швейцарской ОГО Helvetas работал над тем, чтобы обеспечить малые предприятия по всей стране, а не только те, что входят в число его членов, информацией, необходимой для того, чтобы удержаться на плаву во время кризиса.

За первые две недели локдауна Альянс малых предприятий предоставил индивидуальные консультации более чем 1000 предприятий. Ввиду высокого спроса на такие услуги альянс в паре с компетентными деловыми партнерами сформировал рабочую группу из консультантов, имеющих опыт в различных областях (юриспруденции, финансах и т. д.). Например, туристический агент получил юридическую консультацию по вопросу о том, как проводить перебронирования, что оказалось даже более важным для сохранения бизнеса, чем прямая финансовая поддержка.

Альянс также участвует в ДГЧС. В первые два дня пандемии он разработал документ с изложением основных вопросов в области политики, призванный помочь малому бизнесу. По состоянию на май 2020 года они пытались сформировать коалицию с другими БПО для предоставления согласованных рекомендаций правительству.

Источник: (Tibuleak et al., 2020^[174]).

Низкий уровень доверия между заинтересованными сторонами и неравное представительство предприятий различных типов в БПО влияют на успешность ДГЧС

Еще одна проблема, выявленная в ходе обследования, заключается в низком уровне доверия между заинтересованными сторонами, причем наиболее низким показателем отличаются отношения между БПО и правительством. Отчасти низкий уровень доверия может отражать общие ограничения и бюрократические барьеры, с которыми сталкиваются неправительственные организации во всем регионе. Например, поправки 2015 года к Закону Таджикистана «Об общественных объединениях» ужесточили контроль за деятельностью таких объединений за счет проведения углубленных проверок и вменили им дополнительную обязанность раскрывать информацию об источниках финансирования. Эти меры в первую очередь были нацелены на организации гражданского общества, но тем не менее отразились и на деятельности деловых и профессиональных ассоциаций, осложнив ее еще большим количеством административных барьеров и проверок на фоне ограниченного бюджета. Кроме того, отношения между БПО и правительством в Таджикистане не институционализированы, но зависят от личных качеств некоторых лидеров БПО, чьи связи с правительством способствуют неформальному лоббированию их интересов (Usmanov and Naidenova, 2019^[155]). Такие люди могут быть полезны, но чрезмерная зависимость от них ставит под угрозу устойчивость ДГЧС. Даже когда диалог носит характер регулярного и институционализированного, как в Кыргызстане, БПО не до конца уверены в том, что они влияют на политику сколько-нибудь значимым образом.

Из-за пандемии отношения между правительством и БПО еще более обострились, и в результате пострадало ДГЧС. В рамках обследования, проведенного ОЭСР, БПО оценили уровень доверия к правительству в среднем в 3,8 из 5 возможных баллов. Они сообщили о более высоком уровне доверия между БПО и международными донорами, частным сектором и другими БПО. БПО признали, что правительство поддерживало частный сектор во время пандемии, в основном за счет налоговых льгот, однако оценили эту поддержку в среднем в 3,3 из 5 баллов, причем так же они оценили и собственную поддержку, предложенную ими частному сектору. Государственная поддержка БПО была незначительной – 2,2 балла из 5, хотя вполне логично, что правительства уделяли больше внимания непосредственной поддержке предприятий, чем поддержке посредников. Главной нерешенной проблемой, названной большинством обследованных БПО (68 %), был пересмотр государственного регулирования. Многие сообщали о серьезных опасениях относительно своего будущего, в том числе ввиду непредсказуемости как экономических условий, так и государственной политики. Во время пандемии доля БПО, занимающихся информационно-разъяснительной работой по вопросам экономической политики, сократилась более чем вдвое – с 81 до 38 %, причем как раз во времена, когда частный сектор как никогда нуждался в том, чтобы его голос был услышан на уровне разработки политики.

Уровень доверия между БПО и их членами также оставляет желать лучшего ввиду того, что представительство не всегда можно охарактеризовать как справедливое. Правительство Узбекистана недавно начало заставлять крупные корпорации присоединиться к Торгово-промышленной палате, но на малые и средние предприятия это требование пока не распространяется. Это избавляет МСП от необходимости уплаты дополнительных сборов и от излишнего административного бремени, но в то же время означает, что крупные компании получают возможность заявить в Палате о своих требованиях к государству (Republic of Uzbekistan, 2018^[163]). Кроме того, БПО, особенно независимые и отраслевые, могут быть в недостаточной степени представлены в регионах. Например, Национальная палата предпринимателей Казахстана «Атамекен», членство в которой обязательно для всех частных компаний, является бенефициаром государственной поддержки в форме своего юридического мандата и 6,7 миллиона долларов США, выделенных ей в 2021 году (34 % от общего бюджета «Атамекен») на расширение деятельности в стране (National Chamber of Entrepreneurs "Atameken", 2020^[175]; 2021^[158]). Отраслевые же ассоциации, членство в которых не является обязательным, ввиду чего у них гораздо меньше членов, государственной поддержки не получают. Следовательно, на пути к расширению деятельности они могут столкнуться с финансовыми проблемами, что приведет к отсутствию возможностей для ДГЧС у представителей конкретных отраслей. Эти проблемы могут усугубить проблему доверия между БПО и правительством. Об этом свидетельствует ситуация в Кыргызстане: правительство обвиняет БПО, участвующих в трехсторонней платформе ДГЧС, в недостаточном количестве членов, особенно из числа молодежи и самозанятых, лишая его права выступать от имени частного сектора (Usmanov and Naidenova, 2019^[155]).

Несмотря на все эти проблемы, БПО оказались устойчивыми и адаптировали свою поддержку таким образом, чтобы помочь предприятиям остаться на плаву во время кризиса

Влияние пандемии на предприятия и их БПО нельзя переоценить. В то же время результаты обследования, проведенного ОЭСР, свидетельствуют об их готовности адаптировать свои методы работы и общения. Они утверждают, что ситуация стабильна; многие БПО вернулись к работе в режиме офлайн, внедрив более строгие санитарные меры.

Некоторые БПО неплохо адаптировались к пандемии благодаря цифровым технологиям. Многие начали работать удаленно, а кто-то даже предлагал услуги в области развития цифровых навыков и обучения особенностям проведения конференций в интернете. Учитывая ограниченный доступ к интернету в некоторых регионах Центральной Азии, БПО, если позволяла эпидемиологическая ситуация, формировали группы из представителей предприятий с доступом к портативным компьютерам, чтобы те могли и далее получать пользу от онлайн-тренингов. БПО также начали проводить реорганизацию бюджетов, сократили расходы на транспорт и связь, чтобы выделить больше средств на цифровые инструменты. Многие жилищно-эксплуатационные организации стали работать на онлайн-платформах и предоставлять там необходимую информацию, общаться и собирать мнения клиентов о своих услугах. Одна ассоциация внедрила возможность связаться со своим руководством в электронном виде, а другие использовали электронные платежные системы для облегчения оплаты своих услуг (обследования ОЭСР, 2021 г.).

Информационно-разъяснительная работа по вопросам экономической политики также была адаптирована к сократившемуся количеству БПО, которые смогли участвовать в ней во время COVID-19. Чтобы иметь возможность выступать от имени предприятий и оценивать текущие проблемы, с которыми они сталкиваются, 38 % обследованных БПО провели свои обследования. Например, Американская торговая палата в Узбекистане опросила своих членов в период пандемии и обнаружила, что малые предприятия в первую очередь нуждаются в услугах, в то время как крупные нуждаются в ДГЧС. В результате организация назвала развитие цифровых услуг одним из трех своих главных приоритетов на следующие несколько лет и присоединилась к правительственной рабочей группе, занимающейся разработкой нового трудового кодекса. Тридцать процентов их рекомендаций были учтены, и частично в результате широкой огласки Палата отметила увеличение числа членов во время пандемии (Bystrushkina and Power, 2021^[176]).

Ассоциации начали формировать коалиции, чтобы коллективно обращаться к правительству за поддержкой. Некоторые использовали виртуальные платформы для ДГЧС и предоставляли своим членам информацию через правительственные сайты, такие как egov.kz и чаты в Telegram. Другие участвовали в более традиционных формах ДГЧС (хотя нередко и в видеоконференциях), среди которых – рабочие группы с участием представителей правительства, призванные разработать меры по поддержке экономики, и распространение информации о государственной поддержке для МСП. Например, одна ассоциация обратилась к президенту Казахстана в письме с просьбой расширить перечень работников, получающих государственную помощь. Эти усилия дали свои плоды: правительство Казахстана приняло ряд мер, в числе которых – предоставление периода отсрочки платежей по кредитам до конца года, отмена уплаты налога на прибыль за текущий год и платежей за аренду помещений, находящихся в государственной собственности (кроме накопившейся задолженности по таким арендным платежам). В Узбекистане Министерство инвестиций и внешней торговли позволило предпринимателям направлять свои заявки на получение государственной поддержки через ТПП.

Ключевые дальнейшие цели

БПО могут предложить предприятиям ценную информацию и УРБ, но и сами могут нуждаться в государственной и спонсорской поддержке.

Правительства могут помочь БПО в распространении важной информации в период кризиса. В быстро меняющихся условиях информация, касающаяся правовой среды, является одной из самых насущных потребностей бизнеса. БПО по всему миру немедленно приступили к выполнению этой задачи. Канадские БПО создали центры онлайн-информирования с

фактологическими бюллетенями, графиками, текстами руководящих документов по тем или иным вопросам, таким как психическое здоровье, и ссылками на правительственные ресурсы и ресурсы ОГО (Gresco, 2020^[177]). Несмотря на заметно сократившиеся финансы, почти четверть БПО в странах Африки к югу от Сахары распространяли среди своих членов информацию о новой политике правительства и ограничениях (Russo, 2020^[150]). Информационные каналы, конечно, работают в обе стороны. Поскольку правительствам также необходимо знать о влиянии кризиса на бизнес, чтобы проводить максимально эффективную политику, они могут поручать БПО проводить различные обследования, что могло бы стать источником дополнительного дохода для последних. Правительства также могут использовать ДГЧС для сбора информации от БПО и их членов, а также для предоставления им сведений о новых политиках, которые БПО смогут впоследствии распространить.

Совершенствование предоставления цифровых услуг и повышение доступа к интернету позволит БПО и далее работать на благо своих членов, но в процессе перехода на цифровые технологии им может понадобиться помощь. Одна из самых больших проблем, с которой сталкиваются БПО и их члены, заключается в невозможности перевести деятельность в онлайн-формат. В этом плане предприятиям, особенно ММСП, может потребоваться существенная поддержка, и в некоторых случаях эту поддержку могут предоставить БПО (Tibuleak et al., 2020^[174]). Например, некоторые африканские БПО проводили для своих членов курсы по работе в социальных сетях и электронной коммерции (Russo, 2020^[150]). Однако прежде чем помогать своим членам перейти в цифровой мир, БПО должны сами осуществить этот переход. БПО заметно выиграют от финансируемых донорами программ в области наращивания потенциала и обучения инструкторов. Многие центральноазиатские БПО не могут похвастаться современным веб-сайтом или учетными записями в социальных сетях (Usmanov and Naidenova, 2019^[155]). Сегодня, когда все больше компаний ищут информацию в интернете, для БПО крайне важно усовершенствовать свои общие стратегии коммуникации и цифрового предоставления услуг (CIPE, 2016^[178]).

Правительствам следует сотрудничать с БПО на всех уровнях, чтобы голос МСП был услышан

БПО и правительства должны проследить за тем, чтобы ДГЧС был прозрачным и инклюзивным, а они представляли интересы МСП (OECD, 2007^[179]). В сложных экономических условиях крупные предприятия с развитой инфраструктурой часто имеют больше возможностей для выживания, поскольку могут заключать «сделки за кулисами», даже если это может оказать негативное влияние на экономику в целом (World Bank & CIPE, 2015^[180]; CIPE, 2008^[157]). Даже в БПО, большинство членов которых составляют ММСП, иногда могут доминировать крупные корпорации, у которых больше ресурсов для участия в ДГЧС (Duce, 2006^[168]). Крупные БПО могут противодействовать таким практикам, активно собирая информацию и запрашивая мнение у микропредприятий (которые, как правило, доминируют в деловой среде Центральной Азии), предприятий, принадлежащих женщинам, и предприятий, ведущих деятельность за пределами столиц. Соответствующие стратегии включают открытость для любого члена, который соответствует четко сформулированным критериям, уменьшенные взносы для небольших компаний и внутреннюю демократическую горизонтальную структуру управления, дающую всем членам одинаковое право голоса (CIPE, 2016^[178]; OECD, 2007^[179]; OECD, 2018^[181]). Донорское финансирование и наращивание потенциала могут быть необходимы для поддержки небольших БПО, поскольку аспект информационно-разъяснительной работы по вопросам экономической политики в БПО страдает от проблемы, требующей коллективных действий: она приносит пользу бизнес-сообществу в целом, но не какому-то одному члену в частности (OECD, 2007^[179]).

Местные органы власти должны быть частью ДГЧС. Поскольку COVID-19 оказал неодинаковое воздействие на городские и сельские районы, а местные БПО чаще всего представляют интересы региональных МСП, местным органам власти следует более тесно взаимодействовать с региональными БПО. В таких условиях партнерство между органами местного самоуправления и местными БПО может быть чрезвычайно плодотворным (Usmanov and Naidenova, 2019^[155]). Если плоды информационно-разъяснительной работы по вопросам местной экономической политики будут заметны, у малого бизнеса будет стимул присоединиться. Это приведет к росту формализации, что было бы особенно полезно в Центральной Азии (Duce, 2006^[168]). Такие локальные усилия могут принести пользу на национальном уровне. Региональные отделения бизнес-ассоциаций могут передавать информацию о сложившихся на местах условиях в национальную ассоциацию, которая в свою очередь будет представлять их интересы перед национальным правительством (World Bank, 2014^[182]).

БПО могут внести вклад в устойчивое восстановление, используя свое коллективное влияние во время кризиса

Формирование коалиций и партнерств является основной функцией БПО и может стать мощным инструментом для увеличения воздействия (CIPE, 2016^[178]). В некоторых частях Центральной Азии недоверие между заинтересованными сторонами относительно велико, но ситуация улучшается. В Кыргызстане, например, несколько организаций объединились в Национальный альянс бизнес-ассоциаций для защиты общих интересов в процессе реформирования налогового кодекса, а во время пандемии начали формироваться и другие коалиции (Usmanov and Naidenova, 2019^[155]). Такие коалиции могут значительно усилить влияние БПО на политику.

Такие масштабные вопросы, как коррупция и изменение климата, не должны быть исключены из повестки дня даже во время кризиса. Бизнес-ассоциации могут сыграть ведущую роль в достижении долгосрочных и устойчивых целей в период восстановления, поскольку они помогают решить проблему, требующую коллективных действий: было бы лучше, если бы все компании взяли на себя социальную ответственность, но лишь в том случае, если так поступят и их конкуренты (Martini, 2013^[183]; United Nations Global Compact & International Chamber of Commerce, 2015^[184]). БПО могут поддержать усилия всех своих членов в области защиты окружающей среды и борьбы с коррупцией с помощью обучения, сертификации и информационно-разъяснительной работы по вопросам экономической политики. Это принесет пользу не только их членам, но и обществу. Например, в Таиланде БПО работали вместе с Центром международного частного предпринимательства над разработкой антикоррупционной программы. Первым шагом было обязательство всех членов отказываться от взяток, далее следовало практическое обучение способам реализации этого обязательства на практике и, наконец, сертификация компаний, которые соответствовали этическим стандартам (Martini, 2013^[183]). Международная алюминиевая ассоциация поставила перед собой конкретные цели в области улучшения переработки своей продукции и сокращения выбросов углерода, что привело к их сокращению на 85 % за 20 лет. Этому способствовали обширные исследования вопроса, включавшие консультации с членами и последующую разработку руководящих принципов и индикаторов оценки. На протяжении всего этого процесса Ассоциация прилагала особые усилия для вовлечения малых предприятий в свой специальный Комитет по устойчивому развитию; руководство комитета сменялось и часто включало представителей малых и средних предприятий (United Nations Global Compact & International Chamber of Commerce, 2015^[184]).

Заключение

Защита здоровья населения и обеспечение гибкости возврата к обычной деятельности – ключ к краткосрочному восстановлению

Быстрые и эффективные кампании по вакцинации будут иметь решающее значение для смягчения антропогенного и экономического воздействия пандемии на Центральную Азию и формирования прочного фундамента для восстановления. Несмотря на то что правительства стран региона заявили о своем стремлении провести вакцинацию большей части населения к концу 2021 года, серьезные проблемы с поставками вакцины и административные вопросы не позволяют развернуть массовую вакцинацию так, как планировалось. Эти проблемы в значительной степени связаны с ограниченными возможностями местных систем здравоохранения и трудностями в сфере логистики, которые возникли еще до кризиса; правительства должны разработать краткосрочные решения как на национальном уровне, так и в сотрудничестве с коллегами из региона и международными партнерами. Первые меры реагирования на кризис продемонстрировали растущую тенденцию к укреплению регионального сотрудничества, что может привести к разработке региональной, всеобъемлющей и взаимовыгодной программы восстановления.

Меры, принятые правительствами стран Центральной Азии для поддержки своего частного сектора, в целом соответствовали мерам, принятым в странах – членах ОЭСР, и в большинстве случаев отличались лишь масштабами и доступностью ресурсов. Теперь правительства сосредоточат внимание на вопросе о том, как свернуть поддержку, не ставя под вопрос успешность процесса восстановления. В Центральной Азии, где бюджетные возможности ограничены, а макроэкономические проблемы стоят более остро, чем в странах – членах ОЭСР, этот вопрос требует самой тщательной проработки. Зависимость экономики от экспортных доходов и международных денежных переводов мигрантов, высокий уровень внешнего долга, устойчивая инфляция и узкая налоговая база обуславливают низкую экономическую устойчивость региона и поднимают вопрос необходимости дальнейшего государственного вмешательства. Структурные проблемы сделали Центральную Азию особенно уязвимой к экономическим последствиям пандемии.

Когда пандемия обрушилась на Центральную Азию, традиционные движущие силы регионального экономического роста были на исходе: темпы трендового роста ВВП замедлились еще после мирового финансового кризиса 2008 года, производительность была в состоянии стагнации, неравенство росло, а сближение со странами – членами ОЭСР и ЕС замедлялось. Несмотря на реформы, проводившиеся в регионе в годы, предшествовавшие пандемии, слаборазвитый частный сектор, серьезные недостатки делового климата, чрезмерная зависимость от экспорта основных сырьевых товаров и рабочей силы, слабая конкуренция и высокий уровень неформальности способствовали потере всей динамики. Государства Центральной Азии нуждались в новых, более устойчивых и более жизнеспособных моделях роста.

Сейчас перед регионом стоит тройная задача:

- во-первых, страны должны найти способ гарантировать, что предприятия и работники выйдут из продолжающегося кризиса с как можно меньшими потерями. Это потребует грамотного управления процессом сворачивания государственной поддержки с фокусом на минимизации закрытия жизнеспособных предприятий. Поддержка должна быть более адресной, а рыночная дисциплина – снова работать;
- во-вторых, правительства должны удвоить усилия для устранения многих структурных недостатков, которые были очевидны еще до кризиса и которые заметно его обострили. Это означает улучшение внутреннего делового климата и создание более благоприятных условий для предпринимательства, инвестиций и инноваций;
- в-третьих, как обсуждалось в главе 2, лица, ответственные за формирование политики, должны разработать и проводить политику, направленную на максимальное повышение конкурентоспособности Центральной Азии в глобальной экономике в условиях перехода к низкоуглеродной энергетике и цифровой трансформации. Успешное управление этими процессами будет иметь определяющее значение для роста производительности, создания рабочих мест и инвестиций.

Фундамент более устойчивого будущего экономики

До пандемии, вызванной COVID-19, реформы в Центральной Азии были преимущественно связаны с озабоченностью по поводу снижения эффективности традиционных факторов роста в регионе, в первую очередь экспорта излишков рабочей силы и сырьевых товаров и расширения связанной с этим деятельности, не направленной на внешнюю торговлю. В период после наступления кризиса планирование восстановления требует преодоления сохраняющейся высокой неопределенности в мировой экономике, адаптации к более конкурентной среде для прямых иностранных инвестиций и следования мировому тренду на декарбонизацию. Эти проблемы накладываются на структурные недостатки в Центральной Азии, а постоянно растущая рабочая сила будет еще больше обострять потребность в квалифицированных рабочих местах.

С приходом пандемии возросла цена, которую регион вынужден платить за недостаточно эффективно проведенные в свое время реформы, вынуждая правительства одновременного преодолевать непредсказуемый и все еще острый кризис в сфере общественного здравоохранения и планировать построение более крепкой и устойчивой экономики. Четыре области, обсуждаемые в главе 2 – более эффективное управление государственными доходами, улучшение делового климата, ускорение цифровизации и включение экологизации во все аспекты экономической политики, – могут стать фундаментом, на котором будет выстроена более устойчивая и инклюзивная экономика региона.

Список литературы

- Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan Bureau of National Statistics (2021), *Statistics of Foreign and Mutual Trade*, <https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/7>. [75]
- AKI Press (2021), *Kyrgyzstan refuses the Pfizer vaccine. The Minister of Health explained the reasons*, AKI Press, Bishkek, <https://zdorovie.akipress.org/news:1676204>. [21]
- ASIA-Plus (2021), *Coronavirus in Tajikistan: 49 people have been infected, 1 has died*, ASIA-Plus, Dushanbe, <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210705/koronavirus-v-tadzhikistane-49-chelovek-zarazilis-1-umer>. [23]
- Astana Times (2021), *A plant in Zhambyl region produces first batch of Qazvac vaccine*, <https://astanatimes.com/2021/07/a-plant-in-zhambyl-region-produces-first-batch-of-qazvac-vaccine/>. [15]
- Astana Times (2021), *Kazakhstan delivers 25000 doses of its own vaccine to Kyrgyzstan*, <https://astanatimes.com/2021/07/kazakhstan-delivers-25000-doses-of-its-own-vaccine-to-kyrgyzstan/>. [16]
- Auyezov, O. and P. Mikheyev (2021), *Kazakhstan rolls out its own COVID-19 vaccine*, Reuters, London, <https://www.reuters.com/business/healthcare-pharmaceuticals/kazakhstan-rolls-out-its-own-covid-19-vaccine-2021-04-27/>. [13]
- Aytakov, S. (2020), *Coronavirus in Turkmenistan: Borderline criminal politics*, Institute for War and Peace Education, London, <https://cabar.asia/ru/koronavirus-v-turkmenistane-politika-na-grani-prestupleniya>. [36]
- Ayubova, P. (2020), *Amendments will affect only large entrepreneurs*, Gazeta.uz, Tashkent, <https://www.gazeta.uz/ru/2020/01/16/tpp/> (accessed on 15 July 2021). [165]
- Badalov, J. (2020), *E-SUD rises to the COVID-19 challenge*, UNDP, Tashkent, <https://www.uz.undp.org/content/uzbekistan/en/home/blog/2020/e-sud-rises-to-the-covid-19-challenge0.html>. [125]
- Bedoui, C. (2021), *How Benin and Mongolia are fast-tracking digital government*, Public Digital, London, <https://public.digital/2021/03/31/how-benin-and-mongolia-are-fast-tracking-digital-government>. [134]
- Blanchard, O., T. Philippon and J. Pisani-Ferry (2020), *A New Policy Toolkit is Needed as Countries Exit COVID-19 Lockdowns*, PIIE, DC. [109]

- Blyum, M. (2020), *What is important during a pandemic? That's right - digitalisation. What Boronov talked about at the meeting*, Kaktus Media, Bishkek, https://kaktus.media/doc/421055_что_важно_в_период_пандемии_правильно_цифровизация_о_чем_говорил_боронов_на_совещании.html. [123]
- Borse Frankfurt (2021), *Kasachstan, Republik 5.125% 15/25*, Borse Frankfurt, Frankfurt, <https://www.boerse-frankfurt.de/bond/xs1263054519-kasachstan-republik-5-125-15-25>. [56]
- Borse Frankfurt (2021), *Tadshikistan, Republik 7.125% 17/27*, Borse Frankfurt, Frankfurt, <https://www.boerse-frankfurt.de/bond/xs1676401414-tadschikistan-republik-7-125-17-27>. [185]
- Bureau of National Statistics (2021), *Number of deaths*, Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, <https://stat.gov.kz/>. [11]
- Burunciuc, L. (2021), *How Central Asia can ensure it doesn't miss out on a digital future*, World Bank Group, Washington, D.C., <https://blogs.worldbank.org/europeandcentralasia/how-central-asia-can-ensure-it-doesnt-miss-out-digital-future>. [142]
- Business Ombudsman Institute (2021), *The business ombudsman signed a Memorandum of co-operation with the Chamber of Commerce and Industry of the Kyrgyz Republic*, Business Ombudsman Institute, Bishkek, <https://boi.kg/ru/news/68>. [169]
- Bystrushkina, T. and K. Power (2021), *Attracting New Members During COVID-19: Lessons Learned from AmCham Uzbekistan*, Center for International Private Enterprise, Washington, D.C., <https://www.cipe.org/resources/attracting-new-members-during-covid-19-lessons-learned-from-amcham-uzbekistan/>. [176]
- Cable.co.uk (2021), *Worldwide mobile data pricing*, Existent, Lichfield, <https://www.cable.co.uk/mobiles/worldwide-data-pricing/>. [104]
- Central Bank of Russia (2021), *Personal remittances between Russia and CIS countries*, Central Bank of Russia, Moscow, <https://www.cbr.ru/statistics/?CF.Search=%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo=>. [94]
- CERR & UNDP (2021), *Study of the Impact of COVID-19 on SMEs in Quarters 1-3 2020*, Center for Economic Research and Reforms & United Nations Development Programme, Tashkent, https://www.uz.undp.org/content/uzbekistan/en/home/library/democratic_governance/study-of-the-impact-of-covid-19-on-small-and-medium-sized-busine.html. [73]
- Chamber of Commerce and Industry of the Kyrgyz Republic (2021), *About the Chamber of Commerce and Industry of the Kyrgyz Republic*, Chamber of Commerce and Industry of the Kyrgyz Republic, Bishkek, http://en.cci.kg/o-torgovo_promyshlennoji--palate-kr.html. [153]
- Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan (2020), *History of the Chamber*, Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, <http://tpp.tj/en/history/>. [154]
- China-Africa Research Initiative (2021), *Global Debt Relief Dashboard*, Johns Hopkins School of Advanced International Studies, Washington, D.C., <http://www.sais-cari.org/debt-relief>. [63]

- CIPE (2021), *Central Asia*, Center for International Private Enterprise, Washington, D.C., [171]
<https://www.cipe.org/projects/central-asia/>.
- CIPE (2016), *Business Associations for the 21st Century*, Center for International Private Enterprise, Washington, D.C., [178]
<https://www.cipe.org/wp-content/uploads/2019/01/BA-for-the-21st-Century-2016.pdf>.
- CIPE (2008), “Business Associations, Business Climate and Economic Growth”, *Economic Reform Issue Papers*, No. 0807, Center for International Private Enterprise, Washington, D.C., [157]
<http://ppd.cipe.org/wp-content/uploads/2014/12/IP-08-07-ISNIE.pdf>.
- Club de Paris (2020), *Kyrgyzstan benefits from the debt suspension initiative*, Secrétariat du Club de Paris, Paris, [115]
<https://clubdeparis.org/en/communications/press-release/kyrgyzstan-benefits-from-the-debt-service-suspension-initiative-16-06>.
- Club de Paris (2020), *Tajikistan benefits from the debt suspension initiative*. [116]
- Customs Agency of the People’s Republic of China (2020), *Preliminary Release: China’s Total Export and Import Values by Country/Region*, Customs Agency of PRC, Beijing, [78]
<http://english.customs.gov.cn/Statistics/Statistics?ColumnId=1>.
- Damgaard, J., T. Elkjaer and N. Johannesen (2019), *What Is Real and What Is Not in the Global FDI Network?*, IMF Working Paper, No. WP/19/274, IMF, DC, [113]
<http://www.nielsjohannesen.net/wp-content/uploads/DEJ2019-IMF-working-paper.pdf>.
- Dordoi Association (2021), *Dordoi Association*, Dordoi Association, <http://dordoi.kg/>. [187]
- Duke Global Health Innovation Center (2021), *Launch and Scale Speedometer*, Duke University, North Carolina, [19]
<https://launchandscalefaster.org/COVID-19#Timeline%20of%20COVID%20Vaccine%20Procurement%20Deals>.
- Duvanova, D. (2013), *Building Business in Post-Communist Russia, Eastern Europe, and Eurasia*, Cambridge University Press. [156]
- Dyce, T. (2006), “The Role of Small Business Associations in Business Environment Reform”, *Creating Better Business Environments for Enterprise Development*, Donor Committee for Enterprise Conference, Bangkok, [168]
<http://www.businessenvironment.org/dyn/be/docs/128/session4.4paper4.4.1dyce.pdf>.
- EU (2020), *Central Asia Invest: Boosting Private Sector Development in Central Asia*, European Union, Brussels, [173]
<https://eu-cai.org/wp-content/uploads/2020/07/%D0%95%D0%A1-%D0%A6%D0%90%D0%98-en-pages-deleted.pdf> (accessed on 15 July 2021).
- EU Delegation to Kazakhstan (2021), *About the EU Central Asia Invest Programme*, European Union, Nur-Sultan, <https://eu-cai.org/about-the-eu-central-asia-invest-programme/>. [172]
- European Securities and Markets Authority (2020), *Risk Dashboard*, No. 2, European Securities and Markets Authority, Brussels, [106]
<https://www.esma.europa.eu/databases-library/esma-library/%22risk%20dashboard%22>.
- Finprom (2021), *Small and medium businesses in Kazakhstan are significantly less developed than in neighboring Uzbekistan*, Finprom, Almaty, <http://finprom.kz/ru/article/malyj-i-srednij-> [164]

- [biznes-v-kazahstane-znachitelno-menee-razvity-chem-v-sosednem-uzbekistane.](#)
- GAVI (2021), *COVAX Vaccine Rollout: Country Updates*, GAVI: The Vaccine Alliance, Geneva, [17]
<https://www.gavi.org/covax-vaccine-roll-out>.
- GAVI (2021), “Interim Distribution Forecast”, *The COVAX Facility*, No. 3 February, GAVI: [20]
 Global Vaccine Alliance, Geneva,
<https://www.gavi.org/sites/default/files/covid/covax/COVAX-Interim-Distribution-Forecast.pdf>.
- Gazeta.uz (2019), *President: The majority of enterprises with state involvement work [141]*
ineffectively, Gazeta.uz, Tashkent, https://www.gazeta.uz/ru/2019/12/11/state-enterprises/?utm_source=push&utm_medium=facebook&fbclid=IwAR1FPpCeSNdpyAnTWLU7qR-fuTJ9GwQ7-DVqpDpbKf1KECN9yPcJaKqxq0.
- Government of Kazakhstan (2020), *Order of the Government of Kazakhstan from 20 April 2020 [28]*
 No. 224 About further measures for the realisation of the Order of the President of Kazakhstan from 16 March 2020 “About further measures for the stabilisation of the economy” concerning taxes, <https://primeminister.kz/ru/decisions/20042020-224>.
- Greco, A. (2020), *3 Keys for Associations to Survive a COVID-19 Economy*, LinkedIn, [177]
 Sunnyvale, U.S., <https://www.linkedin.com/pulse/3-keys-associations-survive-covid-19-economy-alex-greco-m-a/>.
- Gurevich, V. and A. Kolesnikov (eds.) (2020), “Monitoring of the Economic Situation in Russia: [92]
 Tendencies and Challenges of Socio-Economic Development”, No. 22, Institute of Political Economy, Moscow, <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-20-122-iyul-2020-g.html> (accessed on 28 August 2020).
- Heathershaw, J. and A. Cooley (2015), *Offshore Central Asia: an introduction*, Central Asian [112]
 Survey, No. 34, No. 1, 1-10, Routledge, UK,
<http://dx.doi.org/10.1080/202634937.2015.1008816>.
- Hess, M. (2021), *Analysis - Central Asia bond review*, Eurasianet, New York, [57]
<https://eurasianet.org/analysis-central-asia-bond-review>.
- Holzhaecker, H. and D. Skalkova (2019), *Kyrgyz Republic Diagnostic*, European Bank for [159]
 Reconstruction and Development, London, <https://www.ebrd.com/documents/policy/country-diagnostic-paper-kyrgyz-republic.pdf?blobnocache=true>.
- Hurley, J., S. Morris and G. Portelance (2018), “Examining the Debt Implications of the Belt and [65]
 Road Initiative from a Policy Perspective”, *CGD Policy Papers*, No. 121, Center for Global Development, Washington, D.C., <https://www.cgdev.org/sites/default/files/examining-debt-implications-belt-and-road-initiative-policy-perspective.pdf>.
- IHME (2021), *Estimation of excess mortality due to COVID-19*, IHME, Seattle, [7]
<http://www.healthdata.org/special-analysis/estimation-excess-mortality-due-covid-19-and-scalars-reported-covid-19-deaths>.
- ILO (2021), “Seventh Edition”, *ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work*, International [98]
 Labour Organization, Geneva, https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_767028.pdf.

- ILO (2020), *ILOSTAT*, International Labour Organization, Geneva, <https://ilostat.ilo.org/>. [90]
- Imam, P. (2019), “Collateralized Sovereign Debt – Costs and Benefits”, International Monetary Fund, Washington, D.C., <https://www.imf.org/~en/media/Files/Countries/ResRep/ZWE/collaterized-debt-presentation-august-2019-final.ashx>. [61]
- IMF (2021), *Fiscal Monitoring Database of Country Fiscal Measures in Response to the COVID-19 Pandemic*, International Monetary Fund, Washington, D.C., <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Fiscal-Policies-Database-in-Response-to-COVID-19>. [27]
- IMF (2021), *Primary Commodity Prices*, International Monetary Fund, Washington, D.C., <https://www.imf.org/en/Research/commodity-prices>. [69]
- IMF (2021), *Regional Economic Outlook: Middle-East and Central Asia. Arising from the Pandemic: Building Forward Better*, International Monetary Fund, Washington, D.C., <https://www.imf.org/en/Publications/REO/MECA/Issues/2021/04/11/regional-economic-outlook-middle-east-central-asia>. [44]
- IMF (2020), “July 2020 Update”, *Regional Economic Outlook: Middle East and Central Asia*, International Monetary Fund, Washington, D.C., <https://www.imf.org/en/Publications/REO/MECA/Issues/2020/07/13/regional-economic-outlook-update-menap-cca>. [24]
- IMF (2020), *Kyrgyz Republic: Request for Purchase Under the Rapid Financing Instrument and Disbursement Credit Facility - Debt Sustainability Analysis*, IMF, DC, <https://www.imf.org/~en/media/Files/DSA/external/pubs/ft/dsa/pdf/2020/dsacr2090.ashx>. [46]
- IMF (2020), *Regional Economic Outlook: Confronting the COVID-19 Pandemic in the Middle East and Central Asia*, International Monetary Fund, Washington, D.C., <https://www.imf.org/en/Publications/REO/MECA/Issues/2020/04/15/regional-economic-outlook-middle-east-central-asia-report>. [105]
- IMF (2020), “Republic of Tajikistan: Debt Sustainability Analysis”, in *Republic of Tajikistan: Debt Sustainability Analysis*, Republic of Tajikistan: Request for Disbursement Under the Rapid Credit Facility - Press release, staff report, staff statement, and statement by the executive director for the Republic of Tajikistan, IMF, DC, <https://www.imf.org/~en/media/Files/DSA/external/pubs/ft/dsa/pdf/2020/dsacr20151.ashx>. [47]
- IMF (2019), *Republic of Uzbekistan: 2019 Article IV Consultation*, Article IV Consultation, No. No. 19/129, IMF, DC, <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/05/09/Republic-of-Uzbekistan-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-and-Staff-Report-46884>. [48]
- IMF (2014), *Use of External Debt Statistics*, External Debt Statistics: Guide for Compilers and Users, IMF, DC, [http://dx.doi.org/ISBN 978-1-48436-6622](http://dx.doi.org/ISBN%20978-1-48436-6622). [49]
- Interfax (2020), *In Kazakhstan the COVID-19 emergency period was extended until May 11*, Interfax, Moscow, <https://www.interfax.ru/world/706177>. [30]

- ITF (2019), *Enhancing Connectivity and Freight in Central Asia*, International Transport Forum Policy Papers, No. 71, OECD, Paris, <https://doi.org/10.1787/0492621a-en>. [67]
- Kabar (2021), *In Kyrgyzstan an electronic portal for volunteers was launched*, Kabar, Bishkek, <http://kabar.kg/news/v-kyrgyzstane-zapustili-portal-dlia-volonterov-v-reagirovanii-na-covid-19/>. [129]
- Kabar (2021), *What changes can the education system expect in the next 5 years?*, Kabar, Bishkek, <http://kabar.kg/news/kakie-izmenenie-ozhidaet-sistemu-obrazovaniia-v-blizhaishie-5-let/>. [145]
- Kabar (2020), *Electronic invoices, virtual cash registers -- what else can be expected from fiscal digitalisation this year?*, Kabar, Bishkek, <http://kabar.kg/news/elektronnye-schet-fakturny-virtual-nyy-kkm-cto-eshche-zhdat-ot-tcifrovoy-fiskalizatsii-v-etom-godu/>. [127]
- Kabar (2020), *The order “About immediate measures for the activation of the adoption of digital technologies in the government of the Kyrgyz Republic” was signed*, Kabar, Bishkek, <http://kabar.kg/news/podpisan-ukaz-o-neotlozhnykh-merakh-po-aktivatsii-vnedrenii-tcifrovyykh-tekhnologii-v-gosupravlenie-kr/>. [131]
- Karlinsky, A. and D. Kobak (2021), *The World Mortality Dataset: Tracking excess mortality across countries during the COVID-19 pandemic*, medRxiv, Yale University, New Haven, U.S., <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2021.01.27.21250604v3>. [6]
- Kazak Agency for the Regulation and Development of the Financial Market (2020), *Order from 22 March 2020 No. 17 About measures for the support of the population and entrepreneurial subjects in the period of the emergency situation*, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020158>. [29]
- Kemp, S. (2021), *Digital 2021*, DataReportal, <https://datareportal.com/>. [101]
- Kosymova, Z. and N. Abdujabborov (2015), “From Regional to National PPD in Tajikistan”, *Public-Private Dialogue Workshop*, World Bank Group, Copenhagen, <http://www.publicprivatedialogue.org/workshop%202015/2015%20-%20Public%20Private%20Dialogue%20in%20Tajikistan.pdf>. [167]
- Kyrgyz State Tax Service (2020), *Taxpayers have the right to receive postponements and installment payments for tax obligations*, State Tax Service under the Ministry of Economy and Finance of the Republic of Kyrgyzstan, Bishkek, <https://www.sti.gov.kg/news/2020/04/15/nalogoplatelshchiki-imeyut-pravo-na-poluchenie-otsrochki-ili-rassrochki-po-nalogovoj-zadolzhennosti>. [31]
- Kyrgyzstan Cabinet of Ministers (2020), *The government confirmed a plan for the provision of fiscal support measures for entrepreneurship*, Kyrgyzstan Cabinet of Ministers, <https://www.gov.kg/ru/post/s/pravitelstvo-utverdilo-plan-po-okazaniyu-fiskalnykh-mer-podderzhki-predprinimatelstva>. [33]
- Kyrgyzstan Cabinet of Ministers (2020), *The programme “Financing of entrepreneurial subjects” is confirmed*, Kyrgyzstan Cabinet of Ministers, <https://www.gov.kg/ru/post/s/utverzhdena-programma-finansirovanie-subektov-predprinimatelstva>. [34]
- Kyrgyzstan Jogorku Kenesh (2020), *Order from 1 April 2020 No. 3659-VI About measures for* [32]

the mitigation of negative socio-economic consequences in relation to currency inflation and the spread of the coronavirus infection COVID-19.

- Lancaster, H. (2020), *Kazakhstan - Telecoms, Mobile and Broadband - Statistics and Analyses*, BuddeComm, New South Wales, <https://www.budde.com.au/Research/Kazakhstan-Telecoms-Mobile-and-Broadband-Statistics-and-Analyses>. [133]
- London (ed.) (2020), *Political and Economic Integration with the Western economies since 1989*, Routledge. [152]
- Martini, M. (2013), "The role of business associations and chambers of commerce in the fight against corruption", *U4 Expert Answer*, No. 394, U4 Anti-Corruption Resource Centre, <https://www.u4.no/publications/the-role-of-business-associations-and-chambers-of-commerce-in-the-fight-against-corruption.pdf>. [183]
- Mihalyi, D. (2020), *Resource Backed Loans: Pitfalls and Potential*, Natural Resource Governance Institute, New York, <https://resourcegovernance.org/sites/default/files/documents/resource-backed-loans-pitfalls-and-potential.pdf>. [60]
- Ministry of Finance of Kazakhstan (2021), *Fulfilment of the Republican Budget as of 1 May 2021*, Ministry of Finance of Kazakhstan, Nur-Sultan, <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/169819?lang=ru>. [52]
- Ministry of Finance of Uzbekistan (2019), *О МЕРАХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН «О ГОСУДАРСТВЕННОМ БЮДЖЕТЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН НА 2020 ГОД»*, Ministry of Finance of Uzbekistan, Tashkent, <https://lex.uz/docs/4673469>. [50]
- National Bank of Tajikistan (2021), *Monthly Inflation Review*, National Bank of Tajikistan, Dushanbe, https://www.nbt.tj/ru/monetary_policy/shahri-tav/sharhi_mohonai_tavarruv.php. [41]
- National Bank of Tajikistan (2021), *The International Investment Position of the Republic of Tajikistan*, National Bank of Tajikistan, Dushanbe, https://www.nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/tavozuni-pardokhti-jumhurii-tojikiston/nashriyai_tavozuni_pardoht_mavkei.php. [86]
- National Chamber of Entrepreneurs "Atameken" (2021), *About mandatory membership dues*, National Chamber of Entrepreneurs "Atameken", Bishkek, <https://atameken.kz/ru/pages/793-ob-obyazatel-nyh-chlenskih-vznosah>. [158]
- National Chamber of Entrepreneurs "Atameken" (2020), *Budget and Financial Reporting*, National Chamber of Entrepreneurs "Atameken", Bishkek, <https://atameken.kz/ru/pages/749-byudzheth-i-finansovaya-otchetnost>. [175]
- National Statistical Committee of Kazakhstan (2021), *Consumer Price Index in Kazakhstan*, National Statistical Committee of Kazakhstan, Nur-Sultan, <https://stat.gov.kz/official/industry/26/statistic/8>. [43]
- National Statistical Committee of Kyrgyzstan (2021), *Consumer Price Index in the Kyrgyz Republic (in percent to December of the previous year)*, National Statistical Committee of Kyrgyzstan, Bishkek, <http://stat.kg/en/statistics/download/operational/334/>. [42]

- National Statistical Committee of Kyrgyzstan (2021), *Employment Statistics*, National Statistical Committee of Kyrgyzstan, Bishkek, <http://www.stat.kg/ru/statistics/zanyatost/>. [84]
- National Statistical Committee of Kyrgyzstan (2021), *FDI Statistics*, National Statistical Committee of Kyrgyzstan, Bishkek, <http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/>. [83]
- National Statistical Committee of Kyrgyzstan (2021), *Productivity statistics*, National Statistical Committee of Kyrgyzstan, Bishkek, <http://www.stat.kg/ru/news/proizvoditelnost-truda/>. [85]
- National Statistical Committee of Kyrgyzstan (2021), *State Budget Revenues*, National Statistical Committee of Kyrgyzstan, Bishkek, <http://www.stat.kg/ru/statistics/finansy/>. [53]
- National Statistical Committee of Kyrgyzstan, B. (ed.) (2021), “Short Statistical Review of Kyrgyzstan: April 2021”, *Short Statistical Reviews of Kyrgyzstan*, <http://www.stat.kg/ru/publications/kratkij-statisticheskij-spravochnik-kyrgyzstan/>. [26]
- National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic (2021), *Official Statistics/International Economic Activity*, <http://stat.kg/en/statistics/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/>. [76]
- National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic (2021), *Population*, National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, Bishkek, <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/>. [10]
- National Statistical Committee of Uzbekistan (2021), “Foreign Economic Activity”, *External Sector Statistics*, National Statistical Committee of Uzbekistan, Tashkent, <http://new.stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade>. [71]
- National Statistical Committee of Uzbekistan (2021), “The share of small business and private entrepreneurship”, *SME and Enterprise Statistics*, National Statistical Committee of Uzbekistan, Tashkent, <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/small-business-and-entrepreneurship>. [72]
- National Statistics Committee of Kazakhstan (2020), *Labour Productivity in the Republic of Kazakhstan*, National Statistics Committee of Kazakhstan, Nur-Sultan, <https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT238264>. [89]
- National Statistics Committee of Uzbekistan (2021), *Dynamics of the consumer price index in the Republic of Uzbekistan in fixed weights (to the previous month)*, National Statistics Committee of Uzbekistan, Tashkent, <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/uzbekiston-respublikasi-boyicha-istemol-narxlar-2?lang=en&format=xlsx>. [40]
- Natural Resource Governance Institute (2020), *Resource-Backed Loans: Pitfalls and Potential*. [200]
- Neutral Turkmenistan (2021), “Vaccination: Reliable Protection”, *Neutral Turkmenistan* 169, p. 4, <https://metbugat.gov.tm/newspaper?id=6457%C2%A0>. [22]
- OECD (2021), *Financing SMEs and Entrepreneurs: An OECD Scoreboard*, OECD, Paris, https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=SMES_SCOREBOARD. [186]
- OECD (2021), *Gender Gaps in Eurasia: The Daunting Effects of COVID-19*, OECD, Paris, <https://www.oecd.org/eurasia/Gender%20gaps%20in%20Eurasia%20The%20Daunting%20effects%20of%20COVID%2019.pdf>. [97]
- OECD (2021), *Going Digital in Latvia*, OECD, Paris, <https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-> [130]

- [technology/going-digital-in-latvia_8eec1828-en;jsessionid=t_S3zfZqUc8LG-PfoIz5RU0k.ip-10-240-5-87](https://www.oecd.org/technology/going-digital-in-latvia_8eec1828-en;jsessionid=t_S3zfZqUc8LG-PfoIz5RU0k.ip-10-240-5-87).
- OECD (2021), *Going for growth*. [108]
- OECD (2021), *Going for Growth*, OECD, Paris, <https://www.oecd.org/economy/going-for-growth/>. [190]
- OECD (2021), *Improving the Legal Environment for Business in Central Asia*, OECD, Paris, <https://www.oecd.org/eurasia/improving-legal-environment-business-central-asia.htm#:~:text=The%20Improving%20the%20Legal%20Environment,%2C%20Kyrgyzstan%2C%20Tajikistan%2C%20Turkmenistan%20and>. [107]
- OECD (2021), *Informality and COVID-19 in Eurasia: The Sudden Loss of a Social Buffer*, OECD, Paris, <https://www.oecd.org/eurasia/COVID-19-informality-Eurasia.pdf>. [91]
- OECD (2021), *Main Economic Indicators*, OECD, Paris, https://www.oecd-ilibrary.org/economics/main-economic-indicators/volume-2021/issue-5_9bf844aa-en. [38]
- OECD (2021), “Strengthening the recovery: The need for speed”, *Economic Outlook Interim Report*, No. March, OECD, Paris, https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2020/issue-2_34bfd999-en. [12]
- OECD (2020), “A “debt standstill” for the poorest countries: How much is at stake?”, *Tackling Coronavirus (COVID-19): Contributing to a Global Effort*, OECD, Paris, https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=132_132874-inojmef893&title=A-debt-standstill-for-the-poorest-countries-How-much-is-at-stake. [64]
- OECD (2020), “COVID-19 Crisis Response in Central Asia”, *OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)*, OECD, Paris, <http://dx.doi.org/10.1787/5b0fd8cd-en>. [1]
- OECD (2020), *Digital Economy Outlook*, OECD, Paris, https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-digital-economy-outlook-2020_bb167041-en. [119]
- OECD (2020), *Excess mortality: measuring the direct and indirect impact of COVID-19*, OECD Health Working Papers, No. 122, OECD, Paris, [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DELSA/HEA/WD/HWP\(2020\)7&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DELSA/HEA/WD/HWP(2020)7&docLanguage=En). [8]
- OECD (2020), *Supporting Firm Growth and Creation through Business Development Services*, OECD, Paris, <https://www.oecd.org/eurasia/competitiveness-programme/central-asia/Supporting-Firm-Creation-and-Growth-through-Business-Development-Services-in-Kyrgyzstan-ENG.pdf>. [166]
- OECD (2020), “Tax and Fiscal Policy in Response to the Coronavirus Crisis: Strengthening Confidence and Resilience”, *Tackling Coronavirus (COVID-19): Contributing to a Global Effort*, OECD, Paris, https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=128_128575-06raktc0aa&title=Tax-and-Fiscal-Policy-in-Response-to-the-Coronavirus-Crisis. [59]
- OECD (2020), “Tax Policy Reviews: Kazakhstan 2020”, *OECD Tax Policy Reviews*, OECD, Paris, <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/872d016c-en.pdf>. [70]

- OECD (2020), “The impact of Coronavirus (COVID-19) and the global oil price shock on the fiscal position of oil-exporting developing countries”, *Tackling Coronavirus (COVID-19): Contributing to a Global Effort*, OECD, Paris, https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=136_136801-aw9nps8afk&title=The-impact-of-Coronavirus-COVID-19-and-the-global-oil-price-shock-on-the-fiscal-position-of-oil-exporting-developing-countries. [193]
- OECD (2019), *FDI Regulatory Restrictiveness Index*, OECD, Paris, <https://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=FDIINDEX#>. [117]
- OECD (2019), *Trade Facilitation Indicators*, OECD, Paris, <http://www.oecd.org/trade/topics/trade-facilitation/>. [118]
- OECD (2018), “How can private sector organisations contribute to economic resilience in fragile and conflict-affected contexts in the Middle East and North Africa?”, *MENA-OECD Economic Resilience Task Force*, OECD & Islamic Development Bank, Paris & Jeddah, <https://www.oecd.org/mena/competitiveness/ERTF-Jeddah-2018-Background-note-Role-of-business-organisations.pdf>. [181]
- OECD (2018), *PISA Data Explorer*, OECD, Paris, <https://pisadataexplorer.oecd.org/ide/idepisa/>. [144]
- OECD (2018), *Tax policies for inclusive growth in a changing world*. [111]
- OECD (2017), *Reforming Kazakhstan: Progress, Challenges and Opportunities*, OECD, Paris, <https://www.oecd.org/eurasia/countries/OECD-Eurasia-Reforming-Kazakhstan-EN.pdf>. [88]
- OECD (2007), “Constructing Inclusive Public-private Dialogue”, in *Promoting Pro-poor Growth: Policy Guidelines for Donors*, OECD, Paris, <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264024786-13-en.pdf?expires=1628165196&id=id&accname=guest&checksum=DD1CDF9E0EEE51229F908517BA41910B>. [179]
- OECD (Forthcoming), *SME export promotion policies in Uzbekistan*, OECD, Paris. [74]
- OECD & IISD (2021), *Fossil Fuel Subsidy Tracker*, OECD & International Institute for Sustainable Development, Paris & Geneva, <https://fossilfuelsubsidytracker.org/country/>. [148]
- OECD WRONG REGULATORY INDEX (2020), *OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index (Edition 2019)*, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/d22baa23-en>. [195]
- OECD/World Bank/UN Environment (2018), *Financing Climate Futures: Rethinking Infrastructure*, OECD Publishing, <https://doi.org/10.1787/9789264308114-en>. [149]
- OECD/WTO (2019), *Aid for Trade at a Glance 2019: Economic Diversification and Empowerment*, OECD, Paris, <https://doi.org/10.1787/18ea27d8-en>. [68]
- Our World in Data (2021), *Coronavirus (COVID-19) Vaccinations*, University of Oxford, Oxford, <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations>. [14]
- Poghosyan, T. (2021), *Exchange rate pass-through in the Caucasus and Central Asia*, Journal of the Asia Pacific Economy, Routledge, UK, <https://www.tandfonline.com/action/showCitFormats?doi=10.1080/13547860.2020.1856759>. [45]
- Preimanis, A. and N. Shanshiashvili (2017), *Kazakhstan diagnostic paper: Assessing progress* [114]

- and challenges in developing sustainable market economy*, EBRD, London, <https://www.ebrd.com/publications/country-diagnostics>.
- President of Uzbekistan (2020), *Order from 20 July 2020 No. UP-6029 About additional measures for support of the population, entrepreneurial subjects, the sphere of food service, trade, and services for the reduction of the negative effects of the coronavirus pandemic*, <https://lex.uz/ru/docs/4903384>. [37]
- President of Uzbekistan (2020), *Order of the President of Uzbekistan from February 11, 2020 No. UP-6167 "About measures for further hastening of processes of privatisation of state assets"*, <https://lex.uz/docs/5283489>. [140]
- Prokhorov, A. (ed.) (1978), *Professional Unions of the USSR*, Sovyetskaya Entsiklopediya, Moscow, <http://bse.sci-lib.com/article093699.html>. [151]
- Prokhorova, A. (2018), "Remittances in North and Central Asian Countries: Enhancing Development Potential", *Asia-Pacific Population Journal*, Vol. 32/2. [93]
- Republic of Uzbekistan (2018), *Law of the Republic of Uzbekistan from July 9, 2018 No. ZRU-483 "About the introduction of changes and additions to the Law of the Republic of Uzbekistan 'About the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Uzbekistan"*, <https://lex.uz/ru/docs/3815466>. [163]
- Russo, M. (2020), *Impact of COVID-19 on Associations and Chambers in Africa*, Center for International Private Enterprise, Washington, D.C., <https://www.cipe.org/blog/2020/07/22/impact-of-covid-19-on-associations-and-chambers-in-africa/>. [150]
- State Committee on Statistics of Tajikistan (2019), *Statistical Review of Tajikistan's Regions*, State Committee on Statistics of Tajikistan, Dushanbe, <https://www.stat.tj/ru/catalog>. [96]
- State Committee on Taxation of Uzbekistan (2021), *Key Indicators*, State Committee on Taxation of Uzbekistan, Tashkent, <https://soliq.uz/page/asosiy-korsatkichlar>. [51]
- State Information Agency of Turkmenistan (2021), *Digitalisation of the economy: accomplishments of the year and future opportunities*, State Information Agency of Turkmenistan, Ashgabat, <https://tdh.gov.tm/ru/post/25678/tsifrovizatsiya-ekonomiki:-dostizheniya-goda-i-perspektivy>. [122]
- State Information Agency of Turkmenistan (2021), *Law on the State Budget of Turkmenistan 2021*, State Information Agency of Turkmenistan, Ashgabat, <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/36737/zakon-turkmenistana-o-gosudarstvennom-byudzhete-turkmenistana-na-2021-god>. [54]
- State Information Agency of Turkmenistan (2020), *The planned transition to a digital economy is a factor for successful integration in the modern system of global economic connections*, State Information Agency of Turkmenistan, Ashgabat, <https://tdh.gov.tm/ru/post/23857/planomernyi-perekhod-k-tsifrovoy-ekonomike-%E2%80%93-faktor-ushpeshnoi-integratsii-v-sovremennuyu-sistemu-mirokhozyaistvennykh-svyazei>. [121]
- State Migration Service of Kyrgyzstan (2014), *Report on Migration in the Kyrgyz Republic*, State [95]

- Migration Service of Kyrgyzstan, Bishkek, https://www.auca.kg/uploads/Tian%20Shan%20Policy%20Center/TSPC%20Publications/Unified%20Migr%20Report_2014.pdf.
- Statistica (2021), *Sputnik V doses bought from Russia 2021, by country*, Statistica, Hamburg, [18] <https://www.statista.com/statistics/1123927/sputnik-v-exports-from-russia-by-country/>.
- Sulaimanova, M. (2020), *Digital Kyrgyzstan. The State Reistration Service created a mobile app for receiving digital services*, Kabar, Bishkek, <http://kabar.kg/news/tcifrovoy-kyrgyzstan-grs-sozdalo-mobil-nye-prilozheniia-dlia-poluchenii-uslug-udalennoi/>. [124]
- Sulaimanova, M. (2020), *In Kyrgyzstan the social project of the digital platform Digiskills was launched*, Kabar, Bishkek, <http://kabar.kg/news/v-kyrgyzstane-zapustili-sotsial-nyi-proekt-tcifrovoy-platformy-digiskills/>. [146]
- Tengri Partners & IHS Markit (2021), “Services output rebounds at end of first quarter”, *Tengri Partners Kazakhstan Services PMI*, Tengri Partners & IHS Markit, Almaty & London, <https://www.markiteconomics.com/Public/Home/PressRelease/c68e5071864c4ed0a82bd6555cd601b6>. [25]
- The Tashkent Times (2021), *US\$ 2.5 billion to be drawn for development of digital infrastructure, says Abdulla Aripov*, The Tashkent Times, Tashkent, <https://tashkenttimes.uz/national/6362-us-2-5-billion-to-be-drawn-for-development-of-digital-infrastructure-says-abdulla-aripov>. [132]
- Tibuleak, A. et al. (2020), *'Together We're Stronger': The Role of Business Associations in the Time of COVID-19*, Helvetas, Zurich, <https://www.helvetas.org/en/switzerland/how-you-can-help/follow-us/blog/inclusive-systems/Business-associations-COVID>. [174]
- TUAC (2020), *Covid19 crisis: Mapping out trade union and social partners' responses*, Trade Union Advisory Committee to the OECD, Paris, <https://tuac.org/news/covid19-crisis-mapping-out-trade-union-and-social-partners-responses/>. [170]
- Tulesheva, G. (2021), *The pilot will be expanded*, *Kazakhstanskaya Pravda*, Almaty, <https://www.kazpravda.kz/fresh/view/pilot-budet-masshtabirovan>. [128]
- Tunduk Electronic Interoperability Center (2019), *Electronic Interoperability System “Tunduk”*, State Committee of Information Technologies and Communications of the Kyrgyz Republic, Bishkek, <https://kg.tunduk.gov.kg/wp-content/uploads/2019/03/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB-%D0%91%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%8E%D1%80%D0%B0.pdf>. [120]
- Turkmen Logistics Association (2021), *About us*, Turkmen Logistics Association, Ashgabat, <https://tla.tm/o-nas>. [161]
- UN ESCAP (2017), *A Study of ICT Connectivity for the Belt and Road Initiative (BRI): Enhancing Collaboration in China-Central Asia Corridor*, United Nations, Bangkok, <https://www.unescap.org/sites/default/files/ICT-Connectivity-for-Belt-and-Road-Initiative-in-China-Central-Asia-Corridor.pdf>. [136]
- UNCTAD (2021), *Country Fact Sheet: Tajikistan*, UNCTAD Country Fact Sheets, UNCTAD, Geneva, https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_tj_en.pdf. [81]

- UNCTAD (2021), *Country Fact Sheet: Uzbekistan*, UNCTAD Country Fact Sheets, UNCTAD, Geneva, https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_uz_en.pdf. [82]
- UNCTAD (2021), *Foreign investment flows to developed countries slump by 58% in 2020*, UNCTAD, Geneva, <https://unctad.org/news/foreign-investment-flows-developed-countries-slump-58-2020>. [79]
- UNCTAD (2021), “Global Investment Trend Monitor”, No. 38, UNCTAD, Geneva, <https://unctad.org/webflyer/global-investment-trend-monitor-no-38>. [87]
- UNCTAD (2021), *World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery*, World Investment Report, No. 2021, UNCTAD, Geneva, https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_en.pdf. [80]
- UNDP Kyrgyz Republic (2021), *Embracing Equality in a Digital Era in Central Asia*, United Nations, Bishkek, <https://www.kg.undp.org/content/kyrgyzstan/en/home/presscenter/pressreleases/2021/04/embracing-equality-in-a-digital-era-in-central-asia.html>. [143]
- UNICEF (2021), “School Closures Database”, *Global Databases*, UNICEF, New York, <http://data.unicef.org>. [103]
- Union of Entrepreneurs of Turkmenistan (2021), *About us*, Union of Entrepreneurs of Turkmenistan, Ashgabat, <http://www.eut.itgo.com/ru/about.html>. [162]
- Union of Industrialists and Entrepreneurs of Turkmenistan (2021), *Industry associations are created in the structure of the UIET*, Union of Industrialists and Entrepreneurs of Turkmenistan, Ashgabat, <https://www.tstb.gov.tm/News/Details?id=183>. [160]
- United Nations Global Compact & International Chamber of Commerce (2015), *Scaling Up Sustainability Collaboration: Contributions of Business Associations and Sector Initiatives to Sustainable Development*, UN Global Compact, New York, <https://www.unglobalcompact.org/library/3121>. [184]
- University of Oxford (2021), *COVID-19 Government Response Tracker*, University of Oxford, Oxford, <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker>. [5]
- Usmanov, J. and I. Naidenova (2019), *Professional and business associations*, University of Central Asia, Bishkek, <https://www.ucentralasia.org/Content/Downloads/CSI%20DP3%20-%20Business%20and%20professional%20associations.pdf>. [155]
- Uvarova, O. (2020), “SMEs Digital Transformation in the EaP countries in COVID-19 Time: Challenges and Digital Solutions”, EU Eastern Partnership Civil Society Forum, Brussels, <https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/SMEs-digital-transformation-in-the-EaP-countries-during-COVID-19.pdf>. [147]
- Uzbekistan State Information Agency (2020), *President: Without a digital economy the economy of our country has no future*, Uzbekistan State Information Agency, Tashkent, <https://uza.uz/ru/posts/prezident-bez-tsifrovoy-ekonomiki-net-budushchego-u-ekonomik-22-09-2020>. [126]

- Uzbekistan State Statistical Committee (2021), *External activity indicators*, Uzbekistan State Statistical Committee, Tashkent, <https://api.stat.uz/api/v1.0/data/ozbekiston-respublikasining-tashqi-savdosi?lang=ru&format=pdf>. [77]
- van der Key, K. (2020), *COVID and the new debt dynamics of Kyrgyzstan and Tajikistan*, Eurasianet, New York, <https://eurasianet.org/covid-and-the-new-debt-dynamics-of-kyrgyzstan-and-tajikistan>. [58]
- WEF (2016), *How does the internet cross the ocean?*, World Economic Forum, Geneva, <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/how-does-the-internet-cross-the-ocean/>. [135]
- WHO (2021), *COVID-19 Explorer*, World Health Organization, Geneva, <https://worldhealthorg.shinyapps.io/covid/> (accessed on 17 June 2021). [9]
- World Bank (2021), *Data, Digitalization, and Governance: Europe and Central Asia Economic Update*, World Bank Group, Washington, D.C., <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35273>. [110]
- World Bank (2021), *Digital CASA - Uzbekistan*, World Bank Group, Washington, D.C., <https://projects.worldbank.org/en/projects-operations/project-detail/P166615>. [137]
- World Bank (2021), “Disclosable Version of the ISR - P160230 - Sequence No : 07”, *Digital CASA - Kyrgyz Republic*, World Bank Group, Washington, D.C., <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/129221616516258330/disclosable-version-of-the-isr-digital-casa-kyrgyz-republic-p160230-sequence-no-07>. [138]
- World Bank (2021), *Global Economic Prospects*, World Bank Group, Washington D.C., <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34710>. [3]
- World Bank (2021), *Tajikistan Digital Foundations Project (Phase 1 of Digital CASA - Tajikistan)*, World Bank Group, Washington, D.C., <https://projects.worldbank.org/en/projects-operations/project-detail/P171382>. [139]
- World Bank (2021), *World Development Indicators*, World Bank Group, Washington, D.C., <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>. [2]
- World Bank (2020), *COVID-19 and Human Capital: Europe and Central Asia Economic Update*, World Bank Group, Washington, D.C., <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34518/9781464816437.pdf>. [55]
- World Bank (2020), *Trade (% of GDP) - Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan, OECD members, European Union*, World Bank Group, Washington, D.C., <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS?locations=KZ-KG-TJ-UZ-TM-OE-EU>. [66]
- World Bank (2020), *World Development Indicators*, World Bank Group, Washington, D.C., <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed on 31 January 2021). [4]
- World Bank (2019), “Household Savings in Central Eastern and Southeastern Europe - How Do Poorer Households Save?”, *Policy Research*, No. 8751, World Bank, Washington, D.C., [99]

- <http://documents.worldbank.org/curated/en/919071550592981050/pdf/WPS8751.pdf>.
- World Bank (2017), *World Development Indicators*, World Bank, Washington, D.C., [100]
<https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.
- World Bank (2014), *Public-Private Dialogue in Fragile and Conflict-Affected Situations*, World Bank Group, Washington, D.C., [182]
<http://ppd.cipe.org/wp-content/uploads/2014/08/Public-Private-Dialogue-on-Fragile-and-Conflict-Affected-Situations.pdf>.
- World Bank & CIPE (2015), *Public-Private Dialogue: The Key to Good Governance and Development*, World Bank Group and Center for International Private Enterprise, Washington, D.C., [180]
<http://ppd.cipe.org/lessons-learned/public-private-dialogue-the-key-to-good-governance-and-development/>.
- World Economic Forum/INSEAD (2016), *The Global Information Technology Report 2016: Innovating in the Digital Economy*, World Economic Forum, Geneva, [102]
<http://dx.doi.org/978-1-944835-03-3>.
- WRONG COVID VAX Our World in Data (2021), <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations>, Our World in Data, UK, [191]
<https://ourworldindata.org/covid-vaccinations>.
- WRONG COVID-19 CRISIS REPOSE OECD (2020), *COVID-19 crisis response in Central Asia*, <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-crisis-response-in-central-asia-5305f172/>. [189]
- WRONG COVID-19 crisis response OECD (2020), “COVID-19 crisis response in Central Asia”, *OECD Policy Responses to Coronavirus*, OECD, Paris, [188]
<https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-crisis-response-in-central-asia-5305f172/>.
- WRONG DEV INDICATORS World Bank (2021), *World Development Indicators (database)*, World Bank Group, Washington DC, [194]
<https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed on 31 January 2021).
- WRONG Kemp, S. (2021), *Digital 2021: Kyrgyzstan; Digital 2021: Kazakhstan; Digital 2021: Turkmenistan; Digital 2021: Tajikistan; Digital 2021: Uzbekistan*, [197]
<https://datareportal.com/reports/digital-2021-uzbekistan>;
<https://datareportal.com/reports/digital-2021-tajikistan>;
<https://datareportal.com/reports/digital-2021-kyrgyzstan>;
<https://datareportal.com/reports/digital-2021-kazakhstan>;
- WRONG LEB OECD (2021), *Improving the Legal Environment for Business in Central Asia*, OECD Publishing, [192]
<https://www.oecd.org/eurasia/improving-legal-environment-business-central-asia.htm>.
- WRONG LEB OECD (2021), *Improving the Legal Environment for Business in Central Asia*, OECD, Paris, [198]
<https://www.oecd.org/eurasia/improving-legal-environment-business-central-asia.htm>.
- WRONG strengthening the recovery OECD (2021), “Strengthening the recovery: The need for speed”, *OECD Economic Outlook, Interim Report*, OECD, Paris, [199]
<https://www.oecd->

ilibrary.org/docserver/34bfd999-en.pdf.

- WRONG Usmanov, J. and I. Naidenova (2019), *Professional and Business Associations*, University of Central Asia. [196]
- Xe (2021), *Currency Charts*, Xe.com, Newmarket, Canada, <https://www.xe.com/currencycharts/> (accessed on 24 May 2021). [39]
- Yusufzoda, M. (2020), *In Tajikistan small and medium businesses are being offered benefits due to the coronavirus. To whom and how much?*, RFE/RL, <https://rus.ozodi.org/a/30654247.html>. [35]
- Ziayev, B., W. Seitz and A. Rajabov (2020), “Tajikistan: Economic Slowdown Amid the Pandemic”, *Tajikistan Economic Update*, World Bank Group, Washington, D.C., <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/856841608613708986/tajikistan-economic-slowdown-amid-the-pandemic>. [62]

ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 ПЕРСПЕКТИВЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вспышка COVID-19 в странах Центральной Азии в начале 2020 года оказала серьезное социально-экономическое воздействие на регион, который еще не успел полностью оправиться от последствий мирового финансового кризиса 2008-2009 годов и ценового шока на товарных рынках в 2014-2015 годах. Структурные недостатки, связанные с потенциалом государственного и частного сектора, обусловили особую уязвимость стран Центральной Азии перед трудностями, возникшими в сфере экономики и здравоохранения. В ближайшем будущем восстановление социально-экономической сферы будет зависеть от эффективности кампаний по вакцинации и мер государственной поддержки, но в долгосрочной перспективе потребуются принять конкретные действия, чтобы устранить имеющиеся слабые стороны. Необходима масштабная программа реформ, которая заложит основы для того, чтобы частный сектор стал главной движущей силой экономического роста. Оптимизация делового климата должна дополняться мерами, направленными на решение долгосрочных задач, таких как внедрение цифровых технологий и борьба с изменением климата. Таким образом, перспективы восстановления экономики стран Центральной Азии будут зависеть от способности властей использовать кризис как возможность для проведения более глубоких преобразований.

Данный доклад подготовлен в рамках проекта, осуществляемого при финансовой поддержке Европейского союза. В нем раскрываются макроэкономические последствия пандемии для экономики стран Центральной Азии, оценивается общая реакция властей на сложившуюся обстановку и разбираются факторы, повлиявшие на выбор ответных мер. В документе выделены четыре направления работы, имеющие первостепенное значение для скорейшего выхода из кризисной ситуации: управление государственными доходами, улучшение делового климата, внедрение цифровых технологий и переход к экологически-ориентированной экономике. Помимо этого, рассматривается способ, позволяющий обеспечить соответствие принимаемых мер потребностям предприятий за счет анализа вклада посреднических организаций в восстановление частного сектора. Странам региона предлагаются конкретные рекомендации по дальнейшей работе в приоритетных сферах.